

Пол Картледж
История Древней Греции в 11 городах

Страницы истории (АСТ) –

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ В 11 ГОРОДАХ

Пол КАРТЛЕДЖ

ОТ МИКЕН ДО ВИЗАНТИЯ

«Пол Картледж. История Древней Греции в 11 городах»: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-080229-6

Оригинал: Paul Cartledge, "Ancient Greece: A History in Eleven Cities"

Перевод: Е. А. Семенова, Антон Викторович Короленков

Аннотация

Афины, Спарта, Милет, Сиракузы, а также другие греческие полисы...

Через историю 11 крупнейших городов-государств, рассеянных по трем континентам, автор показывает нам всю историю великой Эллады в ее политическом, культурном, экономическом и военном многообразии.

Пол Картледж
История Древней Греции в 11 городах

Посвящается сотрудникам правления Фонда А. Дж. Левентиса

Пол Картледж – один из ведущих мировых специалистов по истории Древней Греции, преподаватель Кембриджского университета.

Предисловие

Нелегко в рамках небольшой книги хоть в какой-то мере воздать должное Древней Греции, которая представляла собой смешанную цивилизацию или культуру примерно 1000 городов отдельных и зачастую чрезвычайно своеобразных политических образований в различные моменты античной истории, к тому же разбросанных на пространстве от Южной Испании до черноморского побережья нынешней Грузии. (Музей «Фитцвильям» в Кембридже в 2008 г. предоставил свои залы для выставки исключительно изысканных предметов преимущественно греческого изготовления, обнаруженных во время раскопок в Вани (Грузия), соединенной с организованной самим музеем выставкой монет со всего Средиземноморья.)

Для удобства читателя я включил в книгу аннотированный именной указатель, словарь терминов, хронологическую таблицу, а также пояснения по поводу написания греческих слов и имен, греческих денежных единиц и мер длины. Однако я должен также привлечь внимание читателей к «Кембриджской иллюстрированной истории Древней Греции». Как и в нашей книге, в ней сочетаются тематический и хронологический подходы, рассмотрены вопросы развития общества, экономики, религии, культуры наряду с политической, военной и дипломатической историей, но формат ее в отличие от предлагаемой книги совершенно не годится для того, чтобы ее можно было возить с собой в кармане и читать в поезде, автобусе или самолете. Я надеюсь, что она окажется полезной для читателей этой книги – как и для меня, когда я писал ее.

Благодарности

Я бы хотел поблагодарить моих коллег по работе над «Кембриджской историей Древней Греции»: Сью Элкок (ныне работает в Брауновском университете), Ника Фишера (университет Уэльса, Кардифф), Мэрилин Кац (Уэслианский университет), Эдит Хэлл (ныне работает в Королевском университете Холлоуэй, Лондон), Карима Арафата (Лондонский королевский колледж), Кэтрин Морган (ныне директор Британской школы в Афинах), Лесли Дин-Джонса (Техасский университет, Остин) и Ричарда Бакстона (университет Бристоля); а также других коллег и друзей, живущих в Европе (особенно в Греции), Африке, Америке – как Северной, так и Южной, – Австралии и Японии, которые так или иначе способствовали созданию предлагаемой работы. Не имея возможности назвать всех поименно, ибо их слишком много, особо упомяну все же еще двоих: Роберта Гарланда (Колгейтский университет) и Полли Лоу (Манчестерский университет), которые в чрезвычайно короткие сроки прочитали и со знанием дела прокомментировали текст на завершающей стадии. Не могу также забыть и «анонимного читателя» в издательстве, который избавил меня от серьезных трудностей. Если бы не их доброжелательность и дружеская поддержка, эта книга увидела бы свет в куда менее доработанном виде, нежели получилось в итоге. Кроме того, я счастлив писать в то время, когда изучение Древней Греции переживает значительный подъем и (это не менее важно) когда писать для более широкой аудитории, нежели несколько специалистов, является скорее приятным долгом, чем обязанностью.

В том же контексте борьбы за выход к широкому читателю мне оказали высокую честь, обеспечив мое постоянное пребывание в профессорской должности на классическом факультете Кембриджского университета в рамках программы «A. G. Leventis Professorship of Greek Culture» (решение вступило в силу с 1 октября 2008 г.). Эта книга является одним из первых результатов сего благотворительного акта, и она посвящена, в духе неизъяснимой *kharis*¹, уполномоченным Фонда Левентиса.

Греческие денежные единицы и меры длины

I. Деньги

6 оболов = 1 драхма

2 драхмы-1 статер (дословно «весы»)

100 драхм = 1 мина (или мна) [слово вавилонского происхождения]

60 мин = 1 талант (слово того же происхождения)

Заметим, во-первых, что ценность монет, чеканившихся с конца VII в. до н.э. из электрума, золота, серебра или бронзы, зависела от их веса и что разные города пользовались разными весовыми стандартами, часто их устанавливали другие города. Во-вторых, хотя и невозможно напрямую переводить вес/стоимость античных денег в современные валютные эквиваленты, полезно знать, что среднесуточная оплата труда ремесленника в V и IV вв. до н.э. колебалась от 1 до 2,5 драхм и что было установлено примерное равенство между суточной ставкой оплаты труда ремесленника и жалованьем, которое выдавалось гражданам в демократических Афинах за участие в работе народного собрания в 390–320 гг. до н.э. Ежедневная стоимость жизни для семьи из четырех человек в Афинах V в. до н.э. колебалась от 2,5 до 6 оболов. Третье: в конце VI в. до н.э. произошли небольшие изменения: монеты мельче серебряных оболов стали чеканиться монетными дворами, в том числе таких городов, как Колофон, Эгина, Менд и Абдера; они могли использоваться при оплате за керамические изделия, внесении требуемых законом штрафов и как вступительные взносы для членов культовых сообществ при совершении религиозных обрядов. Куда менее ценные бронзовые монеты в большом количестве не чеканились до конца V в. до н.э. К этому времени выпуск золотой монеты греческими городами являлся признаком критического положения – в отличие от Персидской державы, где это было обычным делом, представляя собой мощное средство как в дипломатии, так и в торговле.

II. Меры длины

1 стадий = 600 «стопам» или примерно 200 метрам (на практике обычно он был меньше; так, олимпийский стадий равнялся приблизительно 192 метрам)².

И вновь следует заметить, что разные города по-разному определяли размер «стопы», лежавшей в основе мер длины.

¹ Услуга, милость, эд . – расположение (др.-греч .).

² Аттический стадий был равен 177,6 м. – Примеч. пер .

Карта №1. Греция и Эгейский мир

Введение

Полис представляет собой греческий вариант города-государства, и сеть более чем из 1000 полисов образовала крупнейшую культуру городов-государств в мировой истории, как в географическом, так и в демографическом отношении.

Моргенс Херман Хансен. Полис

Главная задача этой небольшой книги (бревиария, а не эпитомы) – дать удобочитаемое введение в сложную, многообразную и изменчивую историю древнегреческой цивилизации, возбуждающее как можно больший интерес к ней, но безо всякого упрощения и сюсюканья. Я рассматриваю греческую историю и цивилизацию в широком этническом и хронологическом контексте, со времен первых свидетельств об использовании греческого языка ок. 1400 г. до н.э. в Кноссе до основания Византийской империи (постантичной, как я покажу в этой книге), центром которой являлся Константинополь (бывший Византий), примерно в 330 г.

Чтобы воссоздать в рамках небольшой книги столь огромный мир, простиравшийся от Черного моря до Испании и просуществовавший столь долгое время, я сосредоточил свое внимание на одиннадцати крупных греческих городах, чья история позволяет с разных сторон осветить то, что представляется мне наиболее важными и содержательными сторонами греческой тематики: политику, торговлю, путешествия, рабство, отношения полов, религию, философию, историографию и среди прочего – роль выдающихся личностей. В ходе повествования я буду также обращать внимание на то, как реконструируется история Древней Греции, то есть на природу

доступных свидетельств, современных и не современных событиям, письменных и прочих, и т.д.; и как профессиональные ученые и другие авторы используют, могут или должны наилучшим образом использовать эти свидетельства.

Если бы меня попросили дополнительно уточнить определение «Древняя Греция», то я бы рассматривал ее как цивилизацию городов. Слово «цивилизация» восходит к латинскому *civitas*, «общество»³, от которого также происходит английское слово «город» (*city*). Однако не римляне первыми начали развивать городскую цивилизацию, «урбанизацию» (*citification*) культуры. Им предшествовали в этом греки наряду с этрусками в Италии и финикийцами из нынешнего Ливана. В самом деле, при более широком понимании термина «город» первые следы цивилизации в урбанистическом смысле можно обнаружить еще в III или даже IV тысячелетии до н.э., в цивилизации Междуречья в Верхней и Нижней Месопотамии (современный Ирак). Однако здесь я хотел бы уточнить, что понятие «город» обладает количественным и качественным содержанием, подразумевая собой тип самоуправляющегося геополитического пространства, сочетающего в себе город и село в рамках динамического симбиоза.

Сегодня, если исходить из более или менее принятого определения термина «город», в них проживает более половины населения земного шара. И впрямь, некоторые мегаполисы – Токио, Нью-Йорк – имеют внутренний валовой продукт, подобный по своим масштабам ВВП целых стран (Испании, Канады)... В том греческом мире, который я имею в виду, ситуация была совершенно иной. Не менее 90 процентов населения постоянно проживало именно в сельской местности, противопоставленной тому, что можно считать городом. Можно сказать и наоборот: отнюдь не все греки обязательно жили в городах. Даже в весьма урбанизированных Афинах большинство афинян в конце V в. до н.э., как сообщает Фукидид, обитали в деревне⁴. Тем не менее – и это объясняет мое решение рассмотреть историю Греции на примере одиннадцати городов – типичный, определяющий способ социального сосуществования греков в течение четырнадцати столетий или что-то около того, которые освещаются здесь, был тем, что сами греки называли *polis*. Как гласит знаменитое определение в аристотелевской «Политике» (то есть «Дела, касающиеся полиса»), человек – человечество – «животное политическое», в строгом смысле живого организма, самой природой приуроченного для того, чтобы реализовывать свой потенциал в рамках (и только в рамках!) политической структуры полиса.

В сущности, «полис» – одно из самых употребительных у древних греков существительных, занимающее 39-е место в списке наиболее часто встречающихся 2000 греческих слов. Оно опережает в этом смысле такие существительные, как *anér* («мужчина» в гендерном смысле) и *theos* («бог»). Можно указать не менее четырех его значений, из которых два – «город» (понимаемый как пространство в центре города) и «государство» – являются наиболее важными для нас. В контексте нашего разговора стоит учесть, что, хотя большинство населения проживало скорее в маленьких городах или деревнях (на территории хоры, или сельской местности), нежели в крупных городских центрах, мужчины из числа свободных, активная творческая часть эллинства, являлись полноправными членами политических сообществ, также называвшихся полисами, что лучше всего перевести на наш язык как «государство граждан». И именно в крупных урбанистических центрах, городах в более узком политическом смысле, это коллективное самоуправление нашло наиболее яркое воплощение. Именно в таком смысле греческий полис являлся тем, что дало жизнь слову

³ Точнее, сообщество граждан, полисная община. Существовал и другой термин для обозначения общества – *societas*, от которого берет начало английское *society*. – Примеч. пер.

⁴ Речь, конечно, идет не о самих Афинах, а об Аттике, центром которой они являлись. – Примеч. пер.

«политика» и родственным ему, и это была та черта греческой цивилизации, которая породила понятия «аристократия», «олигархия», «тирания» и – последнее по порядку, но не по значимости – «демократия», которая стала одной из распространенных и устойчивых особенностей Древней Греции.

Важно с самого начала четко усвоить, что в древности и в помине не было ничего подобного национальному государству под названием «Греция», но только, как мы увидим, сеть греческих городов и другого рода поселений, связанных чувством общей культуры, наиболее ярко выражавшегося, как мы сегодня сказали бы, религиозными средствами. Геродот, первый из тех, кто может по праву называться историком, вложил в уста афинского оратора следующее определение эллинства, адресованное к спартанцам, союзникам Афин, в критический момент решительного противостояния между греками и «варварами» (то есть негреками) персами зимой 480/79 г. до н.э.:

«...наше кровное и языковое родство с другими эллинами, общие святилища богов, жертвоприношения на празднествах и одинаковый образ жизни, предать все это – позор для афинян»⁵.

Это рассуждение придумал Геродот, и оно подразумевает осознанное единение, которое крайне редко можно было наблюдать в политике в отличие от культурной жизни. Красноречивое отсутствие ссылок на какое-либо единство в этом впечатляющем определении панэллинской (общегреческой) идентичности говорит само за себя. И впрямь показательно, что речь шла именно об отсутствии национального государства или, если использовать позитивное суждение, в высшей степени индивидуалистической природе греческого полиса, которая придала эллинской цивилизации ее неповторимый характер. Почему различные греческие полисы возникали или создавались, и чем они отличались от более ранних городов, будет подробнее рассмотрено в последующих главах.

В любое время второй половины I тыс. до н.э. и первых трех веков н.э. существовало примерно 1000 или около того отдельных организмов которое можно назвать словом «полис». Мы знаем и можем утверждать это с уверенностью благодаря десятилетним исследованиям Копенгагенского центра по изучению полиса под руководством неподражаемого Моргенса Хермана Хансена. Выбор именно одиннадцати городов из этой тысячи обусловлен решением Радаманта (сын Зевса и Европы, брат Миноса: см. первую главу). Свою роль сыграли различные факторы и мотивы. Я хотел включить островной город – или город на греческом острове, или город, который являлся единственным полисом на греческом острове. Рассказом о Кноссе я покончил с Критом. Хотел рассмотреть наиболее крупные районы центра эгейской Греции или сердцевины Эллады: соответственно я выбрал три города с «острова Пелопса», или Пелопоннеса (Микены, Аргос и Спарта), два – из центра Эллады (Афины и Фивы), один из «Восточной Греции», то есть западного побережья Анатолии, или, как ее еще называют, Малой Азии (Милет), и один, являвшийся мостом между Западом и Востоком, евразийский город Византий (позднее Константинополь, ныне Стамбул). Кроме того, очень важно, чтобы оказалась должным образом представлена греческая «колониальная» диаспора – поэтому выбор пал на Массалию, современный Марсель (основан жителями малоазийского города), Сиракузы (основаны жителями пелопоннесского города) и

⁵ Геродот. История. VIII. 144. Пер. Г.А. Стратановского. В английском переводе А. Первиса, который цитирует автор, сказано «не пристало афинянам быть предателями греческого народа», однако в тексте подлинника слова «греческого народа» отсутствуют. – *Примеч. пер.*

Византий (основан жителями города из Центральной Греции); в сущности, они были не собственно колониями в нашем смысле (греческое «апойкия» дословно означает «дом из дома»), однако такая терминология уже стала общепринятой. Наконец, я хотел представить новый, постклассический эллинистический мир, созданный в результате завоеваний Александра Великого и прославленный в конце XIX и начале XX столетия моим любимым новогреческим поэтом К. П. Кавафисом – какой выбор мог быть лучше, нежели в пользу родного города самого Кавафиса – Александрии Египетской, основанной доподлинно самим Александром (чего нельзя сказать о других Александриях)?

Конечно, я вынужден огорчить читателя: почему ничего не сказано ни об одном из городов материковой Греции к северу от Фив (Абдера – родина Протагора и Демокрита, например)? Или Причерноморья – скажем, Ольвии? Или Северной Африки к западу от Александрии (очевидный кандидат – Кирена)? Почему не другие города Пелопоннеса – Коринф, Мессена или Мегалополь? Список можно продолжить, и в каждом случае у меня были свои причины, чтобы исключить тот или иной город, прежде всего недостаток добротных или по крайней мере еще и освещающих достаточно продолжительный отрезок времени современных событиям аутентичных свидетельств. Но по крайней мере один из названных только что городов существует до сих пор⁶, как и основанная им колония Сиракузы. И я хотел бы надеяться восполнить хотя бы некоторые из этих вынужденных пробелов и умолчаний другими стимулирующими способами.

Часть первая Предыстория

Глава 1 Кносс

И каждый раз все идут, и идут,
И идут корабли из Кносса.

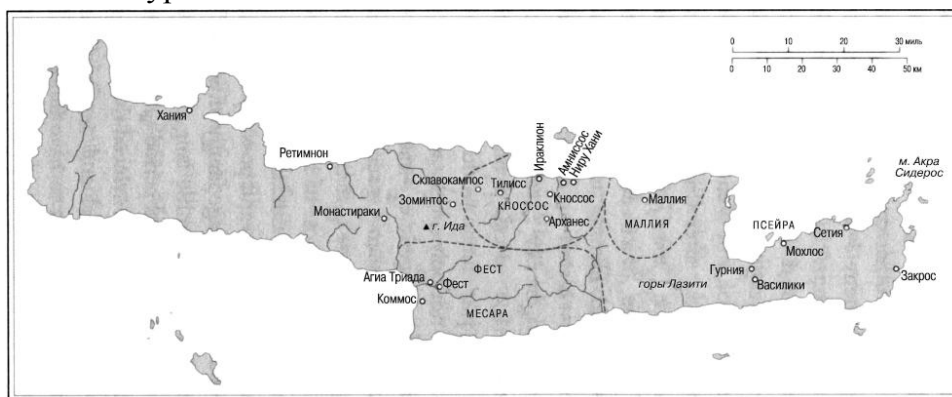
Д. Г. Лоуренс. Греки идут

В 2008 г. Общественный благотворительный фонд Александра С. Онассиса организовал как всегда роскошную и познавательную выставку в своей штаб-квартире в деловом районе Манхэттена. Организаторы назвали ее «Первая дворцовая цивилизация Европы: Минойский Крит, 3000-1100 гг. до н.э.». Более 200 объектов на экране приковывали к себе внимание аудитории – фрагменты настенной росписи, великолепные ювелирные изделия и статуэтки из различных металлов, сосуды и подношения для церемоний, каменные печати, керамика, инструменты, следы приготовления пищи, таблички с надписями. Что же касается последних, то именно 3000-4000 табличек с силлабическим «линейным письмом Б», найденных в кносском дворце и датируемых ок. 1400 г. до н.э., обеспечили городу Кноссу выигрышную позицию в начале нашего рассказа о греческих городах. В 1952 г. архитектор и дешифровщик Майкл Вентрис, которому серьезно помогал эллинист из Кембриджского университета Джон Чедвик, объявил изумленному миру, что

⁶ Имеется в виду Коринф. – *Примеч. пер.*

«линейное письмо Б», непохожее на своего предшественника, до сих пор не расшифрованное «линейное письмо А», является наиболее ранней формой греческого языка (а не, например, этрусского, до сих пор не прочитанного)⁷. Тем самым Вентрис и Чедвик продлили более чем на тысячелетие историю этого языка и позволили совершенно по-новому осмыслить то, что, с точки зрения историков, является последним этапом греческой праистории, который на языке археологов называется поздним бронзовым веком.

Почти столь же волнующее впечатление производило название выставки – организаторы с истинно греческой тягой к «знаменитым первым» широковещательно обозначили эпоху раннего, среднего и позднего бронзового века на Крите как «первую дворцовую цивилизацию Европы». Действительно, Крит – остров, чья особенность во многом состоит именно в том, что он не принадлежит в географическом отношении к европейскому континенту, но лежит примерно на равном расстоянии между Южной Грецией и Северной Африкой, и через него проходили торговые и миграционные пути из Восточного Средиземноморья (современный Ближний, или Средний Восток) в Грецию, Египет и более отдаленные края на западе. Кроме того, флора и фауна острова отражают его положение между тремя континентами – Европой, Азией и Африкой, в результате чего он представляет собой один из наиболее привлекательных из всех сопредельных греческих областей для современных туристов.

Карта №2. Крит бронзового века (*Scientific American. Специальный выпуск 'Ancient Cities' 1994. P. 48*)

То, что бронзовый век на Крите был эпохой «дворцовой» цивилизации, сомнений не вызывает, хотя первые дворцы – в Кноссе и четырех других центрах, растянувшихся по линии в 160 километров поперек острова (это третий по величине остров Средиземноморья после Кипра и Сицилии) – возникли скорее около 2000-го, нежели 3000 г. до н.э. Но то, что эта цивилизация действительно греческая, доказали только Вентрис и Чедвик более полувека спустя после того, как сэр Артур Эванс (1851–1941), начавший раскопки в Кноссе, назвал ее минойской в честь критского царя Миноса из греческих легенд значительно более позднего времени. Геродот, заслуживший титул первого историка в мире, очень сомневался, существовал ли Минос на самом деле, поскольку тот не принадлежал к «так называемому поколению людей», противопоставлявшемуся дочеловеческому миру мифов и легенд. Однако Эванс был не только чрезвычайно богатым человеком и целеустремленным и энергичным археологом, но также и одаренным публицистом, и его слово «минойский» стало служить для гуманизации и эллинизации культуры, которая была не только догреческой по своим корням, но большую часть времени своего существования также и

⁷ Это не совсем так – хотя этрусское письмо не расшифровано полностью, однако значительная часть выполненных на нем надписей уже поддается прочтению целиком или частично. – *Примеч. пер.*

негреческой. Ибо «линейное письмо А», какой бы язык оно ни передавало, принадлежало явно не к индоевропейской языковой семье, к которой относится и греческий, а к семитской. Наиболее поздние греческие историки – Геродот здесь главное исключение – не сомневались ни в том, что легендарный эпоним Минос был исторической личностью, ни в том, что он был греком. В самом деле считали, что он выступил в столь характерной для ранних правителей роли законодателя. Это до некоторой степени походило на правду, поскольку исторический Крит⁸, знаменитый своими ста городами (в действительности их было гораздо меньше), славился числом созданных там законов и их творцов – здесь прежде всего вспоминается критский город Гортина (см. ниже). Однако сегодня нам следует проявлять большую осторожность, прежде чем смело принимать мнение Эванса, как и древних греков, о том, что Минос, протогреческий аналог вполне реального вавилонского законодателя Хаммурапи (начало XVIII в. до н.э.), действительно существовал.

Для нас Минос представляет интерес прежде всего потому, что является героем одного из самых плодотворных и обретших долгую жизнь изобретений греческого интеллекта – мифа. Это правда, что некоторые мифы (греческое слово *mythoi* в целом означает «повествование», в данном случае фольклорно-эпическое) могли содержать в себе историческое зерно, скрытое где-то в глубине тех времен, когда они зародились. Однако не из-за отношения к историческим фактам народные сказки становятся мифами и выполняют разнообразные функции – объясняют сотворение и устройство мира или легитимируют политическую власть, например, – мифам присущие. Практические функции мифов обычно намного весомее, нежели точное соответствие исторической истине (очень незначительное или вообще нулевое). Таким образом, хотя составители греческого хронографа, известного под названием Паросского мрамора (написан в 260-х гг. до н.э. на камне, найденном на Паросе – острове, входящем в состав Кикладского архипелага), включили правление Миноса в список дат греческой истории между (по нашему летосчислению) 1582 и 264/3 гг. до н.э., нам куда лучше придерживаться скептического взгляда Геродота, о котором говорилось выше, и рассматривать Миноса (плод похищения Зевсом в облике быка финикийской царевны Европы) и связываемую с ним талассократию как нечто не более историческое и не менее мифическое, нежели Минотавр (потомство жены Миноса Пасифаи и быка – периодически повторяющийся мотив быка).

В лучшем случае мы можем говорить об «истории-мифе», когда речь идет о позднем бронзовом веке на Крите, – то же касается и остальной Греции (несмотря на кажущуюся историчность гомеровских поэм, как мы увидим это в следующей главе). История-миф, дополняемый или корректируемый «немыми», но, как правило, объективными данными археологии, – это все, чем мы располагаем, чтобы воссоздать по крайней мере семь столетий или около того (ок. 1500– 800 гг. до н.э.) засвидетельствованной в источниках активности греков. И первое, что мы наблюдаем, – это различия, конкретно – между предысторическим греческим и негреческим дворцом и историческим греческим полисом подобны непреодолимой пропасти, как в материальном и идеологическом отношении, так и в более узком смысле, в области политической культуры.

Критский дворец эпохи поздней бронзы (кносский занимал площадь примерно в 750 квадратных метров) функционировал как политический и церемониальный центр, являясь символом власти, которую осуществлял своего рода властитель или верховный вождь, «большой человек» (вероятнее, именно он, нежели царица), который – по крайней мере при правлении греков – мог назваться анаксом (*anax*), или владыкой. Однако были и другие видные и влиятельные люди, жившие

⁸ Под историческим периодом автор понимает не период государственности, как это имеет место в отечественной науке, а период, обеспеченный источниками, где более или менее связно и достоверно излагается история соответствующего государства. – Примеч. пер.

поблизости в так называемых особняках, построенных из отлично обработанного и плотно пригнанного тесаного камня, как и сам дворец. В экономическом отношении кносский дворец выполнял роль центра распределения и хранения, способный, по последним оценкам, обеспечивать 14–18 тысяч человек (эти цифры представляются куда более правдоподобными, нежели 80–100 тысяч, как то казалось Эвансу). Эта по сути своей аграрная система (благодаря климату, который за прошедшие три тысячелетия мало изменился) в основном производила три пищевых продукта: зерно (преимущественно ячмень, поскольку он весьма засухоустойчив, а также разные сорта пшеницы и некоторые менее значимые культуры, такие, как просо), вино (критские почва и климат еще и теперь знамениты тем, что очень подходят для виноградарства) и масло, то есть оливковое (дитто). С учетом вместимости сосудов в западном крыле дворца выходит, что для их наполнения требовалось как минимум 32 000 оливковых деревьев, растущих на территории площадью в 320 гектаров. Но три этих продукта существенно дополнялись кориандром, шафраном и – по крайней мере если исходить из данных «линейного письма Б» – хорошо развитым овцеводством для получения шерсти. И производство внутри страны сочеталось с мощной сетью торговых связей, простиравшихся на юг до Египта, Кикладских островов и Пелопоннесского полуострова на севере и до Леванта, опосредованной сложной системой весов и поддерживаемой особым искусством критских ремесленников. Нигде не проявилось оно столь ярко, как в изготовлении крохотных печатей, обработке полудрагоценных камней и золотых колец, где были выгравированы сцены из повседневной жизни и религиозных ритуалов.

Упомянутая триада сформировалась в эпоху ранней бронзы (III тыс. до н.э.), время «возникновения цивилизации» (если использовать изящное, не раскрывающее до конца сути вопроса определение Колина Ренфрю). Поэтому если под цивилизацией понимать урбанизацию, то говорить о превращении Кносса в город следует применительно к периоду около 2000 г. до н.э. Бросается в глаза, однако, что не только у Кносса, но и у других современных ему дворцов и других крупных населенных пунктов городских центров нет городских стен. В сравнительном отношении больше всего обращает на себя внимание отсутствие на Крите мощных фортификационных сооружений, которые отличали континентальную Грецию и были ее особенностью. Такие сооружения были известны грекам более поздних времен как «циклопические», поскольку они думали, что только гиганты, подобные гомеровским циклопам, могли построить их.

Это не означает, что критяне того времени вообще не совершали каких-либо актов агрессии, не говоря уже о массовом кровопролитии. Следы того, что очень похоже на леденящие душу человеческие жертвоприношения, были обнаружены на востоке Крита и недалеко от самого Кносса. Однако даже если оставить в стороне кровавые исключения, все равно организация критянами эпохи поздней бронзы чего-то вроде сети «колоний» или по крайней мере торговых форпостов, протянувшихся от Эгеиды до Египта, таких, как Кастри, на небольшом прибрежном острове Кифера, совершенно не похожа на то, чего можно достигнуть с помощью одного только миролюбия. И действительно, знаменитые фрески из древнегреческого аналога Помпей, современного Акротири на одном из островов Кикладского архипелага – Санторине (древняя Фера), датированных временем до масштабных разрушений на острове в результате извержения вулкана в 1620 г. до н.э., показывают, что должен был представлять собой минойский военный флот в действии. Однако дома, на Крите и конкретно в Кноссе, по-видимому, имели место узаконенные формы социальной активности, отличавшиеся особой жестокостью – прыжки через быка (именно прыжки, а не убийство быков, как у испанцев), как это виртуозно изображено на различных

произведениях искусства, в том числе и фресках. На великолепной золотой чаше, находившейся в обширном захоронении в Вафии на юго-востоке Пелопоннеса и датированной примерно 1250 г. до н.э., можно видеть быков, окруженных как раз с этой целью. С учетом таких свидетельств было бы странно отрицать, что это на Крите практиковалась своего рода форма почитания быков, предусматривавшая наличие церемониальных площадок и, несомненно, применение того, что археологи называют «вотивными рогами».

На фоне этого внешнего пацифизма (если можно здесь употребить такое слово) происходил насильственный переход власти от коренных критян к иноземцам в Кноссе около 1450 г. до н.э. – следы его очень явственны, он засвидетельствован, в частности, рядом неожиданных и ничем не объяснимых «военных захоронений», где обнаружено много бронзового вооружения. То, что теперь известно как «последворцовый период на Крите», с экономической точки зрения лучше всего объяснить как результат завоевания, и наименее противоречивым является предположение, основанное на особенностях языка и палеографии текстов «линейного письма Б», что завоевателями стали люди из материковой Греции, главным образом с Пелопоннеса, говорившие на греческом языке.

Следует отметить, что по вопросу о датировке табличек кносского «линейного письма Б» разгорелись жаркие споры. Хотя Эванс уделял немалое внимание стратиграфии (новое на тот момент понятие), то, что он подгонял рабочих, стимулируя их материально, уже само по себе никак не способствовало скрупулезному изучению археологических слоев и препятствовало ретроспективной «расшифровке» археологических данных, добытых из различных слоев. В 1960-х гг. моему бывшему научному руководителю при написании докторской диссертации в Оксфорде Джону Бордмену пришлось упорно отстаивать научную компетентность и честь Эванса, датировавшего кносские таблички временем ок. 1400 г. до н.э., в споре с решительно возражавшим ему филологом Л. Р. Палмером, который относил их к более позднему времени – ок. 1200 г. до н.э. (приблизительная датировка всех прочих известных экземпляров из материковой Греции и из других мест на Крите). Защита Бордменом точки зрения Эванса была признана всеми вполне успешной – во всяком случае, намного более успешной, нежели оборона самого Кносса от завоевателей с Балканского полуострова.

Эти завоеватели известны историкам как микенцы (даже если история и не знала их под этим именем), и им будет посвящена следующая глава. Но сначала бросим взгляд на Кносс. Политический расцвет Кносса (и Крита) падает на предысторический бронзовый век, однако «темные века» и период архаики (с XI по IX и с VII по VI столетия до н.э.)⁹ ни в коей мере не стали бесплодными в культурном отношении, и на острове, согласно традиции, как грибы стали возникать полисы (*poleis*). Согласно же другой традиции, лучше обоснованной и подкрепленной, Крит являлся страной законодателей и законов. Наглядные примеры у нас есть благодаря раскопкам агоры Дрера и относящемуся к концу VII в. до н.э. закону, начертанному на бронзе, из того же самого маленького города на востоке Крита.

В более поздние исторические времена Кносс возродился уже как греческий город, где существовал весьма важный культ богини плодородия Деметры. Среди относительно большого числа критских эпиграфических документов V в. до н.э. (наиболее знаменитый из них – свод законов из Гортины, что в центре Крита, начертанный на стенах храма ок. 450 г. до н.э.) есть фрагментированный текст примерно того же времени из святилища Артемиды в Тилиссе, согласно

⁹ VIII в. до н.э., обычно считающийся началом эпохи архаики, автор выделяет в самостоятельный «геометрический» период (см. ниже). – Примеч. пер.

которому не только с Тилиссом, но и с Аргосом на Пелопоннесе (о нем идет речь в четвертой главе) Кносс связывал детально проработанный комплексный договор, затрагивавший среди других вопросов распределение военной добычи. Одно возможное объяснение для участия Аргоса в этом соглашении состоит в том, что этот город, как сообщают (и, вероятно, так оно и было на самом деле), основал две других колонии в эпоху «темных веков», в XI – X вв. до н.э. (точнее время неизвестно), сам же Аргос в данное время являлся дорийским городом. Во всяком случае, как это следует из анахроничного упоминания у Гомера, ко времени классики Крит был колонизован заново – на сей раз преимущественно говорившими на дорийском диалекте греческого языка иммигрантами (совершенно не обязательно завоевателями), которые пришли, чтобы остаться здесь.

Последующий расцвет Кносса продолжался. Возможно, до самого римского завоевания, оккупации и превращения острова в провинцию после 146 г. до н.э.¹⁰ Говорят даже об «имперском ренессансе» в римскую эпоху. Однако то, что могут здесь увидеть сегодня туристы – «опера, поставленная в дождливый вечер», как охарактеризовал это кто-то при мне, – по большей части продукт воображения сэра Артура Эванса.

Глава 2 Микены

Они прилепили маски к нашим лицам, трагические или комические. У нас нет зеркал, чтобы увидеть себя в них.

Октай Рифат. Агамемнон

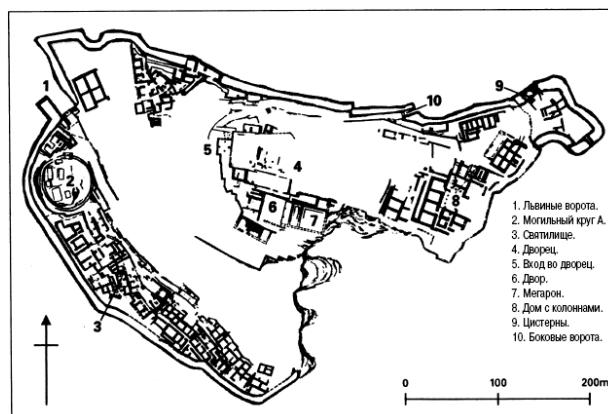
«Я смотрел в лицо Агамемнону» – так можно было бы кратко и броско передать суть сообщения, отправленного по телеграфу в греческие газеты в ноябре 1876 г. воодушевленным и глубоко ошибавшимся Генрихом Шлиманом, «сделавшим себя» прусским мультимиллионером и предпринимателем, превратившимся таким же способом в «раскопщика»¹¹. Для любителя, влекомого честолюбивым желанием отыскать прототипов гомеровских персонажей, ошибка была неизбежной. Микены эпической «Илиады» Гомера удостоились персонифицированного формульного эпитета «златообильных», и Агамемнон являлся великим царем Микен, гораздо более могущественным, нежели другие правители царского ранга, объединившиеся для того, чтобы вырвать сбившуюся с пути истинного жену Менелая, брата Агамемнона, из роковых когтей разрушителя брачных уз Париса (известен также под именем Александра), принца из царской династии Трои. Шлиман, конечно, произвел уже раскопки и здесь и потому мог с полным основанием утверждать, что обнаружил на холме Гиссарлык господствующее над Дарданеллами со стороны азиатского берега единственное место, подходящее для гомеровской Трои, – если вообще существовало точное, единое и подлинное соответствие этому легендарному «обдуваемому ветрами» городу. Однако то, что Шлиман и его греческие рабочие обнаружили в Микенах в одной из шести богатейших шахтных гробниц, находившихся в пределах много более поздних (ок. 1300 г. до н.э.) городских стен, представляло собой красивую посмертную маску взрослого мужчины с аккуратной бородой и весьма выразительным лицом. Она датируется примерно 1650 г. до н.э., то есть задолго до времени, когда произошло то, что можно считать описанной у Гомера Троянской

¹⁰ В историографии принято мнение, что Крит, чьи порты, кстати, являлись базой для пиратов, был превращен в римскую провинцию в 74 г. до н.э. – *Примеч. пер.*

¹¹ В английском тексте – «excavator», что довольно точно отражает суть археологической «деятельности» Шлимана, разрушившего остатки Илиона времен Троянской войны, которые он, собственно, и искал. – *Примеч. пер.*

войной.

Микены были крупнейшим городом позднего бронзового века в Арголиде на северо-востоке Пелопоннесского полуострова, и достаточно трезво, точно и профессионально то, что его имя дали имя целой эре – микенской эпохе. Это произошло благодаря сочетанию археологических данных и текстов Гомера – прежде всего, конечно, результатов раскопок. Как мы уже видели, свидетельства археологии и филологии показывают, что ок. 1450 г. до н.э. грекоязычные захватчики с севера сокрушили Кнос. Эти воинские сообщества принадлежали к культуре, основой которой, как и у критской культуры эпохи поздней бронзы, являлись дворцы. Однако в то время как минойская культура выглядит чем-то сугубо мирным или по крайней мере внутренне гармоничным, правители Микен и других дворцовых центров микенской эпохи на материке к северу и югу от Коринфского перешейка¹² (Фивы, Иолк, Пилос) отличались воинственностью и любили окружать свои резиденции мощными стенами (стены Микен имеют 6 метров толщины). Были грамотны или нет сами правители, но они располагали архивами, в которых хранились документы, составленные на примитивном бюрократическом варианте греческого письма, известного под названием «линейное письмо Б» (расшифровано в 1952 г., см. предшествующую главу). Знаменитое издательство «Thames & Hudson» когда-то включило книгу «Микенцы» в свою серию «Древние народы и страны» (это было рассчитанное на широкий круг читателей сочинение лорда Уильяма Тейлора). Однако микенцы не были народом в каком-либо аутентичном, органическом, засвидетельствованном в древности смысле.

Рис. 1. Цитадель Микен (основные раскопанные объекты): Gere C. Tonb of Agamemnon. Profile, 2006. P. 182-183

Более того, хотя микенская цивилизация и пользовалась греческим языком, в других базовых отношениях она представляла собой форпост ближневосточной культуры, важнейшие центры которой находились в Египте, Сирии и Ираке. Впечатляющие Львиные ворота – вход в цитадель Микен – напоминают о хеттской Хаттусе или даже Вавилоне; ульеобразные на сухой кладке со ступенчатыми выступами гробницы, известные как сокровищница Атрея (отца Агамемнона) и гробница Эгиста (любовника жены Агамемнона Клитемнестры), свидетельствуют о почти египетской страсти к роскошной жизни после смерти. Украшавшие дворцы фрески показывают, что здания оглашались песнями придворных музыкантов; возможно, существовали и микенские придворные поэты или по крайней мере поэты-песенники. Однако тексты «линейного письма Б», насколько они на данный момент дешифрованы (из Фив, Тиринфа, Айос-Василиоса, Пилоса,

¹² Другое название – Истмийский перешеек (по-английски это привело бы к тавтологии, поскольку isthmus и означает «перешеек»). – Примеч. пер.

Микен, если говорить о материке, а также из Кносса и Кании, древней Кидонии, на Крите), не содержат ни одной поэтической строки и вообще какого-либо рода литературы. Учитывая их документальную, бюрократическую функцию текущих сообщений экономических сведений, преимущественно для выполнения задач, связанных с налогами, очень маловероятно, что нечто подобное обнаружат в будущем. (Не случайно – как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло – таблички с «линейным письмом Б» сохранились: огонь, опустошивший дворцы Микен и других городов ок. 1200 г. до н.э., лишь придал им абсолютную прочность.)

Коротко говоря, микенские культура и общество представляли собой, если смотреть на них с точки зрения последующего развития Греции, фальстарт. По иронии судьбы в некотором отношении наилучшим источником по периоду между миром дворцов и миром полиса являются те самые эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея» и ряд других, известных под общим наименованием эпического цикла, которые цитируются, чтобы доказать отношения прямой непрерывной цивилизационной преемственности. Якобы и в самом деле цель эпических поэм – описать давно ушедшую, намного более высокоразвитую цивилизацию такого масштаба, какой вызывали в воображении доступные взору остатки Микен и других центров позднего бронзового века. Однако то, что греческая аудитория VIII и VII столетий до н.э. – времени, когда эпос обрел свою законченную, монументальную форму, – представляла себе как огромный, колоссальный дворцовый истеблишмент, бледнеет по сравнению с тем, что имело место в действительности и было обнаружено с помощью недоступных древним грекам средств, а именно археологии, истории искусства и лингвистики. Например, аудитория Гомера, по-видимому, думала, что пятьдесят рабов – вполне подходящее и достаточно многочисленное для героических царей прошлое имущество, а в действительности в микенских дворцах XIII в. до н.э. могли находиться команды для физических работ из нескольких сотен, если не тысяч *do-er-oi* (микенский вариант классического греческого *douloi*, то есть рабов). И как уже отмечалось в предшествующей главе, греки более позднего времени не могли поверить, что массивные стены Микен были построены обычными простыми¹³ смертными.

Все это, однако, не означает, что мы напрочь отрицаем преемственность между микенской и исторической Грецией: принципиально важным является тот факт, что имена нескольких божеств олимпийского пантеона встречаются уже на табличках с «линейным письмом Б», а герои исторических мифов греков действуют в крупнейших микенских центрах. Однако микенская дворцовая религия весьма мало напоминала храмовую религию Греции исторического периода. Начнем с того, что настоящий храм богини Афины, наподобие описанного в «Илиаде», появился в Трое самое раннее в конце IX в. до н.э. И в идеологическом, и в материальном отношении признаки существования этой важнейшей структуры (*'naos'* по-гречески; святилище или священная обитель обозначалась словом *'hieron'*) прослеживаются лишь до XII в. до н.э., в то время как в Микенах центр отправления культа во дворце имел куда больше общего с частной молельней в солидном английском доме в начале Нового времени, нежели с пространством для религиозных отправления, где собиралась вся община. (Для ценителей вин: как можно предполагать на основании научного анализа органических остатков, обнаруженных в большом сосуде из Зала Фресок в находившемся внутри стен дворцовом культовом центре, участники церемонии пили вино с легким запахом сосновой смолы, возможно даже, это был прообраз современной рецины.)

¹³ Мы не стали устранять подобные удвоения синонимов, принятые во многих произведениях античной и средневековой литературы (напр.: «и умер, и скончался»), хотя оно и выглядит достаточно нелепо в современной научно-популярной работе. – Примеч. пер.

Данные археологии все еще не подтвердили, что в действительности имела место десятилетняя осада Трои коалицией материковых и островных греков под предводительством великого царя Микен, – несмотря на то что Гиссарлык, место, где находился важнейший город Анатолии на Геллеспонте (Дарданеллах), имевший на востоке связи с могущественной Хеттской империей в XIII в. до н.э., несомненно, являлся гомеровской Троей – точка, притягивавшая воображение гомеровских греков. Подобным образом мысль о большой военной коалиции греков соотносится с тем обстоятельством, что между 1200 и 700 г. до н.э. они этого достичь не могли – в сущности, так никогда и не достигли, даже при Александре Великом. Как было удачно подмечено, создание эпоса и саги предполагает крушение предшествующей цивилизации, но отсюда не следует еще, что последующие произведения искусства будут исторически достоверным воспроизведением или зеркалом предполагаемого оригинала. Было сделано и другое, в высшей степени удачное наблюдение: мир Гомера потому и бессмертен, что существовал лишь в богатом воображении целых поколений поэтов, пять столетий после 1200 г. до н.э. творивших и оттачивавших до совершенства формульную устную традицию. А затем – было ли это достижением одного гениального поэта, впоследствии прославившегося под именем Гомера (или двух таких гениев?) – элементы этой многообильной традиции выкристаллизовались в две несравненные монументальные эпические поэмы с четко оформившимся сюжетом. Целых семь греческих городов боролись впоследствии за право считаться родиной Гомера, однако не подлежит сомнению лишь то, что этот поэт (или поэты) был родом из Малой Азии. Ибо именно оттуда, из ионийского диалекта греческого, к вопросу о котором мы вернемся в пятой главе, Гомер более всего позаимствовал для своего искусственного языка, которым никогда не пользовались за рамками эпической традиции.

Вернемся от вымыслов к фактам. Ок. 1200 г. до н.э. богатые центры микенской греческой цивилизации постигла катастрофа (причины этого – несомненно, многочисленные – до сих пор остаются предметом споров). С XI по IX столетие до н.э. последовало время «темных веков» в истории Греции. Они являются для нас «темными» не в последнюю очередь потому, что отсутствовала письменность – за исключением Кипра, где продолжало использоваться слоговое письмо, восходящее к «линейному письму Б». Однако они «темные» и в объективном смысле, поскольку в ту эпоху число поселений уменьшилось, там проживало куда меньше людей, которые были рассеяны на более обширных пространствах и в техническом отношении сильно отставали от предшественников. Конечно, существовали и отдельные исключения, среди которых наиболее известно поселение Левканди на острове Эвбея. И одним из предвестников более радостного будущего стал переход от бронзы к железу при изготовлении важнейших видов острых инструментов. Но в целом царил тьма. «Линейное письмо Б» отмерло само вместе с иерархической общественно-политической структурой, неотъемлемым атрибутом которой она являлась. Сами Микены, подобно Кноссу, в физическом смысле дожили до исторического периода, несмотря на неоднократные разрушения, но они были лишь тенью того, чем являлись во времена бронзового века. В нижнем городе современного Тиринфа, расположенном недалеко от Микен и Аргоса (см. третью главу), по воле судьбы сохранились жалкие и убогие остатки жилищ последдворцовых времен упадка, которые выглядят, пожалуй, даже лучше, чем аналогичные постройки в Микенах.

Мощь Микен, как ее описывает Гомер, может показаться нам весьма впечатляющей, однако стоит пожалеть бедных микенцев, обитателей города уже исторической эпохи, после бронзового века, которые слушали бесконечные эпические рецитации, напрасно надеясь, что хотя бы малая часть Агамемноновой ауры снизойдет на них, если они будут часто и усердно молиться в

Агамемнейоне, храме героизированного Агамемнона, или святилище другого мифологического персонажа, Персея. (От этого святилища дошла капитель с надписью, датируемой примерно 525 г. до н.э., – ныне она находится в Афинском музее эпиграфики; некоторые сокровища из царского дворца в Микенах сейчас хранятся рядом с ним, в Национальном археологическом музее.) Однако немного проку – надеяться вопреки надежде, как мог бы сказать микенцам беотийский поэт Гесиод, живший ок. 700 г. до н.э.¹⁴, во времена, когда завершалось формирование гомеровского эпоса.

Считается, что его поэзия наряду с гомеровской лежит в основе свойственных классической Греции представлений об облике богов и богинь, их функциях и сфере деятельности. В особенности это касается «Теогонии» – генеалогии божеств, но также и другой выдающейся поэмы – «Труды и дни». Последняя во многом являет собой календарь крестьянина, но, кроме того, содержит важные сведения из области политики и религии. В этом произведении, написанном гекзаметром, как и поэмы Гомера, Гесиод излагает миф о Пандоре («всеми одаренной»), первой женщине, подобии Евы у древних греков, созданной Зевсом и другими богами и богинями и посланной на Землю, чтобы наказать погрязших в пороках людей за их гордыню. Чрезмерно любопытная (классический недостаток «женской» природы, как полагали шовинистически настроенные мужчины-греки), она открыла большой сосуд (пифос), содержащий зло и благо. Так что именно из-за нее (а ведь она является аллегорическим воплощением всего женского племени) жизнь несчастных смертных оказалась навеки отравлена злом. Лишь одно качество осталось накрепко запертым в пифосе, когда ей наконец удалось вновь закрыть его, и глубока была его двойственность: то была *Elpis* – «Надежда», или «Ожидание».

Надежды микенцев исторического периода на славное будущее – или хоть на какое-то вообще – для своего маленького города поддержало то, что его название среди прочих было начертано на Змеиной колонне – памятнике, воздвигнутом греками в честь совместной победы во время персидского вторжения 480–479 гг. до н.э. (подробности см. в Приложении ниже). Однако ожиданиям не суждено было сбыться. В 468 г. до н.э. Аргос просто уничтожил Микены, прервав существование маленького полиса на достаточно длительное время (далеко не единственный случай в истории Древней Греции).

Когда десятилетием позднее Эсхил занялся написанием, а затем поставил на сцене драматическую трилогию «Орестея» («Агамемнон», «Клятва у гроба» и «Эвмениды»), он многозначительно локализовал дворец и местопребывание Агамемнона из традиционных гомеровских Микен во вполне исторический Аргос, который, как это случилось – или не случилось, – в то время состоял в союзе с его родными Афинами против общего врага – Спарты. Геродот в самом начале своей «Истории» утверждал как своего рода непреложный закон, что города, которые некогда были большими, позднее становятся малыми: он мог думать – и, вероятно, думал – именно о судьбе Микен¹⁵.

Часть вторая

Раннеисторический период (до 500 г. До н.э.): «Темные века» и архаика

Глава 3

¹⁴ См. Гесиод. Труды и дни: 500–501: «Трудно тому белизку, кто в корчмах заседает, надеждой / Тешиться доброй, когда он и хлеба куска не имеет» (Пер. В.В. Вересаева). – *Примеч. пер.*

¹⁵ «Ведь много когда-то великих городов теперь стали малыми, а те, что в мое время были могущественными, прежде были ничтожны» (Геродот. История. I. 5. Пер. Г.А. Стратановского). – *Примеч. пер.*

Аргос

Здесь, в Аргосе, подушкой мне служила земля, а широкие просторы мира – жилищем... и влажные испарения ночи окутывали жесткое и негостеприимное место моего отдохновения.

Уильям Лизгоу. Исчерпывающий рассказ о редкостных приключениях и нелегких паломничествах, 1632

Период поздней бронзы в Греции, как мы видели в последней главе, носит условное наименование микенского. Однако в принципе он мог бы называться аргосским, ахейским или данайским, поскольку Гомер называет греков аргивянами¹⁶, ахейцами и данайцами. Это было время, когда слово «эллины» не стало общим обозначением для них, ведь под Элладой первоначально подразумевалась совсем небольшая область на севере Греции. Поскольку она располагалась в центре и сама по себе политическим значением не обладала, ее название было очень удобно распространить на весь греческий мир. Понятие «панэллинский» (общегреческий) впервые засвидетельствовано применительно к VII в. до н.э. и использовалось для обозначения того, что позднее стало называться просто «эллинским». Так что представление об «эллинстве», эллинском этносе распространялось достаточно медленно, в течение нескольких столетий, в течение периода «темных веков» и архаики.

Однако, назвав микенский период в истории Греции аргосским, мы рисковали бы допустить серьезную путаницу с городом Аргосом, расположенным в нескольких километрах к югу от Микен и господствующим над двумя холмами, Ларисса и Аспид («Щит»). Если Микены прячутся или таятся между двумя горами, скрываясь от случайных взглядов, то Аргос гордо возвышается на вершине Лариссы, а его акрополь хорошо виден с окружающей его плодородной равнины, одной из самых обширных и изобильных во всей материковой Греции. (В наши дни она отведена под апельсины, завезенные из Юго-Восточной Азии, во времена же древности здесь выращивали по преимуществу зерно, оливки и виноград.) Некоторые центры материковой Греции сохранили преемственность обитания при переходе от бронзового века к железному и сравнительно быстро выросли из непроглядного мрака «темных веков»; среди наиболее важных таких центров был Аргос, извлекая пользу из упадка крупных региональных соперников, Микен и Тиринфа.

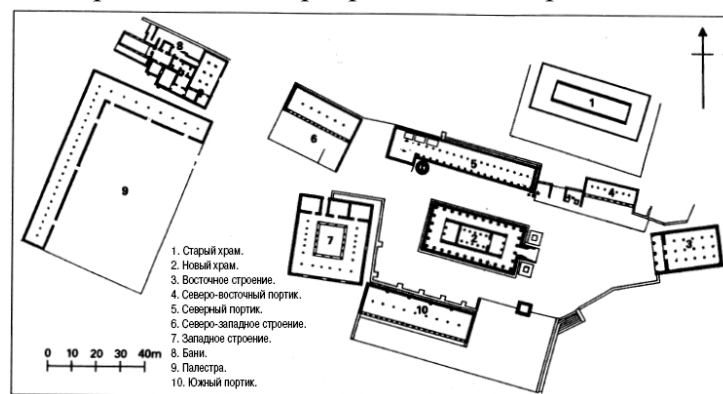
Этот город мог похвалиться тем, что дольше всех в Греции существовал на одном и том же месте, однако протогород Аргос, возникший в XI столетии до н.э., в эпоху «темных веков», был, по сути, новым. Он был новым не в архитектурном или топографическом, но в этническом отношении: вошедшие в силу представители новых языковых групп греков, которые называли себя дорийцами (их традиционно считают пришельцами из Центральной Греции), превратили Аргос в один из своих трех крупнейших центров на Пелопоннесе; двумя другими были Спарта и Мессена. На юге дорийцы распространились до самого Крита, так что Кносс исторической эпохи стал дорийским городом, основанным, возможно, выходцами из Аргоса, а из Южной Греции они, пересекши Эгейское море, достигли современной Юго-Западной Турции (в частности, Галикарнасса – родины Геродота) и греческих прибрежных островов – таких, например, как Родос. Чтобы продвигаться на восток, они должны были преодолевать Эгейское море, очевидно, «перепрыгивая» с одного острова на другой. Но прибыли они на Пелопоннес морем или двигались по суше, это другой вопрос, на который

¹⁶ То есть жителями Аргоса. – *Примеч. пер.*

невозможно дать ответ. Как бы там ни было, позднейший дорийский миф о переселении сохранил память о предполагаемой переправе через Коринфский залив в его самом узком месте на плотках от Антириона к Риону, это подразумевает, что в противном случае им пришлось бы идти по суше из Северо-Западной и Центральной Греции на северо-запад Пелопоннеса. Эта легенда при определенной изобретательности совместима с теми скудными находками, которые мы имеем из соответствующего ареала за время «темных веков» (с XI по X в. до н.э.).

Однако если говорить об археологических данных, в целом этих дорийцев весьма трудно «привязать» к какой-либо территории – настолько трудно, что, учитывая отсутствие однозначно «дорийских» черт материальной культуры, не допускающих иного толкования, самое существование какой бы то ни было миграции в постмикенскую эпоху, а тем более вторжения, решительно отрицалось. Этой скептической точке зрения следует противопоставить прежде всего такое свидетельство, как языковые данные. Даже если Джон Чедвик был прав, находя формы протодорийского диалекта на табличках «линейного письма Б», завершение формирования дорийского диалекта как языка исторических греков, равно и ионийского (см. в следующей главе), согласно общему мнению, произошло во времена, наступившие после бронзового века, в начале железного века. Простейшая гипотеза, объясняющая это обстоятельство, состоит в том, что носители протодорийского диалекта покинули Северную Грецию (Фессалию?). Этот диалект впоследствии, по мере того как ранние дорийцы расселялись отдельными, зачастую противостоявшими друг другу общинами, превратился в ряд вариантов субстрата общего диалекта, причем аргосский отличался от лаконского (спартанского) и так далее.

Геродот в занятом, но совершенно умозрительном рассуждении о семи этнических группах, населявших Пелопоннес в его дни, говорит о кинуриях, которые занимали окраинную территорию на границе между аргосской и спартанской сферами влияния, следующее: «Кинурии принадлежат к числу коренных жителей. Это, по-видимому, единственное ионийское племя на Пелопоннесе. Со временем, будучи под властью аргосцев, они превратились в дорийцев»¹⁷.

Рис. 2. Аргос – аргосский Герайон

Доризация означала, помимо общего диалекта, сходство определенных институтов (три одинаково называвшихся «племена», чье родство, однако, было мнимым) и религиозных обычаев (ежегодные празднества в честь Аполлона Карнейского). Аргосские дорийцы, чтобы отличаться от дорийской Мессены с ее культом Артемиды и дорийской Спарты с ее культом Афины, выбрал своей богиней-покровительницей Геру, сестру и жену самого верховного владыки Зевса. Ее главное святилище, аргосский Герайон (рис. 2), размещался на расстоянии примерно 9 километров от центра

¹⁷ Геродот. История. VIII. 73. Пер. Г.А. Стратановского с небольшими изменениями.

города, где находился акрополь, и существует весьма правдоподобная точка зрения, согласно которой преднамеренно созданная и поддерживавшаяся связь между загородным святилищем и центральным поселением на Лариссе и вокруг нее позволяет объяснить то, что Аргос с самого начала начал развиваться как полис. Наиболее знаменитый миф, связанный с Герайоном, повествует о братьях Клеобисе и Битоне. Когда быки, которые должны были отвезти их мать-жрицу на празднество, стали запаздывать, юноши сами впряглись вместо животных и доставили родительницу в святилище вовремя. Она стала молить Геру, чтобы та достойно вознаградила их за их сыновнюю преданность, после чего те тотчас заснули вечным сном. Некоторые ученые считают две мраморные в человеческий рост статуи молодых людей, датируемые началом VI в. до н.э., изображением Клеобиса и Битона (не подлинным, конечно). Однако они являлись посвящением Аполлону Дельфийскому, и другие их идентификации столь же или даже более вероятны. Мрамор, использованный для этих скульптур, добыт на острове Парос, где, как считалось, находятся месторождения самого лучшего и беспримесного мрамора, и полагали, что в среднем для изготовления статуи из этого материала в человеческий рост требовался год.

Однако в течение VIII в. до н.э. еще весьма значительная часть Аргосской равнины все больше и больше переходила в руки экспансионистов-аргивян, и Аргос *de facto* установил (как верно указывает Геродот в отношении кинуриев) гегемонию над большей частью области, известной как Арголида, включая и крупнейшие центры бронзового века Микены и Тиринф. В процессе установления этого господства периодически терпели поражения и даже изгонялись менее сильные соседи, такие как жители Асины на побережье, их место занимали переселенцы из метрополии: это представляло собой форму внутренней колонизации, которая во многом позволяла устранять необходимость для Аргоса выведение колоний за морем. В этом отличие от эмиграции из страдавшего от нехватки земли Коринфа, которую он вынужден был практиковать во второй половине VIII в. до н.э. (см. восьмую главу). Влияние на внешний мир оказывалось и другими, более мирными путями, посредством вывоза произведений искусства и умелых аргосских мастеров. И те, и другие были достаточно многочисленны, особенно если говорить о множестве посвященных бронзовых и терракотовых фигурок животных и людей в месте, которому суждено было стать одним из эпицентров этнического взаимодействия греков и развития общегреческой идеи: межполисного, «международного» святилища Зевса Олимпийского, располагавшегося на северо-востоке Пелопоннеса, древней Олимпии (см. Приложение).

Ранний Аргос находился под управлением своего рода царей, по большей части неизвестных, если не считать блистательного Фидона, наследственного монарха, о котором Аристотель достаточно странно говорит, что тот «превратился в тирана». К несчастью, датировки здесь весьма ненадежны (они колеблются от VIII до VI в. до н.э.), но соблазнительно связать его имя с ростом численности населения и благосостояния в конце VIII – начале VII в. до н.э., подтвержденным увеличением количества роскошных погребений одно другого богаче, которые были обнаружены в Аргосе и его окрестностях (материалы раскопок опубликованы греческими и французскими археологами), и успешными военными предприятиями, среди прочего крупной победой над Спартой при Гисиях (в Кинурии на юго-восточной границе Арголиды), традиционно датируемой 669 г. до н.э. Это знаменовало собой вершину военного могущества Аргоса в исторические времена, и никогда более Аргос не наносил Спарте поражение в битве.

Одно из богатейших погребений позднегеометрического периода было, собственно, погребением воина, семья которого дала понять это, положив в могилу среди прочих предметов великолепный

шлем, украшенный гребнем, и даже еще более великолепный бронзовый панцирь, а также многочисленные железные вертела, чтобы жарить жертвенных животных (а не людей). Все это скопление являет собой своего рода капсулу времени, фиксирующую состояние военного дела в наиболее развитых областях Южной Греции в последней четверти VIII в. до н.э. С одной стороны, шлем с высоким длинным гребнем хорошо смотрелся бы на головах могучих воинов, изображенных в гомеровской «Илиаде», вполне подходя для боя на больших дистанциях, поединков с метанием копий, участие в которых своих героев любит описывать Гомер. Однако такие шлемы совершенно не подходили для сражений массы воинов в сомкнутом строю – об этом говорят изображения на вазах и другие находки оружия и доспехов той поры, – которые стали нормой для наиболее агрессивных полисов того времени, страдавших от нехватки земли. С другой стороны, сделанный целиком из бронзы панцирь нашего аргосского героя ясно свидетельствует о прогрессе технологий и о том, что более всего внимания уделялось защите тела и что с точки зрения тактики в бою предпочтительнее считалась оборона, а не нападение.

Описывая эту коллекцию предметов из погребения, мы, однако, еще ничего не сказали о главном элементе снаряжения греческого пехотинца, а именно о его щите. Ибо слово «гоплиты», *hoplites*, можно почти с полной уверенностью считать происходящим от *hoplon*. Щит был также известен под названием аргивского – вероятно, потому, что изобрели в Аргосе или там сконструировали первый несомненно удачный и заслуживший наибольшую популярность вариант. Где-то между 750 и 650 гг. до н.э. сложился новый способ ведения боя, получивший наименование гоплитского, который больше не зависел от «героической» доблести отдельных воителей, и есть определенные основания подозревать, что Фидон имел самое непосредственное отношение к этим процессам. Но чтобы получить более полное представление об этом новом повороте в греческой истории, мы должны подождать до главы о Спарте (глава седьмая).

Глава 4 Милет

Ликийей ты, повелитель, владеешь,
Меонией милой,
Около моря лежащим Милетом,
желаемым всеми...

Гомер. К Аполлону Дельфийскому (Пер. В. В. Вересаева)

Так начинается вторая часть первого гомеровского гимна к Аполлону, одного из тридцати трех поэтических гимнов, составленных преимущественно в VII–VI вв. до н.э. Они начинаются с обращения к Дионису, затем перед нами проходит весь пантеон олимпийских богов во главе с Зевсом и несколько не олимпийских божеств, таких, как, например, девять Муз, и заканчивается вторым гимном к Кастору и Поллуксу¹⁸, Диоскурам, которые, как мы увидим, имели особую связь со Спартой. То важное место, которое отведено Милету в гимне, где упоминается значительная часть греческого мира к востоку от Адриатического моря и в повествование включены греческие

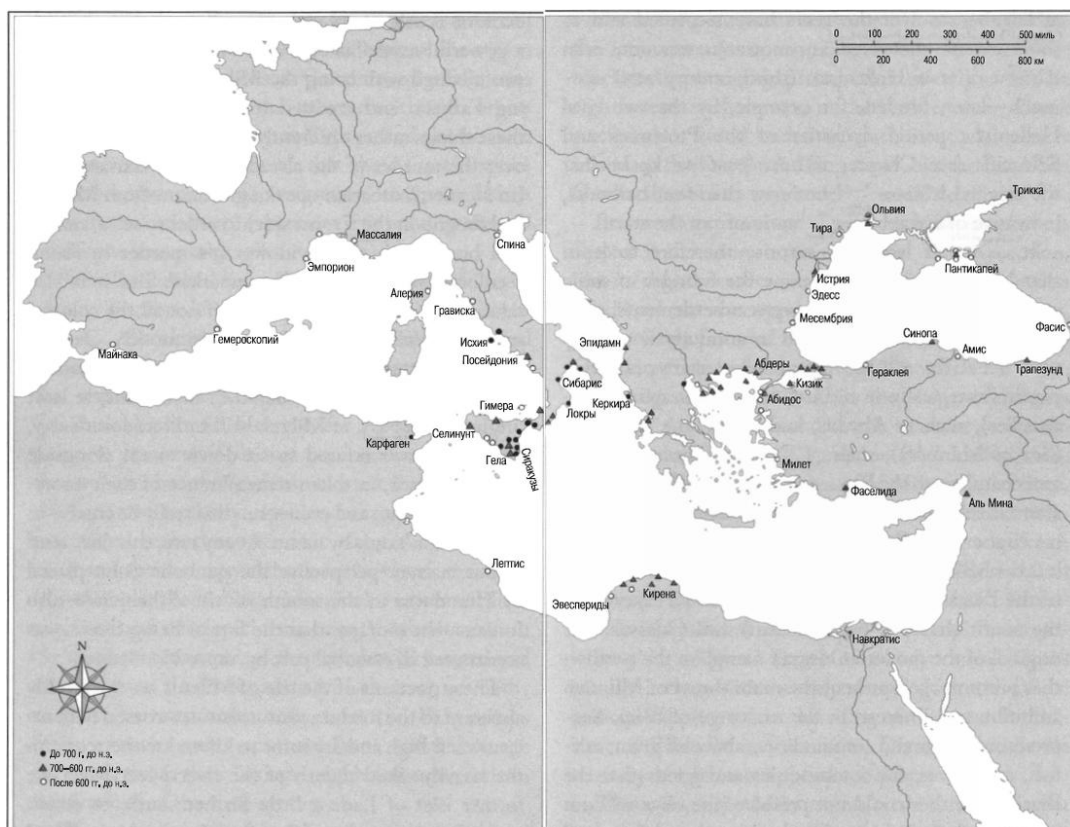
¹⁸ Греки называли его Полидевком. Поллукс – латинский вариант этого имени. – Примеч. пер.

эквиваленты рая и ада, свидетельствует о выдающемся значении этого города на раннем этапе греческой истории. Он играл важную роль не только в собственном краю Эллады, называемом Ионией¹⁹, примерно в центре эгейского побережья Восточной Анатолии. (Ликия, лежавшая к югу от Ионии, и Меония – обычно это считается другим названием области, более известной как Лидия, – строго к востоку, были поначалу скорее негреческими, нежели греческими.) Однако, помимо прочего, влияние Милета распространялось вглубь и вширь еще и благодаря его участию даже не в одном, а в двух этапах греческой эмиграции и колонизации. Знаменательное упоминание о нем в гомеровском гимне, содержащееся в той его части, которая посвящена Аполлону Дельфийскому, вряд ли появилось здесь случайно, поскольку Аполлон Дельфийский в отличие от Аполлона Делосского, чествуемого в первой части, был божественным покровителем греческой колонизации, – мощная волна ее, которая поднялась в середине VIII в. до н.э., продолжалась примерно до середины VI в. до н.э. – наиболее важная из греческих диаспор («диаспора» по-гречески «рассеяние») до завоеваний Александра Великого в Азии и Северной Африке в 330–320-х гг. до н.э.

Место, на котором вырос Милет, было заселено задолго до VIII столетия до н.э. Уже в предысторические времена бронзового века минойцы с Крита и в особенности микенские греки с материка серьезно обозначили здесь свое присутствие, и есть основания предполагать, что место, которое в хеттских текстах XIII в. до н.э. именуется Миллавандой, расположенной в сфере влияния Аххиявы (Ахайи?), является городом, известным в историческое время как Милет. Затем после катаклизмов, которые затронули эту часть Средиземноморья в первые десятилетия XII в. до н.э., они оказались в самой гуще движения греков из материковой Греции на восток через Эгейское море в Малую Азию в XII и XI столетиях до н.э. Историки обычно называют эти процессы ионийской миграцией – ионийской потому, что эти края, известные как «Иония» (первоначально «Иавония»), притягивали к себе переселенцев, хотя другие двинулись намного дальше, на востоке – до самого Кипра, и поскольку сформировавшийся диалект греческого языка стал называться ионийским. Слово «миграция» используется для того, чтобы отличить этот процесс от «колониационного» движения, о котором шла речь в конце предыдущего абзаца.

В сущности, термин «ионийский» имеет еще третье измерение и значение: поскольку негреческие народы, такие как ассирийцы, финикийцы и иудеи, имели дело в основном с греками, говорившими на ионийском диалекте, то общепринятым на востоке обозначением для всех эллинов стало именно слово «ионийцы» – «яван» в древнееврейском, например (и до сих пор в персидском). В будущем это обещало стать нелегким бременем, но ионийцы, и не в последнюю очередь милетяне, великолепно продемонстрировали, что им вполне по силам нести его. Действительно, именно они – обитатели анатолийского побережья и их соплеменники в материковой Греции (например, жители острова Эвбея) – стали теми, кто наиболее полно использовал и развивал наследие Востока: в том, что касалось, например, алфавита, позаимствованного от ливанских финикийцев и затем измененного; математики, позаимствованной от вавилонян (на юге Ирака, говоря современными терминами); монетного дела, позаимствованного от их лидийских соседей в первой половине VI в. до н.э.

¹⁹ В отечественной науке Иония и вообще малоазийские области считаются частью не собственно Эллады, а греческого мира. – Примеч. пер.

Карта №3. Греческая колонизация

Из двенадцати греческих городов, составлявших азиатскую ветвь ионийцев, Милет находился южнее остальных и имел насыщенную мифологическую историю. Некий Нелей, «сын Кодра», как считалось, был милетским ойкистом (отцом-основателем), и считалось также – древние греки смотрели на эти вещи иначе, чем мы, – организатором убийства уже проживавших там карийских мужчин (у Гомера «говорящие по-варварски» карийцы из Милета сражаются на стороне троянцев), чтобы завладеть их вдовами, жениться на них и завести потомство. Высказывалось правдоподобное предположение, что это было убийство с целью основания колонии. Однако можно утверждать, что в жилах каждого милетянина, оказывавшегося в большинстве, если не во всех районах греческой колонизации от Фасиса в современной Грузии до восточного побережья Испании, текло сколько-то негреческой крови, по крайней мере поначалу. Действительно, в Милете еще во времена Геродота, как утверждают, женщины отказывались садиться рядом со своими мужьями для трапезы, движимые воспоминаниями о позоре своих прародительниц, и даже – неужели в такое можно поверить? – называть своих супругов по именам. Во всяком случае, это позволяет лучше понять, в какой степени соответствовали истине заявления афинян, вложенные в их уста Геродотом, о том, кто и насколько является эллином, определяется «родством по крови»²⁰.

Привлекательность местонахождения Милета отнюдь не очевидна для тех, кто видит его сегодня. Когда-то находившийся на побережье Милет оказался теперь гораздо выше и в глубине материка, в нескольких километрах от засорившегося устья реки Меандр (бывший островок Лада, находившийся немного южнее – мы еще вернемся к нему в конце этой главы, – постигла та же участь). Однако в результате раскопок, в течение нескольких лет проводившихся турецкими и германскими археологами, удалось обнаружить и сделать доступным взору огромное количество

²⁰ См. приводившуюся выше цитату из «Истории» (VIII. 144). – *Примеч. пер.*

объектов города, пусть большинство их и эллинистического периода (III в. до н.э.) или и того более позднего времени, чье строительство финансировалось, например, двумя соперничавшими династиями – Птолемеями и Селевкидами (см. десятую главу). По крайней мере нам известно, что Милет со времени основания имел четыре гавани, что свидетельствует о его изначальной ориентированности на торговлю.

В свете сказанного представляется не столь удивительным, что Милет оказался основателем огромного количества заморских поселений, даже если число «девятисто», называвшееся в античности, выглядит сомнительным. Некоторые из них, бесспорно существовавшие, находились на берегах стратегически важного Геллеспонта (Дарданелл) и рядом с ним – такие, как Абидос, и Пропонтиды (Мраморное море) – такие, как Кизик. Возникли также форпосты на Черном море, которое греки называли также Понтом Аксинским («негостеприимным») или эвфемистически Евксинским («гостеприимным»). И милетские поселения действительно появились на черноморском побережье – в частности, Синоп и Трапезунд на южном побережье, Ольвия (Березань) и Одесс (отсюда название современной Одессы) на северном – надо думать, результат честолюбивых помыслов и интересов милетян: в обмен на блага и выгоды, которые можно было получить в Северном Причерноморье, прежде всего зерно, соленую рыбу и рабов, блага и выгоды, которых эти края не могли произвести (оливки не растут на северных берегах этого моря) или производили худшего качества (красивая расписная керамика). Надежно датированные археологические свидетельства о стационарных поселениях относятся к концу VII в. до н.э., однако не исключены и гораздо более ранние посещения греками этих краев, возможно, где-то в конце VIII в. до н.э. Предметы греческого импорта, относящиеся к более позднему периоду – VI в. до н.э., обнаружены на расстоянии до 250 км вверх по течению Днепра и Южного Буга, но греки, обитавшие в Причерноморье, селились исключительно на побережье.

Пока рассуждения о дальних плаваниях отважных милетян не завели нас слишком далеко, необходимо напомнить о том, что Византий, подобно его «близнецу» Халкедону (совр. Кадыкой), основанному лишь немногим ранее на противоположном берегу Боспорского пролива, был основан выходцами из Мегар – города в центральной материковой Греции, который также обозначил свое присутствие на востоке Сицилии задолго до 700 г. до н.э., построив там Мегары Гиблейские. Что же касается мест более близких к метрополии, то общее для двенадцати городов святилище Панионий («Всеионийское») находилось на территории, принадлежавшей не Милету, а Приене. Однако сам по себе этот факт свидетельствовал о верховенстве Милета, поскольку одной из составляющих религиозной политики эллинов являлось размещение важнейших общегреческих святилищ на землях полисов, не слишком важных в политическом отношении, – так, если говорить о Балканах, в качестве наглядного примера можно привести Дельфийскую амфикионию, или религиозный союз многих народностей Центральной Греции, но то же касается местонахождения самого панэллинского из панэллинских святилищ – Олимпии, располагавшейся на территории Элиды (см. Приложение в конце книги).

В более ранние времена своего существования Милет входил в число не только самых процветающих городов архаической Греции, но и наиболее развитых в культурном отношении, а население его отличалось особой предприимчивостью. Его культурные связи простирались, как упоминалось выше, до самой Вавилонии (Месопотамии) на востоке и к концу VII в. до н.э. охватили дельту Нила на юге, где милетяне участвовали в основании транзитного пункта – Навкратиса и построили храм в честь своего божественного покровителя – Аполлона. (Возможно, именно

благодаря этой колонии западный мир впервые услышал о пирамидах и так называемых обелисках: для греков слово «пирамида» означало род булочки, а «обелиск» – маленький вертел. То были слова из солдатского лексикона!) В начале VI в. до н.э. обретает известность первый интеллеktуал западного мира – Фалес Милетский. (Леонардо в миниатюре, среди предполагаемых достижений которого было и легендарное, а может, и действительное предсказание солнечного затмения 585 г. до н.э.) В течение VI столетия до н.э. появляется целая плеяда мыслителей-новаторов – из их числа особо выделяются натурфилософы Анаксимандр и Анаксимен, логограф²¹ Гекатей. Именно здесь незадолго до 500 г. до н.э. появился на свет Гипподам, по имени которого называется планомерная застройка с улицами, пересекавшимися под прямым углом. В действительности же существуют свидетельства о такой застройке городов за пределами греческого мира применительно к более раннему времени, однако еще важнее отметить, что сам Милет имел подобную планировку до рождения Гипподама. Потому высказывалась точка зрения, согласно которой эта идея впервые нашла воплощение в одном или нескольких городах, основанных милетянами, а затем была «реэкспортирована» в метрополию и получила широкую известность под названием системы Гипподама, а сам он (это наиболее яркий эпизод в его деятельности) перепланировал в соответствии с ней афинский порт Пирей примерно в 470-х гг. до н.э. или несколько позднее.

Иначе обстояло дело с политикой. Имеются свидетельства, что приблизительно в 600 г. до н.э. Милет оказался под властью тирана Фрасибула. Слово «тиран» (греческое *tyrannos*) – вероятно, не греческого, а лидийского происхождения. Заимствование этого слова могло быть связано с первым лидийским царем Гигесом, который захватил власть в Сардах в начале VII в. до н.э. и правил там, скорее опираясь на силу, нежели на законные основания. Частичное представление о Фрасибуловой концепции власти можно получить исходя из того безмолвного совета, который он будто бы дал «коллеге»-тирану Периандру Коринфскому. Последний был сыном тирана Кипсела и нуждался в совете, как удержать, нежели захватить власть, и потому отправил посланца, чтобы выпросить у добившегося очевидных успехов Фрасибула о том, как тот этого достиг. Фрасибул, как говорят²², повел гонца к находившемуся неподалеку хлебному полю и начал сбивать наиболее высокие колосья, после чего отпустил его к Периандру. В Милете, однако, все равно происходили смуты, о чем свидетельствует третейский суд, проведенный примерно в 550 г. до н.э. виднейшими гражданами с обильного мрамором острова Парос, которых пригласили для завершения длительной распри между «богачами» и «работниками» из-за спорной земли²³. В итоге возникла компромиссная форма правления – олигархия, при которой власть оказалась в руках всех наиболее состоятельных милетян, каков бы ни был источник их богатства, и которая обрела поддержку жреческой элиты.

Процветание Милета, его интеллектуальный подъем и само существование были внезапно прерваны персами в 494 г. до н.э. Отнюдь не первый раз Милет оказался во враждебных отношениях с иранской державой. Столетьем раньше он пострадал из-за столкновения с Алиаттом, четвертым царем Лидии, столицей которой являлись Сарды, – страны, находившейся в глубине Малой Азии, к востоку от ионийского, но сильно ориентализированного Эфеса. Алиатт выдал дочь замуж за высокопоставленного мидянина, желая заслужить его расположение (или подстраховаться) в то время, когда мидяне добились превосходства над своими родичами из Северного Ирана –

²¹ В английском тексте – «протоисторик» (*proto-historian*). Логографами в современной исторической науке обычно называют историографов – предшественников, а отчасти и современников Геродота, преимущественно описывавших события, а не осмысливавших их. – *Примеч. пер.*

²² Рассказ об этом содержится у Геродота (V. 29). – *Примеч. пер.*

²³ В источниках последние названы «гергитами» (Афины. XII. 524 а-б). – *Примеч. пер.*

персами. Но в 550-е гг. до н.э. полумидянин-полуперс по имени Кир (на греческий лад его имя произносилось «Кюрос») изменил ситуацию на противоположную. Это произошло в ходе мощнейшего катаклизма – Ближний Восток не видел подобного со времен взлета Ассирийской империи IX и VIII вв. до н.э. Претендовавший на происхождение от перса по имени Ахемен (имя опять-таки дается в греческой транскрипции) Кир основал Персидскую империю Ахеменидов – наиболее обширную и наиболее быстро созданную империю на Ближнем Востоке за всю историю Древнего мира.

Немногим более десяти лет потребовалось Киру на то, чтобы, сперва объединив Иран и взяв его под контроль, распространить свою власть до Эгеиды на западе (или по крайней мере достичь ее). Он подчинил не только Лидию (где прежде правил царь Крез, знаменитый своим богатством настолько, что оно вошло в поговорку), но постепенно завладел и Ионией, и другими азиатскими греческими территориями. В 539 г. до н.э. Кир прибавил к ним Вавилонию (Северный Ирак), а затем двинулся дальше, на северо-восток, в Центральную Азию. В конечном итоге в основу империи оказалась положена система сатрапий, управлявшихся лицами, которые назначались из центра; всего их насчитывалось не менее двадцати. К 500 г. до н.э. империя протянулась от Египта и севера материковой Греции на западе до северо-запада Индии на востоке.

Основатель империи Кир встретил смерть, сражаясь с центральноазиатским племенем массагетов в 530 или 529 г. до н.э. Ему наследовал сын Камбиз, вскоре, в 525 г. до н.э., присоединивший к персидским владениям Египет. Однако правление Камбиза оборвалось (или было оборвано) всего через три года. Причиной стало либо убийство, либо суицид. Последовал период междуцарствия и узурпации, и многие народы, покоренные совсем недавно и слишком быстро, воспользовались открывшейся возможностью и попытались обрести независимость. Но им пришлось претерпеть новое унижение, пусть и не столь тяжкое: их попытки подавил твердой рукой дальний родственник Камбиза по имени Дарий. Последний сделал ловкий ход, женившись на дочери Камбиза Атоссе, и сохранил хотя бы видимость преемственности власти, оставшейся, таким образом, в руках потомков Ахеменидов.

К 520 г. до н.э. Дарий восстановил порядок в Персидской империи и значительно расширил ее – во многом благодаря мудрому водительству главы зороастрийского пантеона, бога света Ахура-Мазда. Дарий неустанно (и с гордостью) заявлял об этом во множестве текстов, распространявшихся в его владениях. Самая впечатляющая надпись (в которой он принижает себя более всего) находится в Бехистуне; она высечена на скале подле дороги, соединявшей Персию с древней мидийской столицей Экбатаны (Хамадан), и выполнена на трех языках: древнеперсидском, местном эламском и вавилонском. Для удобства тех, кто вообще не умел читать, – и тех, кому не хватило бы времени лезть на скалу (иными словами, для всеобщего удобства), – надпись дополнили серией массивных рельефов, изображающих торжествующего Дария в буквальном смысле под знаком Ахура-Мазды, у которого униженно просит пощады дюжина бунтовщиков – царей и вождей.

Среди этих побежденных не было ни одного грека, поскольку в конце 520-х гг. до н.э. греческие подданные Дария предпочитали не вмешиваться в гущу событий и вести себя тихо вне зависимости от того, какие чувства они испытывали, оказавшись под властью чужой империи. Однако через двадцать лет они предпочли принципиально иной выбор: население побережья Эгейского моря и Кипра также взбунтовалось. Это восстание обычно именуют Ионийским, но в действительности греки-эолийцы и дорийцы участвовали в нем наравне с греками и финикийцами, обитателями Кипра. Геродот негодует по поводу восстания вслед за Дельфийским оракулом (пусть и описывая

события далекого прошлого):

В оное время и ты, о Милет, – зачинатель преступных деяний –
Многим во снедь ты пойдешь и даром станешь роскошным.
Многим тогда твои жены косматым ноги умоют.
Капище ж наше в Дидимах возьмут в попеченье другие²⁴.

И все же Дарию потребовалось шесть сезонов кампаний (они проводились летом, с 499 по 494 г. до н.э. включительно), чтобы подавить и сокрушить мятежных греков. Конец наступил в результате крупного морского сражения неподалеку от островка Лада, находившегося (в те времена) близ Милета. Город-зачинщик, Милет, ожидало примерное наказание без каких бы то ни было послаблений. Дарий распорядился в буквальном смысле уничтожить его, а часть населения, оставшуюся в живых, перевести в Ампу, в устье реки Тигр. Для афинян – ионийцев, как и милетяне, – падение города стало трагедией в нескольких смыслах слова: один из первых трагических поэтов, чье имя дошло до нас – Фриних, – примерно в 493 г. до н.э. поставил на сцене трагедию «Взятие Милета». С ним поступили совершенно в духе демократии – оштрафовали на огромную сумму за то, что он слишком живо напомнил афинянам об их горестях.

Но сделанное не удовлетворило Дария. Устроив настоящую демонстрацию религиозной мстительности и нетерпимости (случай нетипичный, но не единственный), он приказал уничтожить главное святилище Милета, находившееся в Дидимах и посвященное Аполлону, покровителю города. Важнейшая функция его (как и святилища Аполлона в Дельфах) состояла в том, что в этом месте можно было получить совет оракула. Дидимы лежали более чем в двадцати километрах к югу от Милета, однако с городом их связывала Священная дорога – так же, как Элевсин соединяла с Афинами наиболее знаменитая из таких дорог для религиозных процессий. С 600 г. до н.э., когда патронат над ним взяли египетские фараоны, Дидимы обогатились благодаря множеству дорогих (и подчас весьма дорогих) даров, в том числе золотых предметов, поднесенных лидийским царем Крезом, чье внимание к храму умело привлекала знатная жреческая фамилия, известная как Бранхиды, или потомки Бранха. Первое святилище на этом месте датируется еще VIII столетием до н.э., однако в 550-х гг. до н.э. Бранхиды смогли возвести здесь храм с ионическим орденом, по большей части гипетральный (под открытым небом), размером примерно 85 Ч 35 м, включая двойную окружавшую его колоннаду из более чем ста колонн, каждая из которых имела тридцать шесть каннелюр. В 494 г. до н.э. это величественное, даже, можно сказать, помпезное сооружение прекратило свое существование, будучи разрушено персами, а самих Бранхидов переселили в Бактрию (на территории нынешнего Афганистана).

Не только людей постигала подобная участь. Как это вообще нередко делалось в древних империях Среднего Востока, в глубь персидской державы были перемещены в качестве военных трофеев и многие предметы. Чрезвычайно показательным трофеем подобного рода является простая массивная (весом в 93,7 килограмма) бронзовая гирия в форме астрагала (бабки) с вделанной в нее ручкой и надписью сверху. Можно только посочувствовать вьючным животным, которым пришлось тащить повозки с этим чудовищно тяжелым грузом на акрополь Суз в Южном Иране (главный административный центр Персии в эпоху Дария), где его случайно обнаружили много столетий спустя.

²⁴ Геродот. История. VI. 19. Пер. Г.А. Стратановского. – Примеч. пер.

Милет, подобно другим выбранным нами для изложения городам (например, Фивам, см. девятую главу), достаточно быстро сумел восстановиться после учиненного над ним жестокого погрома. Во второй половине V в. до н.э. обновленный город стал играть важную роль (подчас оказываясь причиной раздора) в истории Афинской империи и в отношениях между Спартой и Афинами. Однако наиболее знаменитым (в хорошем или плохом смысле) человеком, родившимся в этот период в Милете, была Аспасия, хотя имя себе она сделала, переехав на постоянное жительство в Афины и став сначала партнером (не любовницей) Перикла, а затем другого видного деятеля афинской демократии, Лисикла. И не вина Аспасии, что ее ославили как распутницу и содержательницу публичного дома, каковой ее изобразил в карикатурном виде Аристофан.

Глава 5 Массалия

Образ правления, которого придерживаются массалиоты, – аристократический, и из всех аристократий массалиотская управляется лучше всего.

Страбон. География²⁵

Из «Восточной Греции» мы переместимся на запад – «золотой запад», каким он виделся многим в Древней Греции. Он простирался от Сицилии через Мессинский пролив к югу Италии (Magna Graecia – «Великая Греция» по-латински), югу Франции и восточному побережью Испании. Земли вдоль этого маршрута, который одним известен как *Midi* ²⁶, другим – как побережье Прованса (от латинского *provincia*, поскольку это была провинция Римской империи Gallia Narbonensis, названная по имени своего главного города *Narbo*, нынешнего Нарбонна – *Narbonne*), казались греческим морякам, торговцам и потенциальным колонистам конца VII в. до н.э. девственным краем, созревшим для эксплуатации. Действительно, финикийцы из Ливана (прежде всего Тира и Сидона) прошли здесь несколькими столетиями ранее и оставили память о себе, в том числе, как мы вскоре увидим, и в топонимах. Другими посетителями здешних мест были этруски (с территории современной Тосканы). Но по какой-то причине ни те ни другие не остались здесь на постоянное жительство. Финикийцы же двинулись дальше, в Испанию и основали такие города, как Малага и Кадис. По мере своего продвижения они создали цепочку поселений на берегах Южного Средиземноморья, самыми крупными из которых стали Утика и Карфаген. Те поддерживали постоянные контакты с целой группой постоянно функционировавших форпостов – таких как Мотия и Панорм (позднее Палермо) на восточной оконечности острова Сицилия.

Тот факт, что ряд городов и поселений прибрежных районов Прованса был основан греками, выдают уже их названия: Антиб вначале назывался Антиполисом – «городом, лежащим напротив», а Ницца именовалась Никеей в честь греческой богини победы Ники. Но наибольший интерес представлял (и представляет) самый крупный из них – Марсель, первоначальное название которого, Массалия, не греческое, а финикийское, и означает всего-навсего «поселение». Около 600 г. до н.э. – как раз тогда, когда в Милете столь плодотворно работал Фалес, – группа греков из Фокеи (области в той самой Ионии, крупнейшим городом которой был Милет) решила обосноваться здесь навсегда. Это решение положило начало истории Марселя, и отчасти по «шовинистическим» причинам (ведь

²⁵ Страбон. География. IV. 1. 5. Обычно годы жизни Страбона датируются 64–63 гг. до н.э. – 23–24 гг. н.э. – Примеч. пер.

²⁶ Досл. «юг» (фр.).

именно массалиот Пифей, один из полудюжины величайших исследователей земного шара, впервые – около 300 г. до н.э. – нанес на карту Британию), отчасти по веским историографическим основаниям я выбрал Массалию, чтобы представить читателю «западных греков». (Второй город, выбранный мной для этой цели, – Сиракузы.)

Значительно позже литературные источники зафиксировали красочный рассказ о смешанном браке между греками из Фокеи (современное поселение Фока в Западной Турции) и представителями местного кельтского племени лигуров. Главную роль здесь сыграл союз ойкиста (основателя) Протиса (или Эвксена) с лигурийской царевной по имени Гиптис (или Пета), дочерью царя Нанна. Это мифическое повествование – так же, как и, например, миф об основании Мегар Гиблейских на Сицилии, – использовалось, чтобы представить греческую колонизацию как нечто «солнечное» и счастливое, как историю добровольного и плодотворного сотрудничества между гостеприимным местным населением и пришельцами-греками, с уважением относящимися к нему. В противоположность ей можно упомянуть неприглядные события в Таренте (Таранто), где греческим переселенцам, прибывшим из Спарты примерно в 700 г. до н.э., пришлось сражаться за свой новый дом с местными жителями, япигами; бои продолжались снова и снова, и грекам довелось пролить немало крови и не раз пожалеть о случившемся. Но насколько легенда об основании Массалии соответствует действительности – имя ойкиста передано в разных источниках по-разному, а упоминание о романтических чувствах было, разумеется, привнесено в описание династического брака, заключенного с дипломатической целью, позднее, с целью приукрасить его, – это другой вопрос, на который невозможно ответить.

Однако археологические данные вкупе с некоторыми намеками в тексте Геродота подтверждают, что основатели Массалии действительно происходили из Фокеи Ионийской. Фокеяне, как сообщает Геродот, торговали на востоке. Плавали они не на «круглых» парусных купеческих судах: их суда представляли собой видоизмененную модель тогдашнего типового военного корабля. Эти «длинные» (военные) корабли были известны под названием пентеконтер (буквально «пятидесятивесельных»): на них находилось два параллельных ряда гребцов (при необходимости выступавших в качестве торговцев или воинов), по 20–25 человек в каждом. Такая большая численность команды оборачивалась практически полным отсутствием выгоды по завершении путешествия (им приходилось платить гораздо больше, чем команде парусника). Но все же корабли данного типа в общем и целом увеличивали выгоду фокеян, поскольку обеспечивали им защиту не только от пиратов, но и от агрессивных торговцев-конкурентов – финикийцев и этрусков (из Тосканы).

Основание Массалии представляло собой лишь один из элементов сложной общей картины. Начиная приблизительно с 800 г. до н. э. предприимчивые греки из Эгеиды стали плавать по Средиземному морю во всех направлениях. Преследовали они разные цели: торговали, в особенности металлом и рабами, разыскивали новые земли для поселений и новые источники предметов роскоши для импорта, нанимались на службу для участия в боях, путешествовали и просто так, для удовольствия или совмещая приятное с полезным. На восточных берегах Средиземного моря, по пути на Кипр, они повстречали финикийцев, жителей Ливана; именно у них – по прошествии веков отсутствия письменности после исчезновения «линейного письма Б» – греки вновь научились писать. Но, что характерно, греки не просто позаимствовали финикийские буквы – они создали совершенно оригинальный алфавит, основанный на фонетическом принципе. Один из самых ранних текстов, записанных с помощью алфавита, начертан на родосской вазе, опущенной

приблизительно в 730 г. до н.э. в греческую могилу на острове Искья (античная Питекуса) в Неаполитанском заливе. Если говорить о северо-восточном направлении, то (как мы уже писали в главе о Милете) предприимчивые греки-эмигранты миновали Геллеспонт и Боспорский пролив и расселились по берегам Черного моря. На западе (о котором пойдет речь ниже в данной главе, а также в той, что посвящена Сиракузам) они добрались через Южную Италию и Сицилию до северо-востока Испании, а затем одни – до севера Африки, другие – до юга Франции.

Сотни постоянных поселений, основанных вокруг Средиземного и Черного морей начиная с 750 г. до н. э. и расположившихся на побережье, по изумительному выражению Платона, «словно лягушки вокруг пруда», ошибочно называют колониями. Но то были новые независимые греческие города; иногда, изначально основанные как торговые пункты – эмпории – или перевалочные пункты, они приобретали независимость позднее. Основанию каждого такого поселения сопутствовали разнообразные факторы, имевшие как общий, так и индивидуальный характер. Однако вне зависимости от места при этом неизменно преследовались две цели: во-первых, требовалось сырье, а во-вторых – земля, на которой можно было бы поселиться и которую можно было бы обрабатывать. И кроме того, практически во всех случаях поселенцам нужно было как-то наладить отношения с местным населением вне зависимости от того, где оно обитало – прямо на тех землях, где хотели обосноваться греки, поблизости на побережье или на территориях, лежащих далее в глубь страны.

Преимущества, связанные с географическим положением Массалии, находившейся возле устья крупной системы рек (Рона), имевшей удобные гавани и естественную защиту в виде холмов, были исключительно велики. Аборигены, даже если они не были столь дружелюбно настроены по отношению к переселенцам, как гласит традиция, тем не менее не представляли особенно серьезной угрозы существованию и благоденствию поселения. Нам мало известно о политической системе нового полиса в Массалии. Мы бы знали о ней гораздо больше, если бы до наших дней сохранилась Аристотелева «Конституция массалиотов» (она дошла до Страбона, жившего всего на 300 лет позже, цитата из сочинения которого приведена в эпитафье); этот текст представлял собой один из 158, составленных им вместе с учениками в Ликее (см. седьмую главу). Но по-видимому, она управлялась (подобно тому как средневековые итальянские города-государства управлялись семьями аристократов и купцов) небольшим советом богатейших граждан, которые сами выдвигали свои кандидатуры и сами регулировали его деятельность. Во всяком случае, за удивительно короткий срок Массалия настолько укрепила свои позиции и настолько разрослась, что смогла основать собственные колонии, такие как Эмпорий (Ампуриас) на северо-востоке Испании. Опять-таки, как показали раскопки в Торрапаредонес близ Кордовы, греков прежде всего интересовали металлы – например, те, которые добывались в горах к северу от Кордовы. Однако путешествие Эвтимена в Восточную Африку ок. 550 г. до н.э. выявило существование чего-то совершенно иного, а именно крокодилов в устье реки, очевидно, Сенегала.

Многие виды товаров греческого производства проделали путь из греческой Эгеиды через Массалию в земли племен в глубине материка. Разумеется, куда большее впечатление, чем другие предметы, производит так называемый кратер из Викса, массивная (высота 1,64 м, вес – 208 кг, вместимость – 1100 л) бронзовая чаша для смешивания вина, изготовленная, вероятно, в Спарте приблизительно в 530 г. до н.э. Она была богато декорирована, в том числе фризом с рельефным изображением по краю сосуда шествия тяжеловооруженных греческих пехотинцев, крышка же сделана в виде закутанной женщины. Этот удивительный артефакт в конце концов оказался в

погребении кельтской принцессы в давшем название находке Виксе, неподалеку от слияния Роны и Сены. Не исключено, что он символизировал собой вклад в экономические, политические и социальные отношения – вероятно, дар греков местному племенному вождю, в дипломатических целях, однако в то же время сосуд, имевший вполне практическое назначение, а именно смешивание вина с водой (или *не* смешивание оно; во всяком случае, греки считали типичным для «некультурных» варваров пить их вино неразбавленным) для употребления на кельтских пирах, где вино лилось рекой.

Откуда же, однако, оно бралось? Было ли произведено то, которое смешивалось (или не смешивалось) в кратере из Викса, на месте или нет – во всяком случае, могло быть сделано здесь, но только потому, что греки из Массалии привезли в провансальские края виноградную лозу двумя поколениями (или около того) ранее. К 600 г. до н.э. виноградарство уже полтора тысячелетия являлось важнейшей и неотъемлемой чертой земледелия внутренних греческих земель. Большая часть вина, производившегося там, наверняка не отличалась высокими вкусовыми качествами. Добавление воды, хотя и представлявшее собой необходимое требование культуры для цивилизованных греков, несомненно, имело также и вкусовую функцию. Однако в раннеисторический период некоторые винодельческие области Греции – в особенности острова Хиос и Фасос – производили вино самого высшего качества, которое вывозили на продажу в дальние края в глиняных амфорах, выполненных в характерном для места производства стиле. В свою очередь, Массалия, также активно торговавшая вином, производила и экспортировала амфоры для перевозки вина собственного образца, являвшиеся своего рода торговой маркой массалиотов и выполнявшие важную роль в деле функционирования города как крупного транзитного центра.

Некоторые ученые, склонные идти еще дальше, доказывают, что именно благодаря грекам из Массалии оливководство впервые проникло на юг Франции. Конечно, ионийцы, подобно фокейцам, продавали очищенное оливковое масло жителям греческих поселений, основанных на северном побережье Черного моря, поскольку там олива не могла вынести холодной зимы, и потому их соплеменники – колонисты с запада отлично наладили торговлю маслом. Однако даже если именно они впервые привезли в Массалию побеги, саженцы и корни оливы, то равным образом (и это даже более возможно) таковые могли быть выращены на юге Италии; еще вероятнее, что не греки, а финикийцы или этрусски (засвидетельствовано кораблекрушение этрусского торгового судна, датированное примерно 600 г. до н.э., которое «раскопали» у острова Джильо) буквально насадили оливководство на юге Франции, используя растения из родных Ливана или Тосканы. Хотя Массалия и не внесла большого вклада в сокровищницу литературы и изобразительного искусства греков (в отличие от других западногреческих городов – Кротона и Тарента на юге Италии, например), во многом именно благодаря ей в Западной Европе распространилось полезное достижение культуры, до сих пор приносящее радость многим народам.

Примерно в 545 г. до н.э. обретшая независимость и усилившаяся Персидская империя заявила о себе на эгейском побережье (см. предшествующую главу), и Геродот рассказывает колоритную историю о том, как персы осаждали метрополию Массалии Фокею и как жители покинули ее. Не желая смириться с персидским «рабством», оставшиеся фокейцы последовали примеру своих предков, в недавние времена начавших эллинизацию Запада. Они не в переносном, а в самом прямом смысле сожгли свои корабли, а именно бросили кусок железа в море и поклялись именем богов не возвращаться на родину до тех пор, пока железо не всплывет на поверхность воды, то есть, по сути, никогда. Во время добровольного изгнания сначала они жили на Корсике, а затем

поселились в Регию (южная оконечность Италии, нынешний Реджо-ди-Калабрия). Однако, как гласит поговорка, никогда не говори «никогда»: настали более счастливые времена, две трети потомков эмигрантов вернулись после греко-персидских войн 480-х гг. до н.э.²⁷ и вступили в антиперсидский Афинский морской союз, ежегодно внося «дань» относительно небольшого размера – три таланта серебром (см. ниже седьмую главу).

Однако все это время – по крайней мере раз в несколько лет – они могли встретиться со своими сородичами из Массалии или в Олимпии или, что куда более вероятно, в Дельфах, где массалиоты тратили значительную часть накопленных богатств, устраивая себе блистательную саморекламу – они возвели великолепную мраморную сокровищницу, где хранили изящные посвященные дары – бронзовые сосуды и статуэтки, ювелирные изделия из золота и другие подобные предметы, поднесенные гражданами Массалии (см. Приложение).

Глава 6 Спарта

Ночь была на исходе, когда я с неохотой оставил эти прославленные руины, тень Ликурга, воспоминания о Фермопилах и все образы мифов и истории.

Ф. де Шатобриан. Путешествие в Грецию, Палестину, Египет и варварские страны

Из всех тех, о ком я пишу в этой книге, спартанцы, вероятно, возрадовались бы, увидев, что им посвящено самое короткое предисловие. Они – святыне покровители брахиологии, непревзойденные мастера кратких ответов. Именно в их честь мы до сих пор называем такие фразы лаконичными, поскольку в древности одним из названий спартанцев было «лаконяне», откуда происходит притяжательное прилагательное *lakônikos*. Примеров этому множество, причем приобретших широчайшую известность. Один из самых моих любимых приведен Геродотом в 46-й главе III книги, где рассказывается о событиях примерно 525 г. до н.э. Некие изгнанники с острова Самос призывали спартанцев помочь им вернуться на родину, произнеся «речь, длина которой была под стать трудности их положения». Однако спартанцы ответили, что речь слишком длинна и сложна и они забыли, что самосцы сказали в начале, а потому не понимают сказанного дальше. Самосцы приняли это к сведению и, вновь явившись просить о помощи, не стали произносить речь по всем правилам, но указали на пустую суму и прибегли к иносказанию: «Сума просит хлеба». Спартанцы заметили по поводу этого безмолвного представления, что даже слова «сума» было слишком много, однако просимую военную помощь предоставить согласились.

Для спартанцев имели значение не слова, а дела, и это отчасти объясняет, почему имеющиеся в нашем распоряжении письменные свидетельства по истории Спарты столь скудны – по крайней мере по сравнению с Афинами. Спартанцы были настолько отрицательно настроены к письму, что сознательно оставляли свои законы незаписанными, и существовавший запрет указывать имена на могильных камнях соблюдался. Было, однако, два исключения: для павших в сражении воинов и, согласно дошедшему до нас тексту Плутарха, для жриц, которые умерли, исполняя свою должность. (Ниже я еще вернусь к вопросу о положении спартанских женщин.) То, что исключение делалось для воинов-героев, говорит о многом. Единственные среди греков, спартанцы до конца V или даже

²⁷ В действительности тот этап греко-персидских войн, о котором здесь идет речь, относится скорее к 470-м гг., а именно 480–478 гг. до н.э. – *Примеч. пер.*

начала IV в. до н.э. как следует упражнялись в воинском искусстве. Они, как мы увидим, подчинили весь свой распорядок жизни требованиям боевой подготовки. Единственной причиной для такого общественного устройства было их решение поработить целую греческую народность, а также то, чтобы эта народность не только оставалась поработанной и в дальнейшем, но и обеспечивала функционирование спартанской экономической системы.

Подобный исход едва ли можно было предсказать в конце XI или в X в. до н.э. – во времена, когда на месте исторической Спарты впервые появляются признаки жизни после длительного запустения из-за неких катаклизмов в конце позднего бронзового века, где-то около 1200 г. до н.э. Лакония – название римского происхождения²⁸, которое условно применяется к области на юго-востоке Пелопоннеса, в центре которой находится плодородная долина Эвроты и ограничивается горным хребтом Тайгет (наибольшая высота – 2404 м) и Парнасом (1937 м). В Лаконии не обнаружено ни одного дворца микенских времен, однако если там и существовал дворец, сопоставимый с тем, что существовал в мессенском Пилосе, поскольку, согласно гомеровской «Илиаде», здесь находился дворец Менелая, брата великого царя Агамемнона и супруга несказанно прекрасной Елены, то он должен был стоять где-то в долине Эвроты: или на севере ее, примерно на месте исторической Спарты, или дальше к югу – волнующие перспективы открывают в этом отношении недавние находки табличек с «линейным письмом Б», сделанные А. Василиосом.

Первая из указанных локализаций больше нравилась самим спартам исторических времен. Где-то около 700 г. до н.э. они возвели святилище и храм в честь Менелая и Елены на обрыве над Эвротом, всего в нескольких километрах от центра города. Применительно к более позднему времени в Амиклах, в нескольких километрах к югу, засвидетельствован и культ Агамемнона, брата Менелая. Однако главной спартанской религиозной святыней был храм Афины Градодержицы²⁹, располагавшийся на том месте, которое могло сойти за акрополь (по сравнению с афинским выглядевший довольно убого). В культовом отношении куда более важным, чем Менелай, Елена или даже Агамемнон, являлось святилище местной богини растительности и плодородия Орфии (позднее отождествленной с Артемидой, богиней охоты, диких животных и переходного состояния от половой незрелости к зрелости), находившееся прямо на берегу Эвроты, и храм Аполлона и Гиакинфа, который стоял к югу от Амикл, в политическом отношении неотъемлемой части города.

Я начну с религии, поскольку, хотя для всех эллинов религия и политика и шли рука об руку, лакедемоняне, похоже, были особенно благочестивы – или суеверны. Дважды Геродот говорит, что они считают дела божественные куда более важными, чем сугубо мирские, – так, впрочем, полагали все греки. Однако повывавший свет историк, очевидно, подразумевал, что спартамцы в рамках своих представлений о долге перед богами подходили к делу с точки зрения религии даже тогда, когда другие греки так не поступали. Знаменья и чудеса они всегда воспринимали очень серьезно. Например, весь их свод законов и общественный порядок приписывались вещаниям оракула Аполлона в Дельфах. В этом отношении они отличались от многих других греческих полисов, которые обращались к Аполлону Дельфийскому в основном в тех случаях, когда речь шла об основании поселений на чужой земле. Имелись достаточно веские причины для основания спартамцами только одной заморской колонии (Тарент, нынешний Таранто в Южной Италии), чем они сильно отличаются, например, от Милета с его многими десятками рассеянных по дальним

²⁸ Другое название Спарты и прилегавшей к ней области – Лакедемон, которое мы и будем иногда использовать во избежание бесконечных повторов, хотя автор его не употребляет. – *Примеч. пер.*

²⁹ Из-за медной крыши его называли храмом Афины Меднодомной. – *Примеч. пер.*

берегам колоний.

Рис. 3. Спарта

Согласно мифам, спартанцы приписывали основание своего города «потомкам Геракла»³⁰ и сочинили запутанную историю о том, как правнуки этого великого героя «возвратились» вместе с дорийцами на Пелопоннес из изгнания, чтобы вернуть себе принадлежавшее им по праву (см. об этом третью главу). В свете археологических данных заселение территории Спарты впервые прослеживается применительно к концу XI или началу X в. до н.э., и местные находки в отличие от Амикл свидетельствуют о резком культурном разрыве между материалом конца бронзового века и ранних «темных веков». Действительно, если не считать непритязательной расписной керамики и немногих расписных пряслиц, обнаруженных в святилище в Орфии, и несколько более многочисленных артефактов, включающих грубые бронзовые изделия из Амиклейона³¹, здесь можно найти что-то свидетельствующее разве что об обитании, но никак не о процветании, раньше VIII столетия до н.э., а конкретно – его второй половины.

Это было в то время, когда, согласно принятой в древности датировке, спартанцы приняли знаменитое и весьма важное решение расширить собственную территорию, завоевав и подвергнув постоянной оккупации землю своих соседей с гомеровских времен, известную как Мессения. В процессе оккупации они также подчинили основную часть мессенского населения, ту, которая обитала в плодородной долине Памиса (причем столь же обширной и еще более плодородной, чем долина Эвроты), и низвели побежденных до рабского статуса, сделав их основными производителями. Они стали называться илотами (буквально «пленные»). Эти завоевание и оккупация, грубо говоря, разом решили любые возможные вопросы, связанные с нехваткой земли. Однако оставался еще сложный вопрос о том, как распределить захваченную землю между спартанцами. Но оккупация и подчинение имели также тот результат, что, как обнаружили спартанцы, поскольку мессенцы были греками-дорийцами, многие из них сумели сохранить своего рода самосознание свободных людей, которых несправедливо и почти неестественно лишили свободы, правом на которую греки обладают от рождения. Более того, когда представился случай, эти илоты тотчас же подняли восстание, чтобы вернуть себе это право. Впервые такой случай имел место в середине VII в. до н.э., всего через пару поколений после первого завоевания, и причиной его (или по крайней мере побудительным мотивом) стало крупное поражение спартанцев от аргивян при Гисиях в 669 г. до н.э. (см. конец третьей главы). Спартанцам потребовался не один

³⁰ Или Гераклидам. – Примеч. пер.

³¹ Имеется в виду святилище Аполлона Амиклейского. – Примеч. пер.

год, прежде чем они справились с этим первым большим восстанием, и как только им это удалось, они решились на серьезные внутренние изменения или даже революцию, которые превратили Лакедемон в особый тип греческого полиса.

Реформы приписываются легендарному законодателю, который, как считается, носил имя Ликурга (дословно «волк-труженик»), однако скорее всего он не мог разом провести все те преобразования, творцом которых считается, и нет ничего невероятного в том, если он вообще не существовал как историческая личность. Во всяком случае, позднее его почитали скорее как своего рода божество, нежели как смертного героя. Суть «пакета» Ликурговских реформ составляли три ключевых аспекта – экономический, военно-политический и социальный.

Если говорить об экономике, то произошло известное перераспределение земли, прежде всего захваченной у мессенцев, так что все спартанцы получили доступ к некоему минимальному количеству земли, известному как *klaros* (клер), или «жребий», наряду с некоторым числом находившихся в общинной собственности поработанных илотов, которые должны были работать на них. Почва Спарты, ландшафт, климат Лаконики и Мессении были (и остаются до сих пор – речь о снискавшей себе известность восхитительной мессенской каламате³²) чрезвычайно благоприятны для выращивания оливок, и обилие масла отчасти объясняет изобретение спартанцев, которое оказало такое влияние на мировую культуру: юноши и взрослые мужчины в обнаженном виде занимались атлетикой и другими физическими упражнениями (от греческого слова *gymnos*, «обнаженный», происходит *gymnasion*, наш «спортивный зал»), а затем, очистив тело бронзовыми скребками (*strigil*), умащали его оливковым маслом. Был изобретен особый сосуд для хранения масла, который назывался арибаллом (*aryballos*), и его бронзовые или расписные глиняные экземпляры могли приноситься в качестве посвященных даров богам и богиням, например Афине и Артемиде в Спарте. Другие греки последовали примеру спартанцев, и в результате упражнения и мужские соревнования по атлетике в обнаженном виде сформировали особую маскулинную склонность к панэллинским играм – таким, как олимпийские, а несколько позднее вдохновили на создание чисто греческого типа статуй, известных под названием куросов – изображений юношей или молодых людей из камня или бронзы. Более того, они стали играть роль отличительного знака культурного превосходства над негреками-варварами, которые стыдились показаться обнаженными на людях.

В военном и политическом отношении все спартанцы становились равноправными участниками низового собрания воинов, однако они выражали свое мнение криком, а не правильной подачей голосов, к тому же выше этого собрания стоял аристократически настроенный сенат, называвшийся герусией³³, из тридцати государственных деятелей почтенного возраста, куда *ex officio* входили и оба спартанских царя. Это было совместное наследственное правление, и избирались они только из двух аристократических родов³⁴. Божественные близнецы Кастор и Поллукс были особым образом связаны со Спартой – их изображения выносили перед битвой как небесные символы земной диархии. Если не считать царей, остальные двадцать восемь членов сената, также избиравшихся криками на народном собрании, действительно являлись старейшими государственными деятелями, и поскольку, помимо знатного происхождения, они должны были достигнуть шестидесятилетнего возраста, назначали их пожизненно. Все полноправные спартанцы (взрослые мужчины

³² Сорт фиолетовых оливок. – Примеч. пер.

³³ Совпадение названий, в сущности, полное, поскольку и греческий, и латинский термины происходят от слова «старец». – Примеч. пер.

³⁴ Речь идет о семействах Эврипонтидов и Агиадов. – Примеч. пер.

соответствующего рода и воспитания) были экипированы для войны как гоплиты, по-видимому, в седьмом и шестом столетиях число их составляло 8000 или 9000 человек. Во всех других полисах только относительно небольшая часть, возможно, треть или что-то вроде того были гоплитами – так, если средний размер гражданского коллектива типичного греческого полиса имел численность от 500 до 2000 человек, то типичный греческий полис располагал менее чем 1000 гоплитами. Спарта же могла выставить в девять или десять раз больше.

Это был надежный базис, поскольку общественное устройство Спарты обуславливалось военными приоритетами. С семилетнего возраста спартанские мальчики «воспитывались» совместно, централизованно, под неусыпным контролем государства. Новые высшие исполнительные лица в государстве, избиравшиеся ежегодно и называвшиеся эфорами (буквально «надзиратели»), уделяли особое внимание мальчикам в возрасте от семи до восемнадцати лет, проходившим всестороннюю и интенсивную спартанскую выучку – или муштровку. Наиболее знаменитым из спартанцев, занимавших пост эфора, стал Хилон, который действовал в середине VI в. до н.э. и имел благодаря браку родственные связи с обоими царскими домами Спарты. По установленному в Спарте обычаю после кончины Хилон стал почитаться как герой – то есть человек, родившийся смертным, но по отхождении в мир иной, как предполагалось, поднявшийся выше состояния смертного и удостоившийся религиозного почитания. Точно такой же героический культ, естественно, полагался и всем спартанским царям, причем независимо от того, насколько успешно действовали они при жизни.

Спартанское гражданство доставалось нелегко. Не всякий, у кого отец и мать были лакедемонянами, обладал им. Первым «тестом» на его обретение являлось прохождение всех ступеней спартанской системы воспитания. Для представителей элиты существовал дополнительный уровень проверки: в возрасте между 18 и 20 годами, который предполагал, что почти взрослые люди «шли вразнос», переходя всяческие границы, в том числе и собственного разума, живя поодиночке, вне обычного сверхтщательного контроля со стороны общины, и в качестве доказательства своей мужественности убивали всякого илота, какой им только попадался, под покровом темноты, вооруженные только кинжалами, без прочих наступательных средств и какого-либо оборонительного снаряжения. Эти «криптии», или «тайные агенты», осложняли и без того напряженные отношения Спарты с илотами чем-то вроде государственного террора. И ничего удивительного, по-видимому, нет в том, что Аристотель уподобил илотов врагу, постоянно сидящему в засаде и ждущему случая, чтобы воспользоваться несчастьем своих господ.

Уже в конце VIII в. до н.э. Спарта начала отодвигать свои границы на северо-восток за счет земель Аргоса, что с неизбежностью привело ее к столкновению с последним. По большей части война в Древней Греции происходила в форме конфликта между соседями из-за какого-то куса территории. В первой половине VI в. до н.э., когда реформы Ликурга уже достаточно глубоко пустили корни, спартанцы почувствовали себя достаточно сильными, чтобы начать наступление из долины Эвроты на север и вторгнуться в Аркадию. Здесь, однако, они неожиданно потерпели неудачу на равнине под Тегеей и решили удовольствоваться скорее символической гегемонией, чем полномасштабной оккупацией. Однако явным признаком их полной уверенности в том, что ни аргивяне, ни аркадяне, ни люди из какого-либо другого полиса не будут настолько сильны, чтобы нанести удар по Лакедемону, было то, что вплоть до II в. до н.э. они фактически не возводили городских стен (хотя к тому времени в город проникали враги – см. девятую главу). По сути, Спарта оставалась лишь квазиурбанизированной, и пять «деревень», которые образовывали город (четыре

изначальных плюс Амиклы с середины VIII в. до н.э.), сохраняли определенную обособленность и особую идентичность. Например, четыре изначальных деревни создавали команды, чтобы соревноваться друг с другом во время спортивных состязаний, а жители Амикл совершали особые приношения своему местному божеству Аполлону и ежегодно справляли праздник Гиакинфии, чтобы противопоставить его ежегодному празднику Карнейи, также в честь Аполлона, но общий для всех дорийцев.

Жизнь Спарты, как она сложилась в VIII–VII вв. до н.э., представлявшая собой жизнь суровой воинской общины, занимавшей огромную территорию в 8000 квадратных километров (крупнейшая во всей Греции; Сиракузы, шедшие вторыми, сильно уступали ей с их 4000 квадратных километров). Мощь этой общины основывалась на эксплуатации коренных греков, находившихся фактически на положении рабов, которых спартанцы без обиняков называли илотами («пленниками»), и на жесткой военной дисциплине, предписанной на всех спартанских мужчин с весьма юного возраста (хотя и не с пеленок). В течение всей архаической эпохи (VII–VI вв. до н.э.) в Греции Спарта, несомненно, являлась сильнейшим эллинским государством. С середины VI в. до н.э. она стала укреплять свою гегемонию с помощью формирования политического альянса, включавшего в себя большинство полисов Пелопоннеса (отсюда его современное название – Пелопоннесский союз), весьма важной его задачей среди прочих была защита от возможного восстания илотов внутри самого Лакедемона. Бесспорным лидером союза являлась Спарта, которая возглавила сопротивление греков Персии в 480–479 гг. до н.э., оказавшееся неожиданно успешным.

Уже в 540-х гг. до н.э. к Спарте обращался за помощью лидийский царь Крез, когда над ним нависла угроза со стороны Ахеменидской империи Кира, находившейся тогда на подъеме. Однако прежде чем втянуться в боевые действия на азиатском континенте, спартанцы отправили Киру жесткую дипломатическую ноту, требуя от него убрать руки от их лидийского друга, на что, как передают, Кир ответил презрительно: «Кто такие эти спартанцы?» Так продолжалось вплоть до правления могущественного спартанского царя Клеомена I (ок. 520–490 гг. до н.э.), при котором позиция Спарты по отношению к Персии стала насущным политическим вопросом. Мрачный конец правления и жизни Клеомена совпал по времени с первым вторжением персов в Балканскую Грецию, которое завершилось катастрофой для них и триумфом афинян при Марафоне (см. пятую главу). Но хотя спартанцы и согласились безо всяких отговорок помочь в борьбе с интервентами, войско лакедемонян не сумело присоединиться к афинянам до того, как состоялась эта знаменитая битва, – как передают, из-за того, что необходимость провести религиозные обряды помешала спартанцам вовремя покинуть Спарту, однако, возможно, также и потому, что у них дома вновь возникли трудности, связанные с бунтами илотов.

Через десять лет ситуация серьезно изменилась, Дарию в 486 г. до н.э. наследовал в качестве великого царя Ксеркс, который, как только покончил с большими внутренними трудностями (в Вавилонии и Египте), все внимание с 484 г. до н.э. направил на то, чтобы решить «греческий вопрос» раз и навсегда. Его гигантские силы двинулись в 480 г. до н.э. по суше и по морю. Эта экспедиция – главная тема исторического шедевра Геродота. Галикарнасец, и это делает ему честь, не щадит чувства греков, не скрывая, что большее их число сражалось на стороне персов, нежели против них, и рассказывая о ссорах, происходивших между немногочисленными городами и общинами греков, оказавших персам сопротивление (лишь 31 из как минимум 700 только в одной Балканской Греции) даже после того, как войска Ксеркса проникли в глубь греческих земель. Фокидяне, рассказывает Геродот, решили воевать против персов только потому, что их соседи

фессалийцы оказались на стороне персов! Что же касается аргосцев, то они *de facto* «мидизировались» (враги наших врагов, то есть Спарты, наши друзья), но не идя на столь активное сотрудничество с персами, память о котором впоследствии преследовала фиванцев.

Сам Геродот считал, что главная заслуга в успехе сопротивления принадлежит Афинам, которые руководили действиями антиперсидской коалиции на море и с помощью своего великолепного флота, построенного за счет местных запасов серебра, одержали победу в битве при Саламине в августе 480 г. до н.э.³⁵ Однако по крайней мере серьезную роль сыграло вдохновлявшее на подвиги жертвенное сопротивление спартанцев в Фермопильском проходе несколькими неделями раньше. Особенно важную роль лакедемоняне сыграли в решающем сражении при Платеях на земле Беотии летом 479 г. до н.э. Морская операция около мыса Микале (близ острова Самос) в Малой Азии сразу после этого только завершила дело.

Таким образом, Спарта вместе с Афинами «выиграла» греко-персидские войны и тем самым создала возможности для последующего невиданного расцвета греческой культуры, который часто называют «золотым веком» Эллады. Однако самого Лакедемона этот расцвет почти не коснулся. Его история связана по преимуществу с городом, о котором пойдет речь в следующей главе, – с Афинами. С другой стороны, влияние Спарты не только на историю и культуру Древней Греции, но во многом и на всю западную традицию не стоит преуменьшать. С конца V столетия до н.э. (как прямое следствие военно-политического и культурного противостояния между Спартой и Афинами) получило развитие явление, известное современным историкам под названием «спартанского миража» или «спартанского мифа». Спарту возвели на пьедестал теоретики и политики-практики: лаконофилы (то есть проспартански настроенные) видели в ней достойный подражания идеал, другие, напротив, рассматривали ее как модель того, что нужно всячески критиковать и чего надо избегать.

Роль и социальный статус женщин, которые, если исходить из принятых у греков стандартов, пользовались немалой свободой (например, они имели право владеть земельной собственностью и распоряжаться ею по своему усмотрению), положение илотов (см. выше) и отношение к иностранцам (спартанским порядкам была присуща невероятная ксенофобия) – таковы те три вопроса из числа наиболее дискуссионных и сложных, которые являлись предметами постоянных споров и пропаганды. В период ранней Римской империи Спарта превратилась в некий исторический заповедник своего древнего прошлого, что стало как следствием ее символического статуса, так и импульсом к дальнейшему развитию мифа о ней. Примечательно, что Плутарх, немало потрудившийся над его формированием (в частности, его перу принадлежит апологетическая биография Ликурга), во время посещения Лакедемона примерно в 100 г. н.э. увидел, как спартанских юношей бичевали порой до смерти для развлечения иноземных туристов. Возможно, разгром в 260-х гг. до н.э. и без того духовно истощенной спартанской общины бандой варваров, известных под именем герулов, стал своего рода актом милосердия по отношению к Спарте.

Несмотря на характерные для древности превратности судьбы, античная Спарта дала носителям английского языка три слова: «илот», используемое в качестве родового наименования представителей низшей или подчиненной группы людей или народа; «лакони́чный» (см. выше); и, разумеется, «спартанский» – аскетичный, скромный, строгий, склонный к самоотрицанию. Однако любого, кто посетил бы Спарту в VII в. до н.э. и увидел изобилие товара, обычно производившегося

³⁵ В действительности Саламинская битва произошла в конце сентября 480 г. до н.э. – *Примеч. пер.*

греками, потреблявшегося местным населением и экспортировавшегося – в особенности изящно украшенные сосуды из обожженной глины, превосходно сработанные бронзовые вазы (такие, как кратер из Вика, см. пятую главу) и статуэтки, – поразили бы те социально-экономические изменения, которые потребовались Спарте для того, чтобы она стала «спартанской», в какую она, несомненно, и превратилась самое позднее к концу IV в. до н.э.

Наиболее вероятное объяснение укладывается в одно слово – илоты. Ценой за выживание спартанцев за счет эксплуатации рабочей силы илотов стало то, что им пришлось превратить свой полис в подобие военного лагеря, однако выигрыш оказался весьма солидным. С середины VII до начала IV в. до н.э. Спарта, несомненно, была сильнейшим в военном отношении государством греческого мира. И по крайней мере в 480–479 гг. до н.э. благодаря усилиям Спарты определился ход будущей греческой и вообще западной истории, причем так, что в этом не было ничего эгоистического и предосудительного. Хотя сама она оставалась во многом весьма архаическим полисом, именно благодаря ей оказался обеспечен расцвет классической Греции.

Часть третья **Эпоха классики (500–330 гг. до н.э.)**

Глава 7 **Афины**

Шедевры не рождаются сами собой, в одиночку, они – итог многолетней работы мысли, выношенной сообща, всем народом, так что за голосом одного стоит опыт многих.

Вирджиния Вульф. Своя комната

«Ночь выдалась темная и дождливая...» Так начинается роман писателя Викторианской эпохи Эдуарда Бульвер-Литтона (автора бестселлера «Последние дни Помпеи»), и современным авторам ежегодно выдается премия его имени за наиболее зловещее начало художественного произведения. Однако в наследии Бульвер-Литтона есть и нечто совершенно иное, на что всерьез обратили внимание лишь совсем недавно. Он стал одним из первых, если не самым первым, кто восславил древние Афины как предшественника в деле демократии, ее основателя. До того времени западная традиция политической мысли и идеологии отличалась крайним антидемократизмом и соответственно была проспартанской. Однако расцвет новой, современной представительной демократии – прежде всего в Соединенных Штатах и Великобритании, возникновение нового греческого государства и рост авторитета Древней Греции во всей Европе как предполагаемого политического предшественника и образца для подражания в XIX столетии подразумевали более положительное отношение к афинской демократии – которая, будучи демократией прямой, резко отличалась от европейской. Возросший с 1830-х гг. авторитет Афин сохраняется и по сей день, чему способствует ассоциация Спарты с авторитарным или тоталитарным режимом. Восхищение Афинами усилилось и благодаря тому, что Платон называл их «средоточием эллинской мудрости», а Перикл у Фукидида восхвалял их как «школу для всей Эллады»³⁶ и считал, что они положили

³⁶ См.: Платон. Протагор. 337d; Фукидид. История. II. 41. 1. – *Примеч. пер.*

начало невиданному расцвету культуры, основывавшейся на принципах свободы и демократии (не для всех, конечно).

Не только классические Афины, удачно расположенные в 8 километрах от берега моря, превратились в крупнейший город греческого мира до того, как была основана и отстроена Александрия Египетская, но целый городской комплекс. В самом деле можно сказать, что слово «Афины» являет собой неоправданное упрощение, поскольку при этом под именем одного подразумеваются три города. Первый – Афины как политическое целое, полис как таковой, городской центр вместе с окружающей его хорой, или сельской территорией, известной под названием «Аттика» (дословно «земля афинян»), занимавшая приблизительно 2400 квадратных километров (1000 квадратных миль) – третье место во всем греческом мире после Спарты и Сиракуз – и входившая в первую десятку полисов, имевших территорию более 500 квадратных километров (а всего таких полисов насчитывалось примерно 100). («Нормальный» полис занимал территорию менее 100 квадратных километров.) Если посмотреть на дело с другой стороны, то это политическое целое развилось с 500 г. до н.э. из не менее чем 139 демов, или «деревень», из которых, однако, лишь немногие находились в собственно сельской, а не городской местности. Второй – афинский Акрополь, или верхний город, располагавшийся в рамках более масштабного организма, который иногда называли просто полисом, в знак его символического центрального положения. Возможно, в микенские времена здесь стоял дворец, и уже в VI в. до н.э. тут, вероятно, находилась резиденция семейства «тиранов», или диктаторов, известных под именем Писистратидов, или Писистрата и его потомков. Однако самое позднее к 500 г. до н.э. здесь было сугубо религиозное пространство, даже если отношение афинян к религии настолько отличалось от нашего, что они считали вполне нормальным разместить в храме, а именно в Парфеноне, главное казнохранилище полиса, своего рода центральный банк. У его подножия находилась составлявшая единый комплекс с Акрополем агора, дословно место собраний граждан, коммерческое и политическое сердце Афин; а недалеко от него, в пределах видимости, находился холм Пникс, где проводило заседания народное собрание (эκκλησία) в послетиранический демократический период. Третий – афинский полис (политическое целое) был единственным греческим городом, который породил своего двойника, второй город в урбанистическом смысле, а именно город-порт Пирей; он разросся настолько и в таком месте (это произошло в V в. до н.э.), что призвали Гипподама из Милета, дабы попытаться упорядочить и структурировать его рост, разделив Пирей на пересекающиеся под прямым углом улицы с общественными площадями.

Только поэтому Афины, несомненно, заслуживают втрое больше места в книге, чем какой-либо иной греческий город. Однако по другим причинам внешнего и внутреннего характера Афины также породили во много раз больше данных, как археологического и культурно-исторического характера, так и письменных, нежели любой другой город. Как удачно выразился один из персонажей цинероновских диалогов, «в этом городе... куда ни ступи, всюду натолкнешься на какое-нибудь историческое место»³⁷. Отличным примером того, как много еще хранит их земля, мы получили в 2002 г., когда во время раскопок была обнаружена мраморная плита с именами 80 афинских граждан, погибших во время так называемой Сицилийской экспедиции (о ней см. ниже). Плита, первоначально представлявшая собой кенотаф, выставленный на главном общественном кладбище города эпохи классики в Керамике (квартал гончаров), превратилась в позднееримский период (IV– V вв. н.э.) в часть оборонительной стены и была раскопана под зданием

³⁷ Цинерон. О пределах добра и зла. V. 5. Пер. Н.А. Федорова. – *Примеч. пер.*

неоклассического стиля XIX в. в ходе работ по подготовке выставки коллекции мусульманского искусства в музее Бенаки (по имени грека Бенаки из Александрии в Египте).

Склонность к афиноцентризму, распространенную как в академических кругах, так и среди неспециалистов, естественно, стоит воспринимать с большой осторожностью, однако если бы мы уделили Афинам столько же места, сколько другим городам, о которых идет речь в моей книге, это было бы трудно назвать иначе как эксцентричностью или капризом. Здесь еще одно усугубляющее трудности обстоятельство: для периода с 450 по 400 г. до н.э., который часто называют «золотым веком»³⁸ или «Перикловым» веком, по имени крупнейшего государственного деятеля, история всего греческого мира может быть описана (и описывается) как цепь событий, связанных с историей Афин.

Что касается мифов, то подобно Кноссу, Микенам, Аргосу, Спарте и вообще любому городу, достаточно древнему или с претензиями, Афины могли похвастаться легендарным прошлым. В одном из мифов об основании действительно участвуют двое олимпийских божеств, Афина и Посейдон. Они оказываются в ситуации, не слишком подходящей для главного покровителя города или гения-хранителя: ситуация, в которой Афина, вероятно, приобрела незаслуженное преимущество с помощью своего имени, не говоря уже о ее необыкновенном рождении из головы отца – Зевса. Так или иначе, Афина одержала победу – среди прочего еще и потому, что отличалась воинственностью, а также потому, что была связана с практической мудростью и ремеслами, и не в последнюю очередь из-за своего полезного дара Афинам – оливкового дерева. На аверсе (лицевой стороне) афинских серебряных монет классического периода чеканилось изображение головы Афины в шлеме, украшенном оливковой ветвью, тогда как на реверсе мы видим ее птицу, маленькую *skops*, сову, символизирующую мудрость, а рядом нежный росток оливы. В другом мифе об основании говорится о древнем царе Эрехтее, которого почему-то смешивают с другим персонажем, змеем по имени Эрихтоний³⁹, однако в исторические времена обе эти легенды оказались вытеснены другим этиологическим мифом – таковыми Афины были чрезвычайно богаты, что отражало сложность их подлинных исторических истоков.

Во-первых, здесь явно прослеживаются претензии афинян на то, что они происходят непосредственно от самой земли Аттики, от которой были рождены первые афиняне. Цель и назначение этого мифа об «автохтонности» состояли в том, чтобы подкрепить вымышленную, искусственную версию о тесном родстве между людьми, в действительности имевшими совершенно различные происхождение и корни. Во-вторых, налицо множество мифов, связанных с предполагаемым основателем Афин, их «национальным» героем Тесеем. С его именем связывают не только синойкизм, то есть искусное сведение разрозненных деревень и округов Аттики в единое целое, афинский полис. Когда в 500 г. до н.э. с превращением Афин в демократию указанный процесс достиг своей кульминации, возникла легенда, согласно которой Тесей являлся также и основателем этой политической системы, хотя в данном случае ему пришлось разделить славу (что столь же мало соответствует исторической правде) с «тираноубийцами» Гармодием и Аристогионом, которые на самом деле убили не самого тирана, а его брата, и к тому же за несколько лет до того, как в Афинах установилась демократия.

Эти мифы могут основываться на неясных воспоминаниях о подлинных исторических событиях. Например, убийство Тесеем Минотавра («быка Миноса») в кносском Лабиринте могут каким-то

³⁸ «Золотым веком» (или, точнее, золотым пятидесятилетием – пентеконтаэтией) называют обычно 480/479–431 гг. до н.э., время между отражением персидского нашествия и началом Пелопоннесской войны, относить которую со всеми ее бедствиями к «золотому веку», как это делает автор, вряд ли разумно. – *Примеч. пер.*

³⁹ Эрихтоний был рожден Землей и был наполовину змеем, наполовину человеком. – *Примеч. пер.*

образом отражать отношения между Афинами и минойским Критом. Однако бесстрастные и достоверные данные археологии – более надежный критерий, и они показывают, что и сами Афины, и Аттика пострадали меньше, чем некоторые другие области Греции микенского и ближайшего послемикенского времени – такие, как, например, Мессения на юго-западе Пелопоннеса, – и намного быстрее оправались от последствий катастрофы, случившейся ок. 1200 г. до н.э., что предполагает определенную достоверность мифологической традиции о том, что Афины сыграли достаточно серьезную роль в «ионийской миграции» (если вообще не были ее главным центром) XII–XI вв. до н.э. (см. четвертую главу). Сколь-либо серьезный экономический прогресс не наблюдается до середины IX или, лучше сказать, VIII в. до н.э. Относящиеся к этому времени материалы захоронений из некрополя в Керамике свидетельствуют прежде всего о растущем благосостоянии местных жителей и интенсификации внешних сношений. В частности, наблюдается заметный приток переселенцев, в том числе искусных ремесленников из Финикии (прежде всего благодаря этому и появилась новая греческая алфавитная письменность, как мы видели).

Однако VII столетие до н.э., как показывают данные археологии, стало временем, когда Афины и Аттика оказались отброшены назад, и когда город вступает в период, хоть как-то освещенный достоверными письменными источниками, мы видим его в состоянии стасиса. Это слово может означать что угодно – от общественных беспорядков или волнений до открытой гражданской войны. Где-то около в 620 г. до н.э. законодатель по имени Дракон⁴⁰ принял ряд законов, предусматривавших жестокие наказания (отсюда выражение «драконовский») за различные преступления⁴¹. Однако если это имело целью стабилизировать политическую ситуацию, то тут Дракон потерпел фиаско, и по-настоящему история Афин начинается с деятельностью Солона. В 594 г. до н.э. к нему обратились *in extremis*⁴² для разрешения накопившихся политических противоречий. Тем самым была до конца доведена борьба между реакционными аристократами старого образца, более прогрессивными, подобными ему самому, другими богатыми людьми, не принадлежавшими к аристократии, с одной стороны, а с другой – массой бедных афинских граждан, демосом, как называет их Солон в своих стихах; многие из них были кругом в долгах перед теми или иными богатыми гражданами⁴³. Стасис 594 г. до н.э. оказался не первым и уж тем более не последним, случившимся в истории Афин, – наиболее примечательными из их числа были, вероятно, смуты 411-го и 404 гг. до н.э., о которых еще пойдет речь. Этот же стасис отличало то, что предложенное Солоном разрешение оказалось столь удачным и имело столь долгосрочные последствия, что оно, как можно думать, во многом заложило основы демократической революции конца VI в. до н.э. Только за одни эти выдающиеся достижения Солон заслужил того, чтобы войти в список «семи мудрецов» Древней Греции.

На время между ограниченным наделением гражданской массы правами со стороны Солона и куда более радикальным демократическим в 508–507 гг. до н.э. («демократия» означает «власть демоса») приходится режим наследственной тирании аристократа Писистрата (ум. 527 г. до н.э.) и его сына Гиппия (свергнут в 510 г. до н.э., через четыре года после умерщвления его брата «тираноубийцами»). Основываясь на достижениях, ставших следствием экономических и политических реформ Солона, они добились единства Афин – или, точнее, Аттики – в культурном

⁴⁰ Или Драконт (это написание принято в современной отечественной историографии). – *Примеч. пер.*

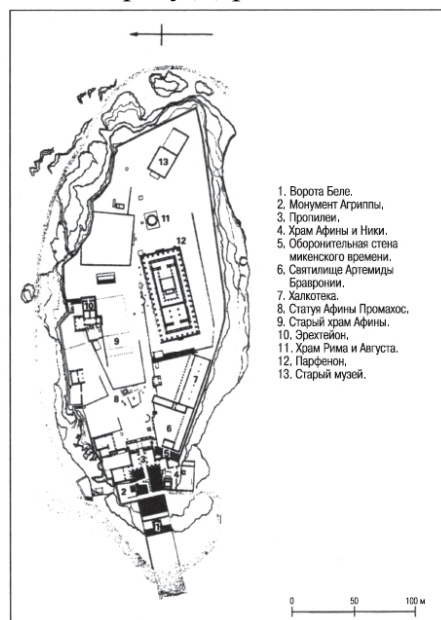
⁴¹ Более вероятно, что законы Драконта касались лишь убийств. То, что они предусматривали смертную казнь даже за кражу овощей, по-видимому, недоразумение – скорее всего лишь оставались безнаказанными хозяева, совершавшие убийство воров. – *Примеч. пер.*

⁴² В крайних обстоятельствах (*лат.*).

⁴³ Трудно представить себе, как мог демос вести борьбу с аристократией и богачами незнатного происхождения – его некому было бы возглавить. Намного более вероятно, что речь шла о борьбе между различными группировками знати. – *Примеч. пер.*

отношении и в меньшей степени, но также в довольно значительной, участия в повседневной политике широких слоев населения. Поэтому Клисфен, который считается крестным отцом демократических реформ 508–507 гг. до н.э., заложил основу для новых политических структур, базировавшихся на изменении политической географии государства. Благодаря реформам не только во много раз возросло участие народа в делах полиса, но также неизмеримо увеличился военный потенциал Афин.

Совокупный военный потенциал Афин блистательно реализовался в сражении при Марафоне на востоке Аттики летом 490 г. до н.э.⁴⁴ Исходя из более поздней военной истории Афин, казалось бы, можно предположить, что они всегда были сильны на море, однако на самом деле об этом не приходится говорить до того десятилетия, кульминацией которого становится битва при Марафоне, и следующего за ним, когда афиняне всерьез задумались о развитии своей морской мощи. Марафон был по преимуществу победой гоплитов под мастерским руководством аристократа с богатым прошлым, долгое время проведенного в эмиграции, по имени Мильтиад, который в 510-х гг. до н.э. правил в качестве тирана в интересах персов в Херсонесе Фракийском, известном ныне как Галлиполийский полуостров на западном берегу Дарданелльского пролива (античный Геллеспонт).

1. Ворота Беле.
2. Монумент Агриппы.
3. Пропилеи.
4. Храм Афины и Никей.
5. Оборонительная стена микенского времени.
6. Святилище Артемиды Бравронии.
7. Халкотека.
8. Статуя Афины Промакос.
9. Старый храм Афины.
10. Эректейон.
11. Храм Рима и Августа.
12. Парфенон.
13. Старый музей.

Рис. 4. Афинский Акрополь

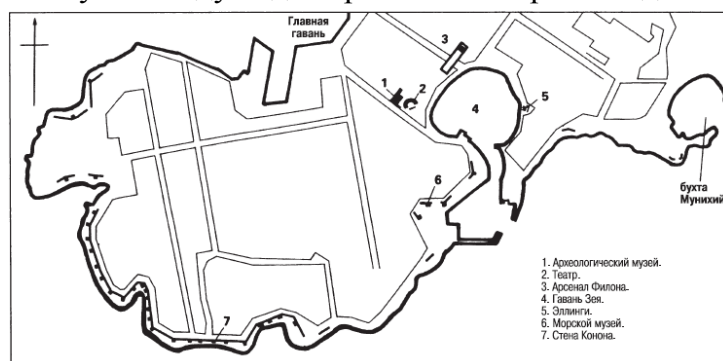
Однако после демократической революции 508–507 гг. до н.э. афиняне оказались лицом к лицу с Персией – страшной деспотической империей Востока, от власти которой стремились освободиться ионийские греки Малой Азии – соплеменники афинян. Помощь последних Ионийскому восстанию в 499 г. до н.э. (как мы видели в пятой главе) оказалась недостаточной для того, чтобы обеспечить освобождение ионийцев, и стала роковым звеном в цепи событий, приведших к первой попытке со стороны Персидской империи умиротворить – возможно, покорить – кое-кого из надоедливых греков на Балканском полуострове. В 490 г. до н.э. великий царь Дарий I доверил Артаферну, высокопоставленному представителю царской фамилии, и Датису, мидянину, как и первый покоритель малоазийских греков⁴⁵, обладавшему немалым опытом командования в морской войне,

⁴⁴ Традиционная датировка Марафонской битвы – 12 сентября (а не лето) 490 г. до н.э. – *Примеч. пер.*

⁴⁵ Имеется в виду полководец Кира Великого Гарпаг. – *Примеч. пер.*

руководство морской экспедицией⁴⁶. Достигнув Эретрии на Эвбее – другого греческого города, оказавшего помощь восставшим ионийцам, – персы раз рушили его, а часть жителей переселили в центральные районы Ирана. Затем, однако, последовал Марафон – сокрушительное поражение персов, во многом, очевидно, обусловленное несгибаемым мужеством афинских гоплитов. Как считается, в этой битве погибло 6400 человек со стороны персов против всего лишь 192 у афинян, чьи соотечественники объявили их героями и учредили их официальный культ. Лишь один греческий город прислал подмогу афинянам – маленькие Платеи в Беотии, на земле которых греки одержали еще более решительную победу над вторгшимися персами одиннадцать лет спустя.

Рис. 5. Афины. План Пирея

Если при Марафоне Мильтиад стяжал себе славу, то всего через несколько месяцев он стал человеком прошлого. Будущее Афин – как экономическое, так и военное – было связано с морем, как с необычной прозорливостью предвидел это Фемистокл. Одним из немногих природных ресурсов Афин и вообще Греции являлись месторождения серебра, находившиеся в Лаврионе на юго-востоке Аттики. В 483 – 482 гг. до н.э. были обнаружены необычайно богатые серебряносные жилы, и Фемистокл предпочел употребить неожиданно обретенное богатство на строительство великолепного, многочисленного и в высшей степени современного флота из триер – гребных военных судов, базировавшихся в Пирее. Каждая триера представляла собой летящий по воде управляемый снаряд с великолепной командой гребцов из 170 человек. Легкая и крепкая, с очень небольшим экипажем, состоявшим из офицеров, кормчего, флейтиста и матросов, триера была изобретением не греков, а финикийцев – изобретением, которое греки медленно усваивали, поскольку их было не только сложно, но и дорого строить и еще дороже поддерживать в рабочем состоянии и укомплектовывать командой. Лишь полис, подобный Афинам с их богатыми месторождениями серебра, которое добывалось принудительным трудом тысяч невольников, мог позволить себе не только вознамериться, но и успешно провести в жизнь планы по введению в строй боеспособного военного флота из 200 или более триер, не говоря уже о том, чтобы в высшей степени успешно задействовать его в течение двух лет.

Именно этот флот сокрушил персидские (по большей части финикийские) морские силы в проливе у небольшого острова Саламин в августе 480 г. до н.э. – это еще не привело к полному провалу грандиозного похода, затеянного в предшествующем году сыном Дария Ксерксом, но серьезно усложнило задачу Мардония, полководца, которого Ксеркс оставил после своего отъезда для того, чтобы закончить завоевание Греции. Однако даже теперь, поскольку все недостатки были учтены, Мардоний мог нанести поражение противостоявшей ему разношерстной коалиции

⁴⁶ Этой операции предшествовала попытка персидского военачальника Мардония дойти с флотом вдоль берегов Балканской Греции до Аттики, однако из-за шторма у мыса Афон, погубившего множество персидских кораблей, экспедиция не достигла цели. – Примеч. пер.

примерно из тридцати греческих полисов или около того. Однако храбрость и воинское искусство спартанцев в сражении при Платеях на суше летом 479 г. до н.э. оказались не меньшими, чем у афинян на море при Саламине, и после этого врага оставалось лишь добить, что и произошло в условиях лидерства афинян на море в битве при Микале на азиатском побережье прямо напротив острова Самос. Но что дальше? Спартанцы, по причине своего характера, местоположения и привычек народ сухопутный, не имели никакого желания впутываться в дела в Эгеиде или Азии. Таким образом, великую борьбу за освобождение азиатских греков возглавил один полис, опиравшийся только на свои силы, опыт и волю, – Афины.

То, что мы называем Делосской лигой, представляло собой прежде всего военно-морской союз, который создали и возглавили Афины зимой 479/78 г. до н.э. Официальная присяга, включая торжественную клятву богами в том, что союз будет существовать не до победы над персами, а постоянно, чтобы противостоять Персидской империи, была принесена на Делосе – священном острове Аполлона, где проводились ежегодные празднества ионийских греков. Организатором церемонии был афинский военачальник Аристид, прозванный Справедливым за то, что действительно справедливо осуществил мероприятия по распределению дани⁴⁷ и других выплат. С самого начала, однако, это была организация, где господствовали Афины, – скорее ОЭД (Организация Эгейского договора) или ДПД (Делосский пакт держав)⁴⁸, нежели равноправный альянс. Большинство из 200 его членов были маленькими и незначительными, целиком зависевшими от мощи и доброй воли Афин, и преимущественно готовы были платить требуемые взносы или предоставлять людей до тех пор, пока Афины не начинали злоупотреблять своим господствующим положением. Во времена наивысшего расцвета в конце V в. до н.э.⁴⁹ Афины ежегодно получали из внутренних и внешних источников доходы в размере примерно 1000 талантов, чего не достигало ни одно из греческих государств вплоть до царствования Филиппа Македонского.

Однако уже через несколько лет некоторые из наиболее сильных членов союза, такие как островное государство Наксос, решили, что Афины действительно злоупотребляют своим положением, и пожелали выйти из союза. Это привело лишь к тому, что их принудили вернуться в его ряды, ухудшив их положение и заставив внести компенсацию. С тех времен по сию пору не утихают дискуссии по поводу «народного» характера Афинской империи, как это обычно формулируют – могла ли империя быть в каком-то смысле по-настоящему демократической; или, наоборот, могла ли демократия разумно управлять империей?

Не успели Афины объявить врагом союза Персию, как тотчас столкнулись с оппозицией – поначалу тайной и косвенной – со стороны руководителей другого греческого военного союза, в состав которого входило немало полисов, а именно спартанцев, возглавлявших Пелопоннесский союз (его современное название) – единственный обладавший хоть каким-то влиянием в Греции. Разного рода трения между двумя греческими «сверхдержавами», все усиливаясь, переросли в «холодную» войну, а в 465 г. до н.э. из Афинского морского союза попыталось выйти богатое и важное в стратегическом отношении островное государство Фасос. Кимон, сын Мильтиада, героя Марафона, взялся за подавление восстания – именно ему Афины были прежде всего обязаны своей морской мощью, о которой он заботился почти с самого начала существования союза. Сам Кимон

⁴⁷ Первоначально это мыслилось не как дань, а как взносы для финансирования войны с персами. – *Примеч. пер.*

⁴⁸ *Delos Pact Powers* – явный намек на Тройственный пакт 1940 г. (*Three-Power Pact*). Параллель неудачная, поскольку зависимое положение в нем занимала лишь Италия (однако эта зависимость была мало похожа на ту, в какой находились союзники Афин, – то же можно сказать и о членах Организации стран Варшавского договора, на которую также намекает автор), но никак не Япония. – *Примеч. пер.*

⁴⁹ Считать конец V в. до н.э. временем наивысшего расцвета Афин по меньшей мере странно, учитывая неудачный ход Пелопоннесской войны; акме Афин приходится на вторую треть того же столетия. – *Примеч. пер.*

предпочитал идею «двойной гегемонии» Афин и Спарты и, чтобы подчеркнуть это, дал одному из своих сыновей «программное» имя «Лакедемон». Но хотя «холодная» война между обоими блоками не переросла в «горячую» или по крайней мере в «теплую», до нее оставался один шаг. В 460 г. до н.э. вспыхнул конфликт, захвативший преимущественно районы Центральной Греции, который обычно (что звучит странно и не соответствует хронологии) называют Первой Пелопоннесской войной – первой по сравнению с «большой» афино-спартанской Пелопоннесской войной, происшедшей в 431–404 гг. до н.э.

Трудно сказать, кто победил в этой Первой Пелопоннесской войне. Мирное соглашение, завершившее ее, предполагало взаимное признание Афинами и Спартой сфер влияния друг друга. Куда более сильное впечатление оставляют два других, более тесно связанных феномена – опишем их не в греческих, но в западных терминах, – почти глобально-исторических: что происходило в Афинах за пределами многочисленных полей сражений в десятилетия между 460 г. до н.э. и началом Пелопоннесской войны, о которой только упоминалось, с точки зрения общественного строительства и усиления демократии. В архитектурном отношении афинская агора превратилась в настоящий центр гражданской жизни города, а Пирей, в свою очередь, стал городом-портом Афин. Как и прежде, акрополь возвышался над агорой, но примерно с 450 г. до н.э., благодаря щедрому финансированию за счет государственной казны, которого добился Перикл, началась реализация грандиозной строительной программы, в результате которой над городом вознесся Парфенон (построен в 447–432 гг. до н.э.) со стоявшей в нем огромной статуей Афины и общим скульптурным оформлением, автором которого стал Фидий, позднее появился Эрехтейон – эти два храма были посвящены различным ипостасям покровительницы города Афины.

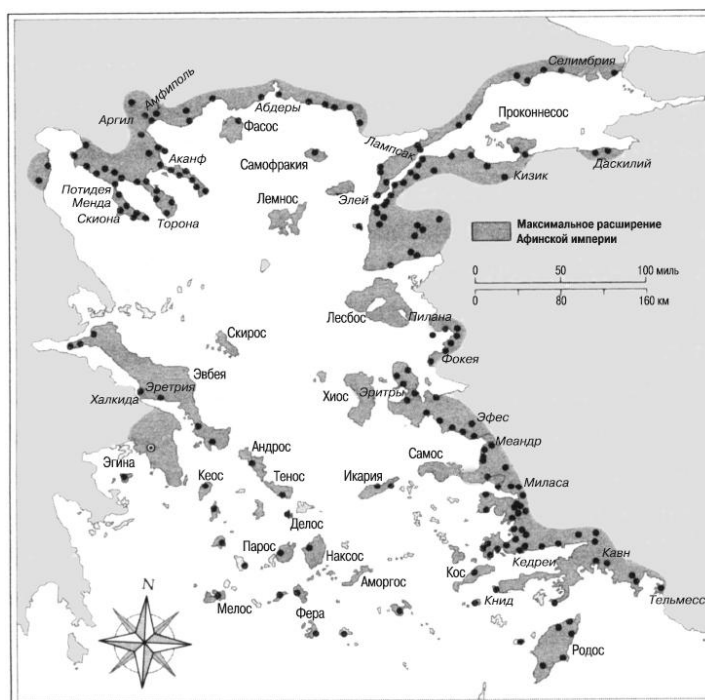
Этот в высшей степени процветавший и могущественный имперский город привлекал великое множество людей из других мест, греков и негреков, оседлых и вечно путешествовавших. В их число входили владельцы основанных на рабском труде оружейных мастерских, такие как Кефал из Сиракуз; философы, известные под именем софистов (дословно – «учителя искусств или мудрости»), такие как Протагор из Абдер или Горгий из Леонтин на Сицилии; а также ремесленники, банкиры, купцы и (в огромном количестве и по большей части вопреки своей воле) рабы. Но и из среды афинских граждан вышла блистательная плеяда драматургов – Эсхил, Софокл, Еврипид, Аристофан, историков – таких, как Фукидид, мастеров и архитекторов – таких, как Фидий, Иктин, Калликрат. Но не одни только Афины внесли вклад в великие свершения этого титанического века культуры: Гиппократ с острова Кос в Восточной Эгеиде, «отец западной медицины», и Поликлит из Аргоса, изваявший статую обнаженного мужчины под названием «Канон» («совершенный образец») из-за ее идеальных пропорций и мастерского исполнения, – только два из множества громких имен этого времени.

Счастьем было жить в ту эпоху, особенно для простых, достаточно небогатых членов афинского гражданского коллектива, чья роль в военном деле возросла, поскольку они, будучи гребцами, приводили в движение военный флот. Наградой за это стало значительное укрепление демократической системы, в том числе общественные политические выплаты за исполнение обязанностей в народных судах. Реформы Эфиальта, поддержанные молодым Периклом, оказали немалое влияние на дальнейшее развитие демократии на полстолетия вперед. Редко когда настолько усиливал свои позиции народ – простые граждане, а именно взрослые мужчины, поскольку афиняне ревниво оберегали свои преимущества и привилегии, и когда общее число граждан достигло 50 тысяч человек (население в целом составляло 200–300 тысяч, тогда как в обычном полисе

проживало несколько сотен или тысяч человек), они быстро наложили жесткие ограничения на получение гражданства посредством законов о браке. Самый важный из них, который предложил в 451 г. до н.э. не кто иной, как Перикл, предписывал, что для того, чтобы быть гражданином, требовалось быть сыном двух афинских граждан, состоявших в законном браке.

Одной из причин появления подобных законов являлось исключительно большое число метеков, или постоянно проживавших в городе иноземцев, которых привлекали в Афины экономические выгоды. Чужаки со всех концов греческого мира и даже из-за его пределов – например, из финикийского Кития, города на Кипре. Присутствие метеков засвидетельствовано приблизительно в семидесяти греческих городах, но, несомненно, наибольший контингент – максимум 10 000 человек – проживал в Афинах, несмотря на тот факт, что лицам обоего пола приходилось ежемесячно выплачивать подушный налог, а на взрослых мужчин распространялась воинская повинность, не говоря уже о том, что от них требовали зарегистрироваться в том или ином деле при участии гражданина-поручителя. Некоторые афинские метеки были, несомненно, весьма состоятельными и культурными людьми или какими-либо иными способами привлекали к себе внимание афинских граждан, так что те хотели свести с ними близкое знакомство: достаточно вспомнить Аспасию из Милета, спутницу жизни Перикла (см. четвертую главу), или упоминавшегося выше Кефала из Сиракуз, приглашенного в Афины, как утверждали, самим Периклом, и его дом в Пирее Платон избрал в качестве места для дискуссий о политической теории в трактате «Государство». Если говорить о принятии закона о гражданстве в 451 г. до н.э., то личные связи Перикла представляют здесь несомненный интерес: ясно, что эта реформа была популярной мерой в обоих смыслах. Однако даже несмотря на это, рост рождаемости, как полагают некоторые современные историки, привел к тому, что численность населения (речь о взрослых мужчинах) дошла в 430-х гг. до н.э. до 60 тысяч человек, и это обусловило необходимость значительного оттока граждан в уже существовавшие и новые поселения в пределах империи, а также серьезное увеличение импорта продовольствия, особенно пшеницы, с территории современных Украины и Крыма.

Зная, как все потом произошло, легко говорить, что Афины действовали безрассудно. Именно так рассматривали в древности некоторые греки безумный путь афинян от *hybris* (самонадеянная гордыня и неуважение к достоинству других греческих полисов) к *nemesis* (справедливое воздаяние – вероятно, божественное) через ужасы Пелопоннесской войны, «мировая война» против другой греческой сверхдержавы – Спарты, которую последняя выиграла благодаря мощной финансовой поддержке со стороны Персии. Однако, несмотря на опустошительную эпидемию чумы, которая обрушилась на Афины в 430 г. до н.э. (массовые захоронения были обнаружены недавно во время строительства афинского метро), борьба в течение первого, десятилетнего этапа войны шла на равных, и условия мирного договора 421 г. до н.э., за которым вскоре последовало сепаратное соглашение между Афинами и Спартой, только подтвердили это.

Карта №4 . Афинская империя

Событием, изменившим соотношение сил, как это великолепно показывает Фукидид в своей «Истории» (к сожалению, обрывающейся на полуслове), стала Сицилийская экспедиция 415–413 гг. до н.э., закончившаяся для афинян катастрофой (она была предпринята предположительно в то время, когда сохранялся их мир со Спартой). Главной целью экспедиции являлись Сиракузы, о которых пойдет речь в следующей главе. Несмотря на неудачу, Афины в рекордно короткие сроки оправились от тех несчастий, каковые сами навлекли на себя, так что Спарта дважды предлагала им мир, однако на таких условиях, которые Афины предпочли отвергнуть.

В конце этого этапа войны (413–404 гг. до н.э.) борьба велась преимущественно на двух театрах. Первым была сама Аттика, то есть собственно афинская территория, где спартанский царь Агис II в 413 г. до н.э. захватил городок Декелею и оставался там в течение следующих восьми лет, в пределах видимости городских стен Афин. Помимо тяжелого впечатления, которое производило это, захват Декелеи был опасен и по трем другим причинам: он препятствовал афинянам, жившим поблизости с полями, которые они обрабатывали и с которых снимали урожай; он отпугивал этих и других потенциальных инвесторов от участия в разработке лаврийских рудников; и, наконец, пребывание спартанцев в Декелее побудило к бегству более 20 тысяч рабов, большинство которых были заняты в ремесленном производстве, горнорудном деле или сельском хозяйстве. Многие из них бежали в Декелею к Агису, где, к несчастью, не добились освобождения, а были проданы спартанцами в качестве законной «военной добычи» новым беотийским и особенно фиванским хозяевам.

Другой важнейший театр боевых действий находился в Восточной Эгеиде и у проливов, ведущих в Черное море (см. карту №4). Эти операции часто называют Ионийской войной, поскольку анатолийская Иония, в том числе и Милет, играла большую роль в этих событиях. Важнейшим их участником с обеих сторон были спартанский флотоводец Лисандр и афинянин Алкивиад (Плутарх написал биографии обоих). Алкивиад происходил из афинской аристократической фамилии, которая поддерживала связи со Спартой, и, похоже, никогда не имел твердых политических

убеждений, но скорее руководствовался своими харизматическими амбициями и желанием постоянно рекламировать себя. Он больше всех сделал для того, чтобы убедить афинян предпринять Сицилийскую экспедицию; он также подорвал шансы на ее успешное завершение, когда враги из числа демократов обвинили его в нечестии и он предпочел изменить родине в пользу... Спарты, нежели предстать перед афинским судом. Именно он посоветовал спартамцам оккупировать Декелею. Эта оккупация в сочетании с надеждами на финансовую поддержку со стороны Персии (Алкивиад – как оказалось, безосновательно – уверял, что Афины получают ее, если откажутся от демократического правления) привела к перевороту, в результате которого в 411 г. до н.э. к власти пришла олигархия. За этим событием, сопровождавшимся проявлениями варварской жестокости, очевидно, стоял Антифонт – законник, сочинитель речей, философ. Хотя на смену «правлению четырехсот» быстро пришла более умеренная форма олигархии, он подорвал моральные устои афинского общества и принес ущерб, долго еще дававший о себе знать. Наиболее заметно последний проявился в необъяснимом решении народного собрания предать смерти всех полководцев, участвовавших в битве при Аргинусских островах – а ведь это сражение завершилось победой!

Лисандр был ничуть не менее тщеславен, чем Алкивиад, и по-своему столь же чужд условностей. Благодаря его личным контактам с молодым персидским царевичем Киrom Спарта в 407 г. до н.э., а затем в 405 г. до н.э. получила крупную финансовую помощь, необходимую для постройки флота, который смог бы бросить вызов Афинам и в конце концов сокрушить их, нанеся им удар в тыл. Конец наступил при Эгоспотамах («Козья речка»), у берегов Геллеспонта, где Лисандр заманил в ловушку, сокрушил и уничтожил большой, но к тому времени утративший боеспособность афинский флот. Затем он блокировал Афины и Пирей, и в результате в 404 г. до н.э. измученные голодом Афины вынуждены были признать свое полное поражение и сдаться Спарте на позорных для них условиях.

Афины так и не добились возвращения прежней славы после 404 г. до н.э. в полной мере. Тогда, после голодной зимы и полной капитуляции, они пережили кровопролитную гражданскую войну: к власти пришла хунта, состоявшая всего из тридцати олигархов-экстремистов во главе с Критием, получившая название Тридцати тиранов. И хотя уже в 403 г. до н.э. прежний строй был восстановлен, многие ощущали, что демократическая мораль Афин понесла невосполнимый ущерб: на нее легло несмываемым пятном осуждение и казнь Сократа в 399 г. до н.э. Его преследовали и осудили по двойному обвинению – в отсутствии должного почитания афинских божеств (и изобретении новых, его собственных, которые полис не признавал и так никогда и не признал) и разращении молодежи. Последнее подразумевало, что он был наставником Алкивиада и Крития, предавших демократию. Претензии были справедливы лишь отчасти, однако обвинению удалось убедить большинство судей (всего их насчитывалось 501) признать Сократа виновным и, более того, приговорить его к смерти (ему предстояло выпить цикуту). Сократ умер как философ – по крайней мере если судить по рассказу самого знаменитого его ученика, Платона (родственника Крития)⁵⁰.

И все же эпохе, когда длительное время соблюдались умеренно-демократические принципы, породившей Платона (ум. 347 г. до н.э.), скульптора Праксителя, оратора Демосфена (ум. 322 г. до н.э.), законодателя Ликурга и комедиографа Менандра, а также давшей приют Аристотелю (ум. 322 г. до н.э.) и место его Ликею – учебному заведению высочайшего уровня, – этой эпохе нечего

⁵⁰ Имеется в виду диалог Платона «Федон», где перед смертью Сократ ведет с учениками беседу о бессмертии души (содержание ее более соответствует воззрениям самого Платона, к тому же при кончине учителя не присутствовавшего). – *Примеч. пер.*

стыдиться. Действительно, Афины в дальнейшем отчасти вернули себе прежнюю имперскую власть, основав в 378 г. до н.э. Второй Афинский союз. Их прежний враг и союзник Спарты, Фивы явились на тот момент его соучредителем. Более того, не прошло и десяти лет, как Спарта утратила свою мощь. Но, к несчастью для Афин, с Фивами подобного не произошло, и в результате в 360 г. до н.э. Афины – кто бы мог подумать! – объединились со Спартой против Фив.

Роковой – и предсказуемый – исход отношений в этом треугольнике, где все враждовали друг с другом, мы рассмотрим далее, в главе, посвященной Фивам. Но, чтобы закончить эту главу на более радостной ноте, стоит заметить: благодаря демократическому наследию Афин, гениальности афинских деятелей искусства и прежде всего свободной философской мысли этот город стал символом классической Греции в ее лучшие времена. И именно поэтому в 1830-е гг., хотя к тому времени Афины превратились в обычную деревню, их избрали столицей нового государства – освобожденной Эллады.

Глава 8 Сиракузы

...у блаженного очага Гиерона –
Гиерона, который владеет
Скиптром правосудия в стадообильной
Сицилии.

Пиндар. Олимпийские песни⁵¹

Выдающийся исследователь Мозес Финли (ум. 1986 г.) преподавал античную историю в Кембридже в 1970-1979 гг. Знаменитостью он стал еще в детстве: степень бакалавра гуманитарных наук получил в возрасте 15 лет в Сиракузском университете штата Нью-Йорк. Эти новые Сиракузы – лишь один пример из нескольких сотен: множество американских городов и деревень названы в честь знаменитых древних поселений (неподалеку от Сиракуз находится Рим!). Однако два самых известных среди них имеют греческие наименования: это Афины, крупный город в штате Джорджия, и Спарта в штате Теннесси, где снимали знаменитый фильм о расизме в период отсутствия развитого гражданского права с участием Рода Стайгера и Сидни Пуатье – «Полуночная жара». Сиракузы расположены между Грецией и Римом, поэтому их можно считать и греческим, и римским городом.

Как мы уже упоминали в шестой главе, сложилось так, что западные греческие колонии стали восприниматься как «золотой» Запад – с его необъятными просторами, плодородными землями, процветанием населения – в сравнении со стесненными условиями и минимальными возможностями, привычными для среднего фермера и его семьи в «старом свете», то есть в самой Греции. Колонии превосходили метрополию не только в отношении материальных условий: их населению приписывалось телесное превосходство. К примеру, «красивейшим» мужчиной в Греции того времени, когда спартанский царевич Дорией предпринял неудачную попытку основать новую колонию в Сицилии (иными словами, речь идет примерно о 515 г. до н.э.), был Филипп Кротонский;

⁵¹ I, 11-13. Пер. М. Л. Гаспарова. – Примеч. пер.

жители Кротона, города на самом «носке» Апеннинского полуострова, вскоре полностью разрушили знаменитый Сибарис, славившийся своей роскошью (от этого названия пошли наши слова «сибарит» и «сибаритствовать»). Но – в наше время это может показаться иронией судьбы, учитывая позднейшие беспорядки, связанные с деятельностью мафии, и крайнюю бедность населения, за которую она также несет ответственность, – местом, куда направлялись эмигранты из Западной Греции с конца VIII в. до н. э. и далее, стал остров Сицилия. И общепринятым считалось, что изо всех многочисленных новых греческих городов наиболее удачный выбор – это Сиракузы.

Этиологический миф гласит, что скверный старик Алфей, бог реки (все реки в Древней Греции персонифицировались в виде божеств мужского пола), влюбился в прекрасную нимфу Аретусу. Не отвечая ему взаимностью, она вырвалась из его объятий и бежала на запад, пока не окончила свой путь в Сиракузах, превратившись в чистый источник. Этот миф был рационализирован на том основании, что струи чистой пресной воды текли на всем пути от Западного Пелопоннеса до берегов Сицилии. Единственный важный достоверный факт во всей этой мешанине состоит в том, что источник чистой воды действительно бил в Сиракузах, а точнее говоря, на небольшом прибрежном острове Ортигия («Перепелиный остров»). И этот несомненный – пусть и не до конца – исторический факт, который миф должен был «объяснить», состоял в следующем: первые обитатели Сиракуз жили на Ортигии именно по той причине, что там находился источник, каковой они называли Аретусой (этимологически может истолковываться как «быстротекущий»). В традиционных греческих хронографах датой основания Сиракуз указывался 733 г. до н.э., и эта дата достаточно надежно подтверждается данными археологии, насколько это в ее возможностях, – раскопки выявили следы того, что, вероятно, являлось фундаментами домов первых поселенцев на Ортигии.

Основатели города прибыли из Греции, действительно с Пелопоннесского полуострова, но не из тех мест, где берет свое начало Алфей (то есть из Аркадии), и не оттуда, где он впадает в море (область, где Элида позднее станет главным городом). Они прибыли из Коринфа или, если говорить точнее, из Тенеи, деревушки на коринфской хоре. Потомки тех, кто перебрался в новые края, всегда помнили, из какой именно части «старого света» происходили их предки. Коринф был «большим городом», Теня же была слишком небольшим поселением, чтобы называть ее *polis*, и даже сохранился анекдот (в целом правдоподобный, но явно приукрашивающий действительность), отражающий истинные причины этого эпизода колонизации Западного Средиземноморья. Плывая на корабле, один из первых переселенцев был настолько голоден, что обменял свою блистательную будущность (в виде большого плодородного надела, предназначенного для занятий сельским хозяйством и находившегося в зерновом поясе на востоке Сицилии) на медовую лепешку, чтобы немедленно утолить свой голод. Можно надеяться, что она оказалась достаточно большой и он удовлетворился ею. Иными словами, причиной основания Сиракуз стала бедность, царившая на родине их первопоселенцев, в Коринфии, территория которой составляла всего лишь порядка 90 квадратных километров. Однако дело было не только в бедности, тем более что ее породили скорее успехи, нежели обычные экономические трудности.

В 730-х гг. до н.э. правящая группировка в новом полисе, Коринфе, состояла из одной аристократической фамилии – Бакхиадов, которая называлась так по имени ее предполагаемого прародителя Бакхида. Сами они обладали огромными богатствами, в основном состоявшими из земель, отведенных под сельское хозяйство, однако широко использовали в своих интересах транзитную торговлю, которая шла через один или другой коринфский порт по обе стороны Истма,

отделяющего Пелопоннес от Балканской Греции: Лехей на берегу Коринфского залива, обращенного на запад, и Кенхрей на берегу Саронического залива, обращенного на восток. Вполне возможно, что будущие основатели Сиракуз отплыли из Лехея, как и торговцы из Эгеиды, стремившиеся к рынкам на Западе, – они хотели избежать чреватых кораблекрушениями штормов у мыса Малея (оконечность самого восточного из трех южных «зубцов» Пелопоннеса).

Коринф в целом у Гомера охарактеризован формульным эпитетом «богатый», однако во времена правления Бакхиадов огромное и все возрастающее богатство города было сосредоточено в руках очень немногих людей. В то время как население росло здесь, как и повсюду в Балканской Греции во второй половине VIII в. до н.э., большинство местных жителей, имевших или обрабатывавших очень небольшие наделы земли, находились в отчаянном положении. Ситуация усугублялась греческой практикой деления наследства, то есть равными долями между всеми законными сыновьями (за дочерями, если не считать Спарты, обычно давали приданое, причем не в виде земельного участка). Так, в семье, где было двое или более сыновей, несоответствие потребностей и возможностей могло разрешаться через совет одному или нескольким молодым людям начать новую жизнь с нуля на колонизируемом Западе, в Великой Греции (Южная Италия) или на Сицилии. И если они не отправлялись туда добровольно, их могли просто заставить сделать это по повелению богов или людей – под людями, если говорить о Коринфе, подразумевалась династия Бакхиадов. Возможно, Архий, назначенный руководителем Сиракуз и после смерти почитавшийся как герой – честь, полагавшаяся ойкисту, – был из их числа.

Наиболее известный пример основания колонии, освященного волей богов, произошел примерно столетие спустя после возникновения Сиракуз. Остров Фера (ныне Санторин), как рассказывают, пережил семь лет страшной засухи – число слишком уж символическое, но даже два года засухи могли иметь тяжелые последствия. Аполлон Дельфийский, чей авторитет в таких вопросах был непререкаем, повелел ферянину по имени Батт (или Аристотель) вывести колонию в Кирене в Северной Африке (нынешняя Ливия). Однако сами феряне совершенно не имели желания отправляться туда – они не согласились даже тогда, когда Аполлон передал им через пифию, что он знает это место, поскольку был там лично! Для начала они поселились на прибрежном островке, а затем попытались вернуться домой, когда позволила погода. Оставшиеся дома феряне заняли решительную позицию и прогнали непокорных прочь, напомнив, что те принесли священный обет никогда не возвращаться на Феру и что первые колонисты избирались самым беспристрастным, освященным богами способом – жребием. И вступив наконец с трепетом на африканскую землю и встретив, паче чаяния, теплый прием со стороны местных жителей, которые указали им лучшее место для поселения, поселенцы, будущие киреняне, со временем добились невиданного благосостояния. Оно основывалось на сочетании традиционного для Средиземноморья сельского хозяйства, овцеводства и коневодства, экспорта шерсти и коней, а также лекарственного растения под названием сильфий⁵², ныне не существующего. В VI в. до н.э. город пережил жестокую смуту, но тем не менее продолжал процветать, и в V в. до н.э. прославленные поэты Пиндар и Вакхилид перечисляли среди своих заказчиков богатых киренян – победителей на панэллинских играх.

Пожалуй, Сиракузы оказались более удачливыми, чем Кирена. Они разрослись и стали самым крупным, богатым и могущественным из всех греческих городов на Сицилии, подчинив себе вторую по величине территорию во всем греческом мире (примерно 4000 квадратных километров, больше имела только Спарта) и используя принудительный труд большого числа местных жителей

⁵² Сильфий использовался также как приправа. – *Примеч. пер.*

– сикулов, которых они, подобно спартамцам, низвели до уровня крепостных и называли киллириями. Именно сикулы дали имя всему острову⁵³, однако они являлись лишь одной из четырех племенных групп, населявших остров до того, как там появились первые постоянные греческие поселенцы (ими были эвбейцы из Наксоса – не путать с одноименным островом в Эгейском море; другие эвбейцы из Халкиды и Эретрии уже основали Питекуссы и Кумы в Неаполитанском заливе). Помимо сикулов, в центре Сицилии жили сиканы, а на юго-западе – элимы, в области, где важнейшим греческим городом стал Селинунт.

И наконец, во многом параллельно с греческими пришельцами здесь обосновались финикийцы с далекого Запада, которые, подобно их соотечественникам, основавшим Карфаген (на территории современного Туниса), поселились на Сардинии и на востоке Испании, прежде чем греки проникли столь далеко, на Сицилии же они основали, например, Панорм (ныне Палермо) и Мотию (Моция). В ключевые периоды истории Сицилии эпохи классики произошло немало битв между финикийскими и греческими поселенцами – первые иногда пользовались содействием Карфагена, присылавшего им на помощь значительные силы, а также от метрополии Карфагена – Тира и других городов их ливанской родины⁵⁴; греки же располагали только сравнительно небольшими отрядами наемных воинов. Так или иначе, эти сражения решили судьбу острова. Одно из них произошло около Гимеры на северо-западе Сицилии в 480 г. до н.э., как уверяют, в тот самый августовский день, что и битва при Саламине.

Не исключено, что существовала какая-то координация действий между финикийцами, которые являлись подданными империи Ксеркса и опорой его средиземноморского флота, и персами, когда они выбирали время для нашествия на Элладу. Во всяком случае, из числа греков-«патриотов» Сицилии появилась личность, высоко метившая и, надо полагать, весьма могущественная. Она заявила о себе весной 480 г. до н.э. на не слишком представительном совещании балканских греков на Коринфском перешейке, где те размышляли о мерах по предотвращению угрожавшего им с севера персидского нашествия. Этот человек предложил оказать поддержку⁵⁵, приведя значительные воинские силы под собственным руководством, но при одном условии, а именно что ему вручат верховное командование над всеми силами греческого сопротивления. Это предложение или, скорее, условие отвергли как оскорбительное – прежде всего были недовольны спартамцы, которым выпал жребий возглавить «греков», как готовые сражаться с персами не мудрствуя лукаво называли себя. Гелон – таково было имя этого человека – возвратился в свою сицилийскую державу и подготовился к приходу карфагенян⁵⁶, которых встретил во всеоружии и которым нанес полное поражение.

Имя Гелона происходит от названия его родного полиса – греческого города Гелы, основанного переселенцами с Крита и Родоса, согласно традиции, в 688 г. до н.э. Однако позднее Гелон стал сиракузянином, потому что только Сиракузы могли быть крепкой опорой на пути к могуществу для человека с такими амбициями. И истинный характер его правления – да и не его одного – подводит нас к вопросу о том, как республиканский полис, известный в Балканской Греции и в Эгеиде, глубоко пустил корни на сицилийской земле. Например, в течение нескольких поколений после основания Селинунта на западе Сицилии городом управляли тираны – не избиравшиеся и не

⁵³ Греки называли сикулов сикелами (*siculi* – латинская форма), а Сицилию – Сикелией. – *Примеч. пер.*

⁵⁴ В действительности финикийские города Сицилии входили в состав карфагенской державы, и война велась непосредственно с Карфагеном, а не с этими городами, как представляет дело автор. – *Примеч. пер.*

⁵⁵ Очередная ошибка автора: согласно Геродоту, не Гелон отправил своих послов в Элладу, а эллинские послы прибыли к нему с просьбой о помощи (см.: Геродот. История. VII. 153, 157–163). – *Примеч. пер.*

⁵⁶ По-видимому, не распри из-за верховного командования, а именно карфагенская угроза помешала Гелону отправить войска на помощь балканским грекам – такую версию среди прочих приводит Геродот (VII. 165), и она куда больше соответствует общей обстановке 480 г. до н.э. – *Примеч. пер.*

ответственные ни перед кем-либо правители-аристократы, которые оставили зримое напоминание о себе в виде знаменитого храма «С», построенного примерно в 560 г. до н.э. и сохранившегося до нашего времени. Так же и Гелон, подобно его патрону Гиппократу до него, был тираном сначала Гелы (после смерти Гиппократа в 491 г. до н.э.), а затем и Сиракуз, куда он переселил половину жителей Гелы, а своего брата Гиерона сделал тираном Гелы. Чтобы распространить свое влияние на восток и юг Сицилии, он женился на дочери Ферона, тирана Акраганта, заключил союз с Леонтинами и увеличил принадлежавшую Сиракузам территорию как военным, так и мирным путем. Вероятно, страх сицилийских финикийцев перед тем, что он сможет распространить свою власть на северные и западные области острова, стал причиной вторжения, которое закончилось для них сокрушительным разгромом при Гимере.

Греки любили помещать символы или знаки собственной полисной идентичности на официальных монетах. Например, государственным символом и нумизматическим знаком Гимеры был петух – поскольку «Гимера» звучит примерно так же, как греческое слово «день». И мы можем не сомневаться, что жители этого города долго и громко выражали радость по поводу победы над разгромленными в 480 г. до н.э. врагами. Однако монеты Гимеры проигрывают в сравнении с монетами Сиракуз в весе (а тем самым в стоимости) и качестве чеканки, что не является неожиданностью. Желая показать себя во всем блеске, этот город выпустил серии серебряных декадрахм (монеты в десять драхм), в то время как даже одной драхмы хватало для обеспечения семьи из четырех человек в течение нескольких дней. На аверсе видно традиционное для Сиракуз изображение головы нимфы Аретусы, окруженной прыгающими дельфинами. Производящие наибольшее впечатление датируются приблизительно 470 г. до н.э. К этому времени Гелон скончался (в 478 г. до н.э.), и его младший брат Гиерон взял власть в Сиракузах (мы не используем слово «наследовал», поскольку оно создало бы у читателя неверное представление).

Подобно старшему брату, Гиерон укрепил свою власть с помощью династического брака, но честолюбивый властитель Сиракуз помышлял не только о Сицилии, но и о Южной Италии, поскольку женился на дочери еще одного тирана – правителя Регия⁵⁷, расположенного прямо за Мессинским проливом. Этот человек утверждал, что состоит в родстве с пелопоннесскими мессенцами, изнывавшими под железной пятой спартанцев на положении илотов. Действительно, в 474 г. до н.э. Гиерон сошелся с этрусками в морском сражении при Кумах и одержал над ними победу. В знак своей причастности к эллинству он посвятил военный трофей, захваченный им этрусский бронзовый шлем, Зевсу Олимпийскому, повторив тем самым жест победителя при Марафоне Мильтиада, оставившего там собственный шлем с соответствующей надписью. Его брат Полизел (Полизал), тиран Гелы, примерно в это же время сделал посвятельный дар Аполлону Дельфийскому – величественную бронзовую скульптурную группу в благодарность за победу в весьма престижных и пышно обставленных состязаниях четвероконных колесниц на Пифийских играх (478-й или 474 г. до н.э.).

Гиерон, подобно Гелону, во время своего двенадцатилетнего правления (478–466 гг. до н.э.) проводил различную политику в отношении окрестных греческих городов. Он разрушил Наксос, старейший греческий город на Сицилии, а также Катану; их жителей он переселил в Леонтины. Уничтожив сначала Катану, Гиерон, однако, то ли делая вид, будто возвращает прежнее положение, то ли желая, чтобы после смерти его почитали как героя, восстановил ее в 474 г. до н.э. под новым названием Этны по имени вулкана, чье сильное извержение произошло годом ранее. Он уговорил

⁵⁷ Это был Анаксилей, один из крупнейших западноритиземноморских властителей того времени. – *Примеч. пер.*

Пиндара написать торжественную оду и, что более неожиданно, заказал новую пьесу – это были «Этнеянки» Эсхила. Однако куда более, чем это, впечатляет уникальная серебряная тетрадрахма (монета достоинством в четыре драхмы), которую Гиерон приказал отчеканить около 470 г. до н.э. (ныне она хранится в Королевской библиотеке Бельгии, в Брюсселе. На аверсе мы видим надпись из восьми букв – «*Aitnaion*», то есть «[монета] граждан Этны», по обеим сторонам головы увенчанного плющом с густой бородой Силена (почтенного возраста сатир, наполовину человек, наполовину животное, воплощение страсти к вину и похоти), под которым удобно устроился внушительных размеров скарабей из тех краев). На реверсе – изображение Зевса Этнейского, восседающего во всем величии на украшенном искусной резьбой троне, покрытом шкурой пантеры. В правой руке он держит увитый виноградной лозой жезл, в левой сжимает свой знаменитый перун. Прямо перед ним растет дерево, вероятно, какой-то местный вид ели, на верхушке которой сидит орел – царь птиц небесных, который символизировал царя богов и людей. Гиерон, назвавший себя Гиероном Этнейским, отправил в Олимпию греческий шлем с надписью, предположительно из трофеев, добытых, однако, в результате победы над противниками из числа греков же. Это было посвящением другому Зевсу другой горы, куда более знаменитой, культ которой уже давно утвердился, – Зевсу Олимпийскому. Гиерон, судя по всему, считал, что статус панэллинской суперзвезды у него уже не отнять, однако его соперники в Акраганте и других городах Сицилии так не думали, и этот статус сохранялся только до его смерти в 466 г. до н.э. Ведь после его смерти произошли весьма существенные, даже, можно сказать, экстраординарные события – то, что Мозес Финли изящно назвал в своей истории древней Сицилии «демократической интерлюдией».

Трудно сказать, где именно на Сицилии зародилась демократия, если ее истоки вообще следует искать там. Поскольку демократия являлась собственно афинским изобретением, для Сиракуз она была, несомненно, импортным продуктом – и, весьма вероятно, афинским⁵⁸ (где Фемистокл, экспортировавший демократию в Аргос, проявлял не меньший интерес к Западу задолго до своей смерти в 460-х гг. до н.э.). Однако неожиданно быстро это, как казалось, чужеродное явление пришло на местной почве в институциональном и в культурном смыслах. Местная форма комической драмы, связанная с именем Эпихарма, процветала в Сиракузах точно так же, как и в Афинах, и именно двое сиракузян, Тисий и Корак, как считается, осуществили некоторую систематизацию правил публичного красноречия – типа коммуникации, игравшего фундаментальную роль в успешном функционировании прямой, face to face, демократии греческого образца. Возможно, не было простым совпадением то, что именно уроженец Сицилии, Горгий из Леонтин, в 427 г. до н.э. познакомил афинян с самыми пышными образцами риторики.

В середине V в. до н.э. по всей Сицилии наблюдаются признаки процветания – его неммым свидетельством является несметное множество огромных храмов в Акраганте, а также недавно обнаруженные остатки севшего на мель купеческого корабля, который вез в Гелу немалый груз – афинские и пелопоннесские амфоры, масляные лампы, плетеные корзины. Все это весьма впечатляет. В указанное время Сицилия производила максимально возможное на тот момент количество зерна. К примеру, Гела, где в 456 г. до н.э. скончался Эсхил, упоминается в трогательной эпитафии великого трагедиографа как «обильная зерном». Поэтому получилось так, что имперские демократические Афины, которым нужно было кормить постоянно растущее население и соответственно увеличивать импорт зерна, начали с интересом посматривать на запад – Южную Италию и Сицилию. Их привлекало как местное зерно, так и дерево, необходимое для строительства

⁵⁸ Причастность Афин к установлению демократических режимов на Сицилии из данных источников не следует и является не более чем неверифицируемой гипотезой. – *Примеч. пер.*

кораблей. Между афинянами и греками-«ионийцами» Регия и восточносицилийских Леонтин были заключены договоры, тексты которых уцелели на каменных стелах; что более любопытно, афиняне заключили соглашение с негреками – элимами Сегесты, располагавшейся в юго-западной части острова. Среди причин, ускоривших эскалацию конфликта между Афинами и Спартой (то есть Пелопоннесскую войну), который поначалу затронул лишь Балканскую Грецию и Эгеиду, Фукидид прежде всего упоминает спор, вспыхнувший между Коринфом и его колонией Керкирой из-за Эпидамна (нынешний Дураццо/Дуррес в Албании). В свое время Афины оказались вовлечены в этот конфликт на стороне Керкиры – прежде всего потому, что она лежала на оживленном западном торговом пути, но также потому, что она располагала вторым по численности флотом из триер⁵⁹; и лишь в последнюю очередь нужно упомянуть, что на Керкире была демократия.

В ходе первого, десятилетнего, этапа Пелопоннесской войны Афины сделали достаточно серьезную попытку надежно закрепиться на Сицилии, однако эта попытка вызвала столь жесткий отпор, что произошло, казалось бы, невысказанное – мы наблюдаем политическое единство сицилийских греков, которое они продемонстрировали на конгрессе в Геле, где задавал тон политик из демократических Сиракуз⁶⁰. Почти десять лет спустя, в период «притворного» мира со Спартой, Афины снова проявили интерес к Сицилии, особенно желая ослабить или даже уничтожить Сиракузы. Отчасти это обуславливалось стратегическими соображениями: получение доступа к сицилийским ресурсам могло сыграть решающую роль в случае возобновления конфликта со Спартой. Однако, помимо этого, обсуждались и сумасбродные планы распространения имперского господства на всю Сицилию, а возможно, даже и на Карфаген... Маленькое чудо, которое сатирически изображает Аристофан в виде воздушного замка в комедии «Облака» в 414 г. до н.э.

Фукидид повествует об этом в почти противоположном, трагическом тоне. Он подчеркивает, что афиняне высокомерно проигнорировали обстановку на Сицилии и не в последнюю очередь мощь самих Сиракуз, города, сравнимого по размерам, богатству и многочисленности населения с Афинами, причем в обоих полисах существовал демократический режим, так что сиракузское простонародье невозможно было привлечь на свою сторону обещанием принести ему демократическое освобождение от гнета олигархии или тирании. В течение восемнадцати месяцев все надежды афинян на успех рухнули, их военное предприятие потерпело крах в результате грандиозного морского сражения в сиракузской бухте. Из столь многих столь немногие возвратились в Афины, афористически замечает Фукидид. Немало афинян томилось и умерло в страшных сиракузских каменоломнях, поскольку несчастным пленникам не приходилось рассчитывать на какие-либо Женевские конвенции. Сохранилась история о том, что кое-кто из афинян счастливо обрел спасение потому, что мог процитировать по памяти новейшие стихи Еврипида обожавшим его трагедии победителям, но те, кто помнил только Аристофана, оказались, по-видимому, не столь удачливы.

В политическом отношении Сиракузы и Афины поначалу шли разными путями – в Сиракузах демократия стала более радикальной, Афины же дважды оказывались под властью режимов олигархической реакции, роковым образом связанных с окончательным поражением в войне со Спартой в 404 г. до н.э. Однако Афины не были единственным внешним врагом Сиракуз, с которым им пришлось иметь дело в последние десятилетия V в. до н.э. Отнюдь нет. В 409 г. до н.э. карфагеняне попытались взять реванш за свое поражение в 480 г. до н.э. В Афинах начиная с 413 г.

⁵⁹ В действительности третьим (после афинского и коринфского). – *Примеч. пер.*

⁶⁰ Речь идет о Гермократе, будущем герое обороны Сиракуз от афинян (см. ниже). – *Примеч. пер.*

до н.э. встал вопрос: может ли демократия сохранить империю и выиграть большую войну? В 404 г. до н.э. окончательный ответ оказался отрицательным. В Сиракузах, также в условиях военного поражения, понесенного от внешнего врага, крупное политическое поражение потерпели демократические силы, и в 405 г. до н.э. демократическая интерлюдия внезапно прервалась по причине усиления карфагенской угрозы.

Доказывали, что Сиракузы, да и вся греческая Сицилия, нуждались в сильном человеке, «генералиссимо», который смог бы свести воедино и создать годные для сопротивления врагу силы греков. В отличие от ситуации с сопротивлением персам в 480 г. до н.э. здесь не нашлось того, кто пропел бы «Боевой клич свободы»⁶¹. Нормой поведения был холодный расчет, и человеком, который стал в конце V в. до н.э. Джорджем Вашингтоном сицилийских греков, оказался Дионисий, вошедший в историю как Дионисий I, поскольку он сумел учредить нечто вроде наследственной монархии, основанной на праве рождения. Коротко говоря, Сиракузы и Сицилия вернулись к тирании, а тирания Дионисия продолжалась достаточно долго (405–367 гг. до н.э.) и оказалась достаточно результативной – он не только отразил нашествие карфагенян, но и создал подобие небольшой империи на адриатическом побережье Италии, и его режим стал своего рода архетипом тирании. Выделим такие его характеристики, как самовластие, основывавшееся на военной силе, которая состояла из личной охраны и наемников; многочисленные династические браки; перемещение населения; и, наконец, дарование гражданских прав чужеземцам. Существовала, однако, и обратная сторона – постоянный страх перед заговорами, имеющими целью убийство тирана. *Sic transit gloria democratica* ⁶².

После смерти Дионисия династия сиракузских тиранов просуществовала недолго. В середине столетия произошло возобновление демократического режима, в ходе которого совершилось насильственное перераспределение земли и недвижимого имущества в пользу бедняков. Но будущее греческого мира было не за республиканскими режимами, демократией и олигархией, – оно оказалось в руках отдельных политиков, «сильных личностей», получивших у греков наименование династов. После Дионисия Сиракузского мы слышим о династе Мавсоле (Мавзоле) из Карии, что на юго-востоке Азии (не будучи греком, он, однако, испытал сильное греческое влияние). Этот подданный Персии перенес столицу из внутренней области страны в греческий Галикарнас, на побережье, где и был похоронен в 353/2 г. до н.э. в гробнице, название которой произошло от его имени – Мавзоле. Задуманная его сестрой и супругой Артемисией, она была великолепно украшена; ее оформляли лучшие греческие скульпторы того времени, в том числе Скопас с Пароса – острова на Эгейском море, славившегося своим мрамором. Но даже эта пышность бледнеет, когда речь заходит о величайшем из династов, каких на тот момент видел греческий мир, – Филиппе Македонском, под властью которого к 330-м гг. до н.э. оказалась вся материковая Греция.

Чтобы закрепить и упрочить свою власть над ней, Филипп основал в 338–337 гг. до н.э. Коринфскую лигу (см. десятую главу). Вскоре после этого коринфский гражданин Тимолеонт был послан в «дочерний город» Коринфа – Сиракузы, дабы помочь справиться с воцарившимся там хаосом в политике и экономике. Случившееся является отличным напоминанием о том, что тесные сентиментальные узы, обычно связывавшие метрополию с «ее» колонией, могли вызвать к жизни ответные политические действия, причем весьма эффективные. И в самом деле, Тимолеонт добился

⁶¹ Песня времен Гражданской войны в США 1861–1865 гг. – *Примеч. пер.*

⁶² Так проходит слава демократии (*там*.; парфраз афоризма *sic transit gloria mundi* – «так проходит мирская слава»).

столь значительных успехов как в Сиракузах, так и повсюду на греческой территории Сицилии, что фактически стал вторым основателем этого города и был погребен там на агоре в середине 330-х гг. до н.э., как будто являлся им на самом деле.

Глава 9 Фивы

Срезана слава была у Спарты по замыслам нашим,
Снова вернулись к себе дети Мессены святой,
Град Мегалополя силой оружия фивян воздвигнут,
Равны свобода, права ныне в Элладе для всех.

Эпитафия Эпаминонда, d. 362, приведенная Павсанием в «Описании Эллады» (Пер. С. П. Кондратьева)

В результате трений между афинянами и спартанцами более всего выиграли Фивы – главный союзник Спарты в Греции. С историей этого города также связано множество мифов. Там родились бог Дионис и величайший герой, позднее сделавшийся божеством, – Геракл, а также царь Эдип (хотя поначалу он не знал этого, что имело для него роковые последствия). Фивы также избрал для себя в качестве места проживания Кадм из Финикии, который, как считали греки (допуская при этом хронологическую ошибку), привез из Тира искусство алфавитного письма; с неожиданной скромностью они именовали свой алфавит «финикийскими» или «кадмовыми» буквами. Если бы современные Фивы, скажем так, не плюхнулись всей своей тяжестью прямо на то место, где находилось одноименное доисторическое и античное поселение, мы знали бы неизмеримо больше, чем сейчас, о доисторическом городе, выстроенном на *Cadmea acropolis*, с его дворцом микенского времени. Этот дворец пользуется заслуженной известностью как место последней по времени находки значительного количества надписей, выполненных с использованием «линейного письма Б». Среди прочего в них встречается слово, напоминающее «Лакедемон» – название области в юго-восточном Пелопоннесе, где установила свое господство Спарта.

Фивы исторического периода также могли гордиться рядом крупных достижений в культуре, несмотря на то что высокомерные афиняне пренебрежительно называли фиванцев «свиньями из Беотии». Ведь в конце VI в. до н.э. Фивы дали Греции крупнейшего лирического поэта Пиндара (ок. 518–446 гг. до н.э.), не говоря уж о том, что Гесиод, расцвет таланта которого пришелся примерно на 700 г. до н.э., также происходил из Беотии, из поселения Аскра, находившегося в черте города Феспии. Более того, Фивы создали государство, основанное на федеральном принципе, и управляли им (принцип федерации представлял собой оригинальную альтернативу полисной системе, для которой характерна централизованная власть). В IV в. до н.э. в течение нескольких десятилетий Фивы являлись наиболее влиятельным городом во всей материковой Греции и местом вызревания политических перемен – тех, что совершились в годы правления македонских царей Филиппа II и его сына Александра Великого.

Своего рода федерация на территории Беотии просуществовала до последней четверти VI в. до н.э. Распространенный здесь тип монет, на аверсе которых изображался щит пехотинца,

свидетельствует о политическом единстве, поскольку монетное дело в Греции имело не только экономическое, но и (в не меньшей степени) политическое значение. Единство также нашло свое выражение и поддержку (как обычно бывало у греков) в форме широко распространенного религиозного культа: в Онхесте ежегодно проводились Панбеотии – общебеотийские празднества. Другое беотийское святилище, процветавшее в VI в. до н.э., носило название Птоиона и располагалось неподалеку от Фив; в нем поклонялись Аполлону. В качестве посвященных даров туда было передано не менее сотни мраморных статуй обнаженных юношей (курсов) размером в рост человека, что, безусловно, свидетельствует о богатстве и благочестии местного населения.

Однако дело объединения Беотии, не говоря уж об унификации, так и не было доведено до конца – а если сказать точнее, остановилось на полпути. Междоусобицы между беотийскими городами были столь сильны, что Перикл – вероятно, не беспристрастный свидетель – сравнивал беотийцев с высокими деревьями, чьи верхушки во время бури бились друг о друга и таким образом уничтожали самое себя. Внутри федерации шла постоянная борьба между двумя крупнейшими городами – Фивами и Орхоменом (еще одно поселение с богатым микенским прошлым), каждый из которых доминировал в окружавшей его области; ее кульминацией стало полное уничтожение Орхомена Фивами в 364 г. до н.э. Еще два беотийских города, Элевтеры и Платея, фактически «выбыли» из союза, то есть вступили в соглашение с Афинами – главным противником Фив – или даже вошли в состав подвластной Афинам территории. (Заметим, что расхожее выражение *аттический*, или *афинский* (то есть ужасный), *сосед* не было обязано своим появлением плохим отношениям между Фивами и Афинами. Тем не менее оно весьма подходит к данному случаю.) Однако в основном беотийские города были малы и, как правило, оказывались под властью более сильной политической единицы, располагавшейся поблизости, – что якобы шло всем на пользу.

Персидское вторжение в 480 г. до н.э. серьезно скомпрометировало Фивы в глазах эллинского мира – так было и в случае с Аргосом, хотя его репутация пострадала не столь сильно. Если этот город сохранял хрупкий нейтралитет, то в Фивах правящие круги открыто приняли сторону персов – вопиющий акт предательства («мидизм»), запомнившийся надолго. Даже через полтора столетия Александр Великий счел его благовидным предлогом, чтобы, в свою очередь, полностью разрушить Фивы (это произошло в 335 г. до н.э.). Новое поколение фиванцев пыталось объяснить случившееся тем, что в то время управление городом велось недолжным образом: оно попало в руки кучки олигархов, отличавшихся экстремистскими настроениями (это правление получило наименование *dynasteia*, или групповой тирании). Правда это или нет, здесь можно усмотреть свидетельство внимательного отношения греческой политической мысли к четким видовым и количественным определениям – хотя оно и не остановило Александра.

В 335 г. до н.э. завершился самый яркий период истории Фив, длившийся четыре десятилетия; как можно убедиться, своими истоками он уходит в середину V в. до н.э. Оправившись вначале от последствий унижающего мидизма 480 г. до н.э., а затем от унижения, вызванного событиями 457–447 гг. до н.э., когда город оккупировали Афины, фиванцы воссоздали общебеотийское федеральное государство на новых основаниях: их родной город, как стало ясно с самого начала, занял главенствующую позицию. Это государство процветало до 386 г. до н.э. Так случилось, что мы располагаем описанием этого весьма интересного федерального образования: оно сохранилось на папирусе из Оксириха в Фаюме (Египет). Его составил необыкновенно хорошо осведомленный анонимный историк; оно поражает тщательностью. Режим представлял собой олигархию, но умеренную: высшие должности в государстве и военная и политическая власть в целом находились

в руках верхних примерно 30 процентов или около того состоятельных граждан, способных приобрести все необходимое для службы в коннице или по крайней мере в качестве гоплитов. Торговцы и ремесленники не имели гражданских прав, поскольку, как считалось, души этих людей, как и руки, из-за их рода занятий не столь чисты, как у земледельцев. Сложная система местного представительства в верховном федеральном совете с самого начала обеспечила фиванцам непропорционально большую власть и влияние.

Фивы сумели еще более усилить свои позиции и воспользоваться теми преимуществами, которые они обеспечивали благодаря союзу со Спартой в годы Пелопоннесской войны. Их верность этому альянсу проявилась наиболее остро в 421 г. до н.э., когда два других союзника, Коринф и Элида, отступились от нее, однако позиция Фив оставалась неизменной – прежде всего потому, что видели в Спарте главную опору олигархии, а это в высшей степени соответствовало собственным интересам фиванцев. Более того, в 427 г. до н.э. Фивы достигли того, чего так долго добивались, при прямой и весьма солидной поддержке Спарты. Поскольку им не удалось убедить платейцев, которые в этническом отношении были беотийцами, отступить от союза с Афинами (заключенного еще в 519 г. до н.э. и сыгравшего важную роль во время битвы при Марафоне, когда оба полиса со славой сражались бок о бок против персов), они могли хотя бы разрушить их город. Через несколько лет после того, как это произошло, фиванцы значительно уменьшили независимость феспийцев, склонявшихся на сторону Афин, срыв стены их города. На последнем этапе Пелопоннесской войны (413–403 гг. до н.э.) именно фиванцы более других выиграли в экономическом отношении – они грабили поля и усадьбы афинских крестьян, пользуясь защитой спартанского отряда, расквартированного близ беотийской границы, а также скупали по дешевке тысячи рабов, бежавших из афинских серебряных рудников.

Однако нужно сказать, что в отношении групп населения, в чьих руках находилось политическое господство, всегда существовало противодействие (даже если оно не выливалось в открытые оппозиционные выступления). При Фермопилах в 480 г. до н.э. некоторое число фиванских добровольцев – патриотов всей Греции в целом – сражалось вместе с Леонидом. Во время афинской оккупации 457–447 гг. до н.э. в ряде городов (таких, как Феспии) имелись сильные проафинские демократически настроенные группировки. И в ходе Пелопоннесской войны, и после ее окончания даже в Фивах с их олигархическим режимом росло недовольство произволом Спарты – вплоть до того, что в 403 г. до н.э. город предложил убежище демократически настроенным изгнанникам, бежавшим от установленной и поддерживавшейся спартанцами хунты Тридцати тиранов, а в 395 г. до н.э. присоединился к антиспартанской четверке, куда входил разочаровавшийся в союзе с Лакедемоном, как и Фивы, Коринф, Аргос с его устойчивыми антиспартанскими настроениями и, естественно, Афины.

И все же спартанцы, опираясь на возобновившуюся финансовую помощь со стороны Персии, которая оказалась столь кстати и была с радостью принята, выиграли Коринфскую войну (395–386 гг. до н.э.) и воспользовались своей победой, причем весьма радикально – очевидно, здесь сыграла роль особая ненависть царя Агесилая II к Фивам. Беотийский союз был полностью уничтожен, его раздробили на отдельные города и даже деревни, из которых он прежде состоял. Чтобы гарантировать соблюдение нового, реакционного порядка, спартанцы разместили гарнизоны в ряде важнейших беотийских городов – в том числе, разумеется, и в Фивах (спартанские войска заняли Кадмею – фиванский акрополь), даже несмотря на то, что это вопиющим образом противоречило

условиям «царского мира» (см. словарь в конце книги)⁶³. Многие влиятельные фиванцы удалились в изгнание, главным образом в Афины; так афиняне оплатили за услугу, оказанную в 403 г. до н.э.

Затем, в 379–378 гг. до н.э. (здесь сыграла принципиальную роль поддержка Афин) группа этих фиванских изгнанников не только освободила Фивы из-под власти Спарты, но и тут же заложила основу совершенно нового политического режима, введя в городе демократическую конституцию, а затем восстановив Беотийскую федерацию с опорой на те же принципы умеренной демократии. На сей раз они шли в ногу со временем. Именно первая половина IV в. до н.э. была великой эпохой демократии во всем греческом мире, а не вторая половина V в. до н.э. – как можно было бы думать, – когда Афины и их империя занимали главенствующее положение. Дополнительное подтверждение распространения демократии в начале IV в. до н.э. обнаружилось в Аргосе, где несколько лет назад был найден тайник с более чем 130 бронзовыми табличками с надписями, которые содержат сведения о финансовом благополучии демократии, возобладовавшей тогда. Однако наиболее отвратительная вспышка гражданской войны в Аргосе в конце 370-х гг. до н.э., известная под колоритным именем скитализма, дословно «избиение палками» (в далеком от праздничного, зрелищного смысла – 1000–1500 олигархов были забиты дубинами до смерти), напоминает нам о напряженности и нестабильности политических режимов в этих «рассадниках», где все граждане знали друг друга лично и общались напрямую.

Инновации в Фивах никак не сводились к одной только политике. Беотийское военное дело также достигло высочайшего уровня, что объясняется как федеративным устройством государства, так и принципиально новой структурой войска. (Упомянем одну примечательную деталь – фиванский «священный отряд», элитный ударный отряд, состоявший из 150 пар любовников.) Все это свидетельствовало о решительном разрыве со Спартой – в том числе и «священный отряд», поскольку хотя гомосексуальные отношения между взрослым мужчиной и мальчиком-подростком являлись частью системы воспитания в Спарте, спартанцы не стремились сделать их также и элементом организации своих вооруженных сил. По этой причине соответственно именно Фивы под предводительством Эпаминонда и его закадычного друга Пелопида (одного из бывших изгнанников, нашедших в свое время убежище в Афинах), вместе с основателем «священного отряда» Горгидом навсегда положили конец господствующему положению Спарты: сначала они с легкостью нанесли ей поражение при Левктрах в 371 г. до н.э., а затем с не меньшей легкостью освободили великое множество спартанских илотов⁶⁴. Платон и Аристотель критиковали обращение спартанцев с илотами по чисто утилитарным, прагматическим причинам. «Бог никого не сделал рабом», – писал еще один интеллектуал того времени, поддерживая идею освобождения илотов, что настолько напоминало речи аболиционистов, насколько это было возможно в IV в. до н.э. Однако потребовалось появление такого выдающегося человека, как Эпаминонд, чтобы эти благочестивые разговоры превратились в конкретные дела.

В первую очередь благодаря просвещенному правлению и блестящему командованию Эпаминонда и Пелопида Фивы быстро сделались наиболее влиятельным городом во всей Балканской Греции. И мощь, и территория Спарты значительно сократились вследствие усилий Фив; более того, Эпаминонд самолично основал два новых греческих города, Мессену (369 г. до н.э.) и Мегалополь в Аркадии (368 г. до н.э.), дабы она оставалась недееспособной в обозримом будущем. Что неудивительно, Аргос с энтузиазмом помогал основанию Мессены; в Дельфах жители

⁶³ Кадмено захватил в результате внезапного нападения спартанский отряд под командованием Фебиды в 382 г. до н.э., то есть уже значительно позже окончания Коринфской войны. – *Примеч. пер.*

⁶⁴ В 360-х гг. до н.э. Эпаминонд не раз вторгнулся на Пелопоннес и освободил от господства Спарты Мессению (и тем самым ее жителей, имевших статус илотов). – *Примеч. пер.*

отпраздновали событие песнями и плясками. В самой же Беотии Фивы уничтожили в 364 г. до н.э. Орхомен, который являлся их единственным серьезным конкурентом в борьбе за господство в местной федерации. Наиболее удивительным стало совместное создание беотийцами флота. То был первый случай такого рода в истории Беотии. Эпаминонд совершил плавание по Северной Эгеиде и даже достиг Боспора, однако особых результатов это не имело. Другим важным симптомом роста гегемонистских устремлений Фив (что не следует путать с захватническими) явилось удерживание между 368 и 365 г. до н.э. македонского царевича Филиппа в качестве заложника под домашним арестом в Фивах с целью обеспечить лояльную позицию его страны.

Столь велики были в 360-х гг. до н.э. могущество и влияние Фив, что демократические Афины и олигархическая Спарта почувствовали – они прямо-таки обязаны стать союзниками, чтобы эффективнее противостоять нависшей над ними обоими фиванской угрозе, но военного успеха это не принесло. В 362 г. до н.э. на поле битвы при Мантинее в Аркадии возглавляемый Фивами союз во главе с Эпаминондом вновь одержал блестящую победу, хотя сам великий полководец погиб в бою (см. эпиграф к настоящей главе, где цитируется его эпитафия). Впоследствии, согласно консервативному афинскому историку и мыслителю Ксенофону, который заканчивает этим мрачным замечанием свою «Эллинскую историю», отношения между полисами в Греции пришли в еще больший беспорядок, чем раньше⁶⁵. Однако не стоит принимать слова Ксенофонта на веру. Он с презрением относился к Эпаминондовым Фивам и, будучи преданным клиентом и приверженцем Агесилая, был одним из тех, кто тосковал по старому доброму олигархическому порядку, при котором главенствовала Спарта. Рассчитывать на это не приходилось, как то со всей беспощадностью продемонстрировала вскоре деятельность Филиппа Македонского.

Трехлетнее пребывание в фиванском плену будущего царя Филиппа II позволило ему многое узнать о дипломатии, финансах и военном деле; это ему пригодилось, когда в 359 г. до н.э. он стал царем Македонии. До той поры Македония оставалась в стороне от главных течений греческой культуры как в географическом, так и в политическом отношении. В сущности, к началу царствования Филиппа она представляла собой немногим более чем географическое понятие, не являясь в политическом смысле ни развитой (ни в коей мере не полисным и не городским обществом), ни централизованной (земли западного плоскогорья существовали почти независимо по отношению к низинным территориям на востоке). Во время сравнительно долгого по македонским меркам царствования Филиппа (359–336 гг. до н.э.) Македония впервые стала централизованной, затем начала урбанизоваться и, наконец, не только установила контроль над всей Балканской Грецией к югу от своих границ, разгромив в 338 г. до н.э. афино-фиванскую коалицию в битве при Херонее в Беотии, но и приступила к завоеванию Азии (см. следующую главу). Все это означало конец традиционного полиса как самостоятельной властной структуры в греческой истории, хотя и позднее время от времени встречались исключения – такие, как остров-полис Родос в III и даже в начале II в. до н.э.

Действительно, в наступивший после смерти Александра эллинистический период даже Македония стала краем греческих городов со всеми удобствами и признаками урбанизма, включая четко размеченные центральные площади, где собирался народ, просторные гимнасии и выставленные на всеобщее обозрение в виде надписей государственные документы. Были подготовлены пути, хотя сами македоняне едва ли могли догадываться об этом, для превращения

⁶⁵ Неточность автора. «Эллинская история» завершается словами (звучащими, кстати, тоже весьма меланхолически): «На этом я закончу свой рассказ; последующие же события, быть может, заинтересуют какого-нибудь другого автора» (VII. 5. 27. Пер. С.Я. Лурье). – *Примеч. пер.*

Македонии в первую восточную провинцию Рима в результате его имперской экспансии (в 147 г. до н.э.) – если не считать восточной обширную эллинизированную Сицилию, которая стала римской провинцией в 241 г. до н.э.⁶⁶ Разрушенные Александром в 335 г. до н.э. Фивы были восстановлены в 316 г. до н.э., но теперь они были совсем небольшим городом, и, хотя являли собой достаточно комфортабельное место для жизни под властью римлян, они никогда уже не обретали того политического и военного значения, какое имели в классическую эпоху.

Часть четвертая Эпоха эллинизма

Глава 10 Александрия

...клетка для Муз...

Тимон Флиунтский, III в. до н.э.

Сын и преемник Филиппа Александр III, позднее известный как «Великий», взошел на македонский престол при обстоятельствах в высшей степени темных; тень подозрения лежит на нем по сей день. Однако его причастность к убийству собственного отца в 336 г. до н.э. в Эгах, городе, где проводились важнейшие церемонии и находился царский некрополь, так и остается недоказанной, и есть серьезные основания по меньшей мере подозревать, что важную роль за кулисами событий играла его энергичная мать Олимпиада. Незадолго до того она утратила положение первой леди: Филипп, подобно сицилийским тиранам, не придерживался общего для всех греков обычая моногамии, так же потом поступил и Александр. Последней (седьмой) женой Филиппа стала высокородная македонянка, которая обеспечила ему важные политические связи и дала жизнь его сыну. Сам Филипп в свои 46 лет был еще крепким мужчиной. Существовала серьезная опасность того, что Александра обойдут в вопросах наследования. Вероятно, в этом и состояла причина убийства, совершенного среди бела дня, когда Филипп праздновал свадьбу своей дочери от Олимпиады с братом последней.

Однако это всего лишь один из возможных вариантов. Кто бы ни был организатором убийства, именно Александр выиграл от него больше всех. Получив мощную поддержку со стороны армии, он немедленно принял на себя роль своего отца как вождя эллинского мира в борьбе с персидской державой. В 338 г. до н.э. Филипп разгромил греческую коалицию во главе с Афинами и Фивами и сразу же учредил то, что современные ученые назвали Коринфской лигой, которая явилась средством фактической легитимации его верховенства над Балканской Грецией. Первым решением, которое приняли участники конгресса в Коринфе, стало назначение Филиппа главнокомандующим в войне против Персидской империи. Эта война изображалась как долго откладывавшаяся месть персам за кощунственное разрушение греческих святынь и разорение Эллады в 480–479 гг. до н.э. и как способ освобождения (отголосок пропаганды, использовавшейся Афинами с 478-го и Спартой с 400 г. до н.э.) греческих городов в Азии от рабства (политического подчинения) у «варваров». Передовые силы были переправлены через Геллеспонт на северо-запад Малой Азии в 336 г. до н.э.,

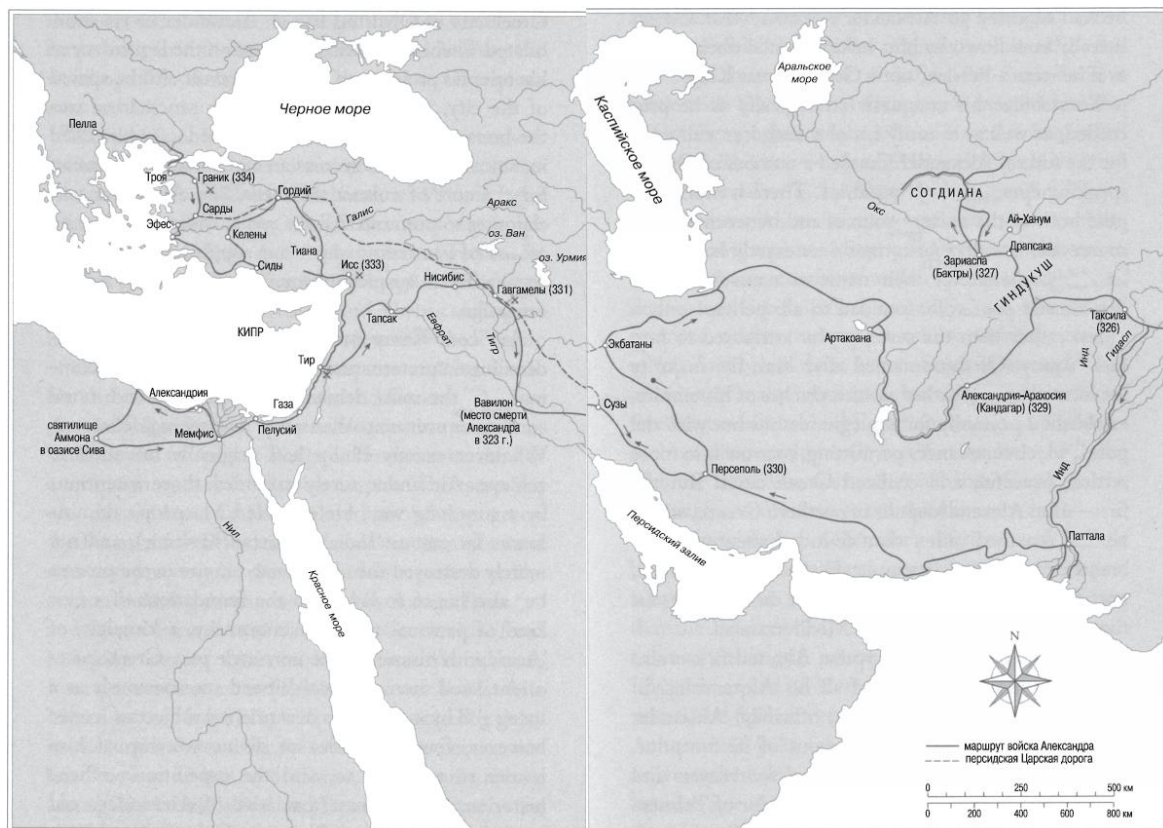
⁶⁶ За исключением ее юго-восточного угла, где находились Сиракузы и их хора, сохранившие независимость почти до конца III в. до н.э., когда в ходе Второй Пунической войны были покорены римлянами. – *Примеч. пер.*

однако смерть Филиппа помешала Александру немедленно принять на себя командование лично⁶⁷, не в последнюю очередь из-за того, что ему пришлось подавлять волнения среди греческих «союзников» и обеспечивать тыл, для чего он совершил поход до самого Дуная. Опять-таки следуя примеру отца, который уничтожил в 348 г. до н.э. имевший важное значение Олинф, город на севере Греции, Александр в 335 г. до н.э. разрушил Фивы за то, что жители посмели поставить под сомнение правомочность его будущих действий на Востоке и подняли восстание. Единственное, что он пощадил в городе наряду с религиозными святынями⁶⁸, был дом Пиндара, одического поэта (скончался в 446 г. до н.э.), поскольку он воспринимался как выдающийся выразитель идей панэллинизма, которые поддерживал Александр. Тем не менее уничтожение греческого города, который мог стать одним из наиболее важных союзников Македонии, вряд ли можно было расценивать как благоприятное знамение для будущей азиатской кампании.

Однако вышло так, что оно сбылось сполна именно в благоприятном смысле, ибо Александр обнаружил буквально сверхъестественные способности лидера и командующего в самых сложных условиях на протяжении следующего десятилетия (334–323 гг. до н.э.). Какие бы замыслы ни строил Филипп, Александр намного «перевыполнил» его планы. Он расширил владения Македонии на востоке до самой «Индии» (то есть Пакистана и Кашмира) и не просто уничтожил во время своего похода Персидскую империю, но и заложил основы монархии нового типа, где правитель лично осуществлял власть над территорией, – Азиатского царства. Ее правителем стал он сам. Обиход при дворе являл собой смесь греческих и восточных особенностей; многие новые восточные подданные Александра стали – без давления с его стороны – почитать его как бога. Греки, однако, восприняли идею богопочитания правителя с куда меньшим энтузиазмом. Официальный историограф экспедиции Каллисфен (Аристотель, некогда наставник Александра, приходился ему родственником, и полководец сам назначил его на должность летописца) также был казнен по обвинению в измене по личному его приказу, поскольку возражал против одного из требований Александра: тот хотел, чтобы греки простирались перед ним, демонстрируя этим церемониальным жестом свою покорность, будто он был Великим Царем Персии, а не греческим правителем.

⁶⁷ Но если бы Филипп не погиб, командование принял бы на себя он, а не его сын. – *Примеч. пер.*

⁶⁸ Разумеется, далеко не всех. – *Примеч. пер.*

Карта №5. Битвы и походы Александра Македонского

Чтобы закрепить свою власть над завоеванными территориями, а также обеспечить культурное единство нового царства в будущем, Александр, продвигаясь на восток, основал ряд грекоязычных городов, получивших в его честь наименование Александрий. Древние авторы немало спорили между собой о том, сколько именно новых городов (вне зависимости от того, как они назывались и что они собой представляли) Александр основал самолично; современные историки также включились в этот спор и полемизируют со своими античными предшественниками. Более вероятно, что городов насчитывалось всего около дюжины, а не семьдесят с лишним, как это утверждала античная традиция. Из тех, что получили его имя, большинство расположено далеко на востоке его империи. Они были основаны в первую очередь со стратегическими целями, однако при удачном стечении обстоятельств жизнь в них могла наладиться и они превратились бы в мирные, цивилизованные греческие города. Но первой Александрией, с которой и ассоциируется это название – если не считать Александруполиса в Северной Греции, который царь скорее переименовал, нежели основал заново в 340 г. до н.э., – стал город, расположенный не в Европе и не в Азии, но в Африке, в дельте Нила, близ впадения широкого Канопского рукава в Средиземное море.

Александрия Египетская явилась не только первым из одноименных поселений, но и намного превосходила их по значению. Зимой 332/31 г. до н. э. (по официальным данным, 7 апреля 331 г. до н.э.) Александр лично присутствовал при разметке плана будущего города, посоветовавшись, по своему обыкновению, с «наилучшими» предсказателями и провидцами; ими руководил Аристандр из Тельмесса (ныне город Фетие в юго-западной Турции). Он специально позаботился о том, чтобы новый город находился не на месте существующего египетского поселения, поскольку опасался негативных настроений местных жителей. (Он же весьма нуждался в их поддержке: оставалось

всего около шести месяцев до окончательной, решающей битвы с Дарием III при Гавгамелах в Северном Ираке в октябре 331 г. до н.э.) Вместо этого он указал место неподалеку от одного из них, название которого по-гречески звучало как Ракотис. Действительно, об Александрии с самого начала говорилось, что она находится скорее *близ* Египта, чем в Египте, – настолько сильно было представление о ней как о чем-то особом, инородном, о «привое», с самого своего основания обладавшем особой сущностью. Доступ в город жестко контролировался жителями – по происхождению греками и македонянами. Среди них были ветераны, торговцы, но попадались, конечно, и пройдохи, стремившиеся к наживе. На низшей же ступени социальной лестницы, разумеется, находился «подкласс» рабов всевозможных национальностей, а также низшее сословие свободных, но не пользовавшихся правами египтян и другие инородцы – в частности, иудейская диаспора. (Именно для них где-то в середине III в. до н. э. впервые была переведена на греческий язык Библия – этот перевод получил название Септуагинты.)

Поначалу, при жизни Александра и в течение некоторого времени после его смерти, Александрия являлась новой столицей имперской провинции, своего рода преемницей египетской «сатрапии», которой с 525 по 404 г. до н.э., а также с 343/342 по 332 г. до н. э. правили персы; ее главным городом был Мемфис – древняя столица Египта. Могущественное египетское жречество никогда не чувствовало себя комфортно под «игмом» Ахеменидов (так они оценивали положение вещей) и время от времени бунтовало. Действительно, при последних фараонах местного происхождения, с 404 по 342 г. до н. э. волнения практически не утихали. Однако великий царь Артаксеркс III в конце концов вновь завоевал эти земли – лишь для того, чтобы его преемник Дарий III уступил их Александру десять лет спустя. В целом египтяне приветствовали Александра, врага их врагов. Но через короткое время недовольство чужеземной имперской властью вновь дало себя знать, и нужно заметить, что Александр вовсе не проявил такта в отношениях с новыми подданными. Скорее он хотел, если можно так выразиться, использовать свои египетские связи – в основном в личных, а также в пропагандистских целях. Отправившись в Мемфис, он провозгласил себя фараоном и даже был прославлен на греческом языке как сын бога верховным жрецом оракула Аммона (Амуна) в оазисе Сива, расположенном в нескольких сотнях километров к востоку, на границе с Ливией.

Около 305 г. до н. э. один из наиболее талантливых военачальников и друг детства Александра, македонянин по имени Птолемей, которого Александр назначил наместником египетской провинции, объявил себя «царем» этих земель и сделал Александрию своей столицей. Более того, ему удалось основать династию, которой оказалось суждено длительное, хотя подчас и беспокойное существование. Ибо почти три следующих столетия Александрия была столицей «эллинистического» государства. (Понятие «эллинистический» означает «греческий» в отношении культуры и административного устройства, но одновременно подразумевает сильное влияние со стороны культуры местной – настолько сильное, что между ними происходит своего рода слияние. Примером последнего может послужить новый династический культ Сераписа, представлявший собой сочетание культов Осириса – это божество олицетворяло дух умершего фараона – и быка Аписа, заимствованный из Мемфиса.)

Более того, в III в. до н.э. благодаря своему Мусейону (святилищу девяти Муз) и библиотеке (располагавшей гигантским собранием манускриптов, куда входила среди прочего коллекция рукописей трудов Аристотеля – по-видимому, весьма значительная), создание которой Птолемей I по крайней мере запланировал (в 285 г. до н.э. он скончался), Александрия также стала культурной столицей всего греческого мира. Гений математики Евклид и другие фигуры не меньшего масштаба

– Эратосфен (одним из достижений которого стало измерение длины окружности земного шара, которое он осуществил с погрешностью в рамках приемлемого), Архимед (гений математики, а также изобретатель военных машин), Каллимах (глава Александрийской библиотеки, родом, как и Эратосфен, из Кирены), Феокрит (автор идиллий из Сиракуз, живший при александрийском дворе в 270-х гг. до н.э. при Птолемее II) и многие другие светила осчастливили своим пребыванием город – слишком многочисленны, чтобы поименно называть их.

Сосуществование ученых и деятелей искусства само по себе примечательно, однако в отношениях между ними не всегда царила гармония. Остроумец того времени называл Мусейон «клеткой для Муз», подразумевая, что там сидят взаперти представители всех соперничающих друг с другом видов птиц – у них не было регламента, предусматривавшего, в каком порядке им клевать корм, но зато они охотно клевали друг друга. Даже Птолемей I в преклонном возрасте обратился к литературному творчеству, написав апологетическое сочинение о своем участии в походе Александра. Оно не дошло до нас, однако послужило важным источником для Арриана, греческого автора из Никомедии в Вифинии (II в.). Мысль об утраченных мемуарах царя вдохновила по крайней мере одного романиста (Валерио Массимо Манфреди) и одного кинорежиссера (Оливер Стоун, в чьей картине Энтони Хопкинс играет Птолемея, от имени которого ведется рассказ).

Таким образом, Александрия была первым эллинистическим полисом – равно как и Александра можно по праву назвать первым эллинистическим правителем. Как было бы замечательно, если археологические раскопки дали бы нам хоть что-то сравнимое по масштабу с теми блестящими достижениями, которые сохранили для нас уцелевшие письменные памятники! Но увы: превратности исторической судьбы – случаи вражеской оккупации, смены режима и, более того, культуры и пожары, возникавшие случайно или в результате поджогов, – в сочетании с мощным воздействием сил природы (прежде всего землетрясениями) стали причиной того, что почти вся эллинистическая Александрия оказалась стерта с лица земли или скрылась под водой. Где находится (коснемся наиболее дискуссионной проблемы) знаменитая гробница Александра – та, которую построил Птолемей после того, как выкрал тело Александра (по пути из Вавилона в Македонию, где его должны были вновь предать земле), и которая стала целью паломничества первого римского императора Августа тремя веками позже? Покоятся ли, согласно недавно высказанному предположению, его останки в Венеции, в соборе Святого Марка (иными словами, мощи святого Марка, уроженца Александрии, на самом деле были останками Александра)? Или это лишь фантастические предположения, которые в отсутствие достоверных археологических свидетельств могут подчас выдвинуть даже разумнейшие из историков?

По крайней мере мы можем учитывать данные подводных археологических исследований, проводившихся Жаком-Ивом Эмперером и Франком Годье: они нашли – и продолжают находить – замечательные вещи в глубинах моря подле Александрии и на территории, расположенной примерно в 20 километрах к востоку от нее (возможно, на месте древнего Гераклиона). Их находки переданы в Новый национальный музей Александрии. Но даже самые искусные археологи никогда не смогут обнаружить достаточно остатков Фаросского маяка (предположительно достигавшего 100 метров в высоту), спроектированного для Птолемея I или II Состратом Книдским, в отличие от Мавзолея – одного из семи «канонических» чудес света, чтобы на их основе предложить убедительную его реконструкцию на бумаге, на экране компьютера, не говоря уж о том, чтобы воссоздать его трехмерную модель.

В дивном новом мире, состоявшем из царств с большими территориями, Александрия, будучи

царской столицей, не могла функционировать подобно греческому полису – не говоря уж о невозможности аналогий с конкретными полисами. Законы, изданные здесь Птолемеем, действовали на всей территории Египта; им подчинялись и местные жители, и греки. Монетное дело в Александрии было поставлено на высоком уровне: город чеканил золотые и серебряные монеты, имевшие хождение во всем Египте (это был первый случай, когда на монетах появляется изображение правителя, занимавшего трон на тот момент). Однако недавние исследования показали, насколько в эллинистическом мире, раскинувшемся от Греции и Египта до Центральной Азии и современного Пакистана и просуществовавшем примерно с 300 до 30 г. до н. э., был живуч полис – и как политический, и как культурный институт. К примеру, греки и македоняне, составлявшие окружение Александра, перенесли при его жизни или после нее институт полиса в Центральную Азию, в Бактрию и Согдиану – туда, где находится современный Афганистан. В качестве наиболее яркого примера упомянем Ай-Ханум (на языке местного таджикского населения наименование означает «Лунная женщина»); это поселение, вероятно, представляло собой Александрию в Согдиане. Насчет того, насколько распространился процесс эллинизации и насколько сильно было эллинское влияние в этих городах, были высказаны основательные сомнения: разве они представляли собой что-либо иное, нежели форты – но только громадных размеров, – доступ в которые местному населению строго воспрещался (так что они не могли получить оттуда никаких благ культуры)? Разве их архитектура не напоминает в большей мере местную или персидскую, нежели греческую? Вероятно, это можно доказать в качестве общего правила, хотя проверить его применительно к конкретным случаям сложно. Но во всяком случае, посмертный культ героя, учрежденный в память основателя города Киней, вовсе не отличается от, скажем, культа Тимолеонта в центре Сиракуз.

В довершение всего существуют свидетельства в пользу противоположного мнения – то есть подтверждающие эллинизацию. Они исключительно ярки и в то же время, что не поддается объяснению, носят единичный характер и тем более весомы, что связаны с наиболее восприимчивой сферой культуры – религией. Так, в святилище Тах-ти-Сангин в 150 километрах к западу от Ай-Ханум на реке Окс (Сыр-Дарья) находится посвящение, сделанное, несомненно, местным жителем Атросоком (чье имя означает что-то вроде «обладающий мощью божества огня»). Оно состоит в основном из каменного вотивного алтаря с греческой посвянительной надписью, поверх которой стоит бронзовая статуэтка, изображающая старого силена Марсия, играющего на двойной свирели *aulos*. Любопытно, что подумал бы об этом Аполлон, которому Марсий в одной мифе бросил вызов на музыкальное состязание, ставший для него роковым: когда он проиграл, с него содрали кожу.

Если бы поэт из Александрии К. П. Кавафис (1863–1933) был жив, когда раскопали алтарь, то, наверное, не слишком удивлялся бы. Воображая, будто дело происходит в 200 г. до н.э. (или как будто он сам из этого времени), Кавафис изображает грека эпохи эллинизма, который гордо заявляет:

Мы – от александрийцев до антиохийцев,
От египетских греков сирийских,
Селевкийцы, мидийские греки
И персидские и остальные.
Мир обширных владений с его исключительным чувством

Сообразности – гибкий при всех обстоятельствах.
И единое наше наречье (koinê)
Донесли мы до Бактра, до Индии донесли.

(Пер. Е. М. Солоновича)

Что удобно для нас, Кавафис дает здесь абрис почти всего послеалександровского эллинистического мира. Антиохия в Сирии⁶⁹ и Селевкия на Тигре были главными городами державы, основанной Селевком I Завоевателем⁷⁰, еще одним полководцем Александра, который принадлежал к числу его гетайров⁷¹ и по желанию Александра в 324 г. до н.э. взял себе в супруги женщину с Востока, но в отличие от других приближенных после смерти царя не расторг свой брак с ней. Его государство унаследовало (или же он сознательно придал ему) основные азиатские черты державы Александра. Упоминание греков в Мидии и Персии (север и юг Ирана) весьма полезно, поскольку даже ученые часто забывают об этом. Так, применительно к Сузам, административному центру Персидской империи, мы слышим о постановках или по крайней мере чтении со сцены произведений Еврипида – то, что стало обычным делом для Александрии с ее множеством театров. Язык койне – упрощенный вариант классического греческого, основанный главным образом на афинском диалекте, распространился по всему Среднему Востоку и даже на части территорий нынешнего Пакистана. Именно он стал языком Септуагинты – перевода Библии и языком Нового Завета.

Между тем в каталоге Кавафиса имеется очевидное упущение – царство Атталидов, отколовшееся от Селевкидской империи в первой половине III в. до н. э. Центром его стал старинный город эолийских греков – Пергам на северо-западе Малой Азии. Именно один из представителей династии Атталидов оплатил строительство большого портика на афинской агоре; в 1960-е гг. его заменили копией (на сей раз финансирование обеспечил Рокфеллер), а оригинал перевезли в музей (и частично в запасник) Американской школы классических исследований, где он и находится по сей день. Пергам также дал миру слово «пергамент», непосредственно происходящее от латинского *pergamena charta*, «бумага из Пергама», что означало тонкую кожу, использовавшуюся для письма.

Но равновесие в отношениях между государствами, сложившееся к середине III в. до н. э., досталось дорогой ценой: оно установилось лишь после двух крупномасштабных войн и оказалось весьма непрочным. Политическая история греческого мира в эпоху эллинизма в значительной мере представляет собой утомительное перечисление междинастических войн (см. Хронологию). Так, Птолемей выиграл истощившую силы Египта серию войн с азиатским государством Селевкидов; оба противника стремились захватить лежавшую между ними территорию Палестины и Леванта, которая также часто становилась

⁶⁹ Антиохия на Оронте. – Примеч. пер.

⁷⁰ Точнее, Селевк Никатор («Победитель»). – Примеч. пер.

⁷¹ В оригинале не вполне удачное *privileged Companion*. Мы предпочитаем греческий термин, которым обозначалось ближайшее окружение царя (букв. «друзья», «соратники»). – Примеч. пер.

местом боевых действий. В самой Греции династия Антигонидов, основанная другим полководцем Александра, Антигоном Монофталмом («Одноглазым»), время от времени набрасывалась на соперников, подобно волку, чтобы показать, кто на самом деле здесь хозяин, – к примеру, в 222 г. до н. э. Антигон III Досон нанес решительное поражение радикально (и даже революционно) настроенному царю Спарты Клеомену III неподалеку от спартанского города Селласии. Настоящий «хозяин», однако, еще не появился на исторической сцене во всей своей славе: в 216 г. до н. э. Рим потерпел сокрушительное поражение при Каннах от карфагенянина Ганнибала. Но вскоре после этого Рим начал свое неуклонное восхождение к славе и к неограниченной власти над всем средиземноморским миром. В конце концов он взял под свой контроль почти весь эллинистический мир, образовавший восточную, говорившую по-гречески часть Римской империи (хотя его власть над территориями, где ныне находятся Иран и Ирак, была кратковременной и непрочной и никогда не распространялась на Афганистан и Пакистан).

Карта №6. Эллинистический мир

Задачу описать эту мощную силу и дать свои комментарии к событиям поставил перед собой греческий историк Полибий из Мегалополя (ок. 200–120 гг. до н. э.). Он начинает свое повествование с того, как Рим собрался с силами после катастрофы при Каннах, и доводит до 145 г. до н. э. – то есть до того момента, когда Карфаген лежал в руинах, а Македония и Ахейя получили статус провинции и протектората соответственно и оказались включены в территорию Римской империи. Спустя десяток лет древнее Пергамское царство постигла та же участь согласно завещанию его последнего правителя (эти земли получили помпезное наименование – провинция Азия). Еще через шестьдесят лет Помпей Великий (принявший этот титул в подражание

Александр⁷² и копировавший его во многом другом) фактически присоединил к Риму Селевкидскую империю, главную часть которой составляла территория современной Сирии, и, кроме того, большую часть того, что оставалось от Анатолии.

Независимость сохранял только Птолемеи Египет, и его присоединение произошло в результате борьбы титанических масштабов. За личное господство над всем римским миром вступили в схватку, с одной стороны, опиравшийся на ресурсы Запада Гай Юлий Цезарь Октавиан (или попросту Октавиан), которого Цезарь усыновил и сделал своим наследником, – он, несомненно, сам стал бы первым римским императором, если бы его не убили в 44 г. до н.э., – и, с другой стороны, опиравшийся на Восток Марк Антоний, двоеженец⁷³, одной из супругов которого была последняя представительница греко-македонской династии Птолемеи, образованная, умная и находчивая царица Клеопатра VII. В морском сражении при Акции у берегов северо-восточной Греции в 31 г. до н. э. силы Октавиана нанесли решительное поражение объединенному флоту Клеопатры и Антония. Вернувшись в Александрию, те покончили с собой, чтобы не попасть в руки жаждавшего мести Октавиана. В 30 г. до н. э. Октавиан превратил Египет в подобие провинции Римской империи, хотя им управляли лица, назначавшиеся непосредственно им, тогда как членам сената запрещался въезд в эту область без специального на то разрешения. Установив власть над Египтом, римляне завершили присоединение к своей громадной империи почти всего эллинистического мира в том виде, как он сложился после смерти Александра (слово «почти» мы используем, поскольку они так и не овладели Афганистаном, что, пожалуй, было весьма разумно, и лишь на короткое время оккупировали Иран).

Но хотя древняя Александрия в 30 г. до н. э. перестала существовать как независимое политическое образование, ее культурная и интеллектуальная жизнь продолжалась. Напротив! Перечень выдающихся умов, почтивших Александрию своим присутствием в годы римского владычества, не менее впечатляет, нежели тот, что можно составить, оглядываясь на ее эллинистическое прошлое. И пожалуй, самое почетное место в нем следует отдать еще одному носителю имени Птолемеи – Клавдию Птолемею, астроному и географу, работавшему в Александрии между 146 и (приблизительно) 170 г. Средство, применявшееся им, чтобы сохранить свои мысли, представляло собой особым образом изготовленный продукт из тростника, росшего в Египте, – папирус. Дорогой в изготовлении, он вынужден был конкурировать в греческом мире в более ранние годы с более дешевыми письменными материалами: корой, черепками, кожей и восковыми табличками. Но в годы римского владычества папирус начал использоваться настолько широко, что стал основным нашим источником свидетельств в области общественной и культурной жизни в древнегреческом мире в целом. Поскольку почва и климат Александрии отличались излишней влажностью, сохранившиеся папирусы в основном происходят из тех областей в долине Нила, что находятся дальше к югу, – из Фаюма и прежде всего из маленького и в остальном ничем не примечательного городка Оксириха («Остроносого рыбацкого городка»).

Мне, однако, хотелось бы завершить свой весьма краткий очерк упоминанием об одной из тех очень немногих женщин Греции, известной своим вкладом в культуру, в которой доминировали мужчины и которая была ориентирована прежде всего на маскулинное начало. (Хочется сравнить ее прежде всего с Клеопатрой.) Ее звали Ипатия; она была дочерью математика по имени Теон. Конечно, она была не первой выдающейся женщиной-математиком в Александрии: эта честь

⁷² Следует уточнить, что Помпей принял этот титул лишь после того, как его полужутя-полусерьезно назвал Великим Суллой, и нашлись люди, которые согласились именовать его так и впредь. – *Примеч. пер.*

⁷³ Распространенная в литературе ошибка. На деле двоеженцем Антоний *de iure* не был, поскольку его брак с Клеопатрой по римскому праву не признавался законным. – *Примеч. пер.*

принадлежит Пандросии, которая, вероятно, изобрела геометрическую конструкцию, позволявшую извлекать кубические корни. Ипатия, в свою очередь, придумала астролябию и ареометр. Однако ее имя сохранилось в истории – увы! – не только вследствие ее блестящих математических способностей и (вероятно) красоты, но и главным образом из-за ее убийства (или, скорее, мученической смерти) как язычницы: она погибла от рук толпы христиан, возможно, действовавшей по приказу епископа Кирилла в 415 г.⁷⁴ *Sic transit gloria classica* ⁷⁵.

Часть пятая Взгляд в прошлое и будущее

Глава 11 Византий

Сначала это была столица императорского Рима; затем – крупнейший из христианских городов мира, богатейший город мира; духовный центр восточной Церкви, сокровищница культуры и искусства; потом он стал процветающей столицей ислама; столь величественно поднявшийся над тремя морями, смотрящий на Европу, Азию и океан, восточный и западный...

Маколей Р. Величие руин

Сиракузы принадлежали к числу самых ранних греческих колоний на западе. Больше времени понадобилось грекам для того, чтобы проникнуть в земли к северу и востоку от Эгеиды, за проливы Геллеспонт (Дарданеллы) и Боспор («бычий брод»; написание «Босφ ор» – солецизм) в Черное море. Для этого имелось множество причин. Встречные в Геллеспонте течения и сезонный ветер (так называемый мельтеми), который резко дует с северо-востока, летом благоприятны для плавания кораблей, идущих из Черного моря, однако именно они мешают тем, кто хочет попасть в него. По берегам пролива жили всегда готовые к набегам «туземцы»: фракийцы на европейской стороне и вифинцы на азиатской (последние – если говорить о Боспоре). И в итоге то, что стало называться Черным морем, было известно грекам под эвфемистическим наименованием «Гостеприимного моря», вероятно, суеверная замена первоначальному названию – «*Не* гостеприимное море». Поэтому не стало неожиданностью то, что греки начали создавать здесь постоянные поселения постепенно, медленно начав с Геллеспонта (Сест, Абидос), затем наступила очередь Пропонтиды (ныне Мраморное море: Кизик, Перинф) и, наконец, Боспора.

Именно тут случилась история, примечательная во многих отношениях. Греки основали здесь два города, один против другого – на берегах, на одном из которых расположен теперь Стамбул (в Европе) и Кадыкей (в Азии). Метрополией этих новых городов на Боспоре являлись, вероятно, Мегары (в Центральной Греции) – сосед Афин, обычно поэтому с ним враждовавший. Мегары вывели совсем немного колоний, однако те, которые они все же основали, добились невероятного процветания. На западе основание Мегар Гиблейских на восточном побережье Сицилии в период 750–725 гг. до н.э. стало одной из первых ласточек греческой колонизации. Ее название

⁷⁴ Прямых доказательств причастности Кирилла к убийству Ипатии нет, на что обычно и указывают авторы, выражающие его, однако нет сведений и о том, чтобы он хоть как-то осудил убийц. Да и то, что штурмовые отряды, которые не раз устраивали бесчинства в Александрии, существовали с благословения Кирилла, свидетельствует в данном случае (как, впрочем, и в других) не в его пользу. – *Примеч. пер.*

⁷⁵ Так проходит слава классического мира (*лат.*).

представляло собой сочетание имени метрополии с именем дружественного сицилийского царька Гиблона. В VII в. до н.э. сицилийские мегаряне положили начало раннему этапу «решетчатой» планировки центра города, и хорошо изученные археологами остатки архитектуры и погребений свидетельствуют о широких торговых связях и в целом высоком уровне благосостояния. Можно предполагать, что это процветание во многом обуславливалось морской торговлей с отдаленными землями, которая способствовала все новым попыткам освоить Черноморское побережье, где подходящие для земледелия районы были не особенно велики, но зато имелись почти неограниченные возможности для торговых операций.

Однако первый из этих городов возник не на европейской стороне пролива, как можно было бы ожидать, что позволило бы поселенцам воспользоваться естественными преимуществами и ресурсами Золотого Рога. Город основали на противоположной азиатской стороне и назвали Калхедоном или Халкедоном. В результате появилась восхитительная легенда о том, что эти мегарские поселенцы, надо полагать, были слепыми – только слепой не мог увидеть выгод той стороны пролива, на которой потом возник Византий. Сегодня это, по сути, две части одного города, Стамбула, соединенные паромом и величественным мостом, перекинутым через Боспор севернее. Это ни в коей мере не означает, что ничего подобного на Боспоре не существовало в куда более ранние времена – честь создания такого сооружения принадлежит древнегреческому архитектору и конструктору по имени Мандрокл, происходившему родом с Самоса и служившему великому царю персидскому Дарию I (правил в 522–486 гг. до н.э.). Дарий был до такой степени доволен его составленным из кораблей мостом, что осыпал Мандрокла дарами. Мандрокл же так был доволен самим собой, что заказал картины, на которых изображалось строительство, и посвятил их храму Геры – богини-покровительницы его родного острова. При этом он приказал сделать следующую памятную надпись (текст ее передает Геродот):

Чрез многорыбный Боспор перекинув мост, посвятил я
Гере картину свою в память о мосте, Мандрокл.
Славу самосцам стяжал, себе же венец лишь почетный,
Царскую волю свершив, Дарию я угодил⁷⁶.

Но хотя мост Мандрокла был построен с азиатской стороны с явно враждебными намерениями (дабы Дарий мог без помех совершить успешное вторжение в Европу) и разобран сразу по миновании в нем надобности, транспортное движение по нынешнему мосту через Боспор идет преимущественно с востока, как бы втягивая Азию в Европу и обеспечивая исключительно мирное общение.

После основания Византия, которое традиционно датируется VII в. до н.э., мы почти ничего не слышим о политической истории города вплоть до 499 г. до н.э., когда он взбунтовался против своего персидского сюзерена, что явилось частью Ионийского восстания (499–494 гг. до н.э.). Византий счастливо избежал горестной судьбы центра восстания, Милета, однако когда персы возвратились с крупными силами, переправившись из Азии в Европу по другому корабельному мосту, ему ничего другого не оставалось, как прислать требуемые от него подкрепления, чтобы сражаться на стороне персов. По сути, большинство сражалось скорее за персов или по крайней мере вместе с ними, нежели против них (см. Приложение в конце книги). Однако победы

⁷⁶ Геродот. История. IV. 88. Пер. Г.А. Стратановского. – Примеч. пер.

антиперсидской коалиции греческих полисов⁷⁷ в 479 г. до н.э. при Платеях и Микале стали предвестием освобождения Византия от персидского владычества. Пока Спарта сохраняла интерес к продолжению кампании по освобождению Азии, Византий служил местопребыванием союзной ставки. Но когда регента Павсания официально отозвали в Спарту (не подчинившись приказу, что было совершенно не в стиле спартанцев, он возвратился в Византий под свою ответственность и был уличен в симпатиях к персам), Афины взяли на себя контроль и руководство кампаниями против персов, и Византий стал одним из многих афинских союзников, согласившись ежегодно платить высокую подать в 15 талантов серебра.

Важность Византия для Афин состояла главным образом в том, что обладание им позволяло контролировать и облагать пошлинами корабли с пшеницей и сыром, ежегодно плававшие через Боспор из черноземных краев Украины, Южной России и Крыма в Афины и другие города Эгеиды. Обнаруженный в Афинах эпиграфический документ, относящийся, по-видимому, к началу 420-х гг. до н.э., проливает свет на отношения Афин, с одной стороны, с северогреческим городом Метоной и царем Македонии – с другой. В двух местах надписи упоминаются магистраты, называемые «стражами Геллеспонта» (геллеспонтофилаки), находившиеся в Византии, которые решали, какое количество зерна тот или иной греческий город (речь не об Афинах) мог ввозить из Причерноморья. Другие источники сообщают о фиксированной подати, взимаемой сборщиками налогов (их местопребыванием также был Византий), с товаров, которые шли через Боспор в обе стороны.

Таким образом, Византий был одним из важнейших узлов в системе владений Афинской империи. Не приходится удивляться, что на заключительном этапе Пелопоннесской войны и сразу после нее, когда спартанцы наконец благодаря значительной помощи со стороны Персии обзавелись приличным флотом, Византий превратился в объект первостепенной военной важности. Важнейшим следствием победы спартанцев в 404 г. до н.э. стал роспуск Афинского морского союза и сокращение его огромного флота с 300 кораблей до максимум 20. Однако спартанцы ничего не имели против империи как таковой, и чтобы обеспечить функционирование их собственной новой империи в Эгеиде, они создали предназначенную для территорий вне Лакедемона должность гармостов («устроителей»). Местопребыванием одного из наиболее влиятельных среди них стал, что вполне естественно, Византий.

В итоге борьба за обладание Византием между Спартой и Афинами, начавшими восстанавливать свои силы благодаря Персии, которая теперь противостояла враждебной ей отныне Спарте, продолжалась до конца 390-х – начала 380-х гг. до н.э. – до тех пор, пока морская мощь Афин не приобрела вновь, по мнению персов, слишком опасные размеры, когда все стало подозрительно напоминать Афинскую империю V в. до н.э., в том числе обладание Византием и восстановление сбора торговых пошлин с плававших там кораблей. После этого персы вновь начали оказывать поддержку Спарте, и та благодаря действиям флотоводца Анталкида, наладившего дружественные отношения с персами, сумела заблокировать Геллеспонт и тем самым вновь поставить Афины перед угрозой голода, как то имело место в 405–404 гг. до н.э. Сразу же за этим последовал «Царский мир», известный также под названием Анталкидова, по условиям которого Византий изымался из-под контроля Афин.

Однако в Византии оставалась значительная группа сторонников Афин во главе с Филином – афинским официальным представителем в городе. Вероятно, именно он представлял византийскую сторону во время переговоров, в результате которых город вступил в союз с Афинами в 378–377 гг.

⁷⁷ В английском тексте – греки-лоялисты (loyalist Greeks). – Примеч. пер.

до н.э. на тех же самых условиях, что и город хиосцев. Обитатели острова Хиос были лояльными подданными Афинской империи большую часть V в. до н.э., даже несмотря на то, что она была олигархической, а не демократической. Однако к 384 г. до н.э., когда хиосцы оказались в составе антиафинской коалиции, они были уже гражданами демократического полиса, симпатизируя Афинам в силу идеологических и стратегических соображений, и от души ненавидели Спарту за условия «Царского мира» (см. девятую главу). Византий находился в аналогичной ситуации. И в 378 г. до н.э., как мы видели, стали демократическими Фивы, а летом того же года эти три демократических государства – Хиос, Византий и Фивы – объединились вместе с другими полисами (Митиленой и Метимной на острове Лесбос и островным государством Родос) в качестве шести членов – основателей Второго Афинского морского союза – альянса, имевшего откровенно антиспартанскую направленность, тогда как первый поначалу был антиперсидским и антиспартанским стал лишь позднее.

Поначалу дела у нового Афинского союза шли хорошо и число его членов росло – в период наивысшего расцвета в его состав входило примерно семьдесят пять больших и малых полисов. Это произошло потому, что Афины предлагали свое лидерство там, где в нем нуждались, и что они, казалось, вполне искренне стремились соблюдать клятву, данную союзникам, а именно не посягать на их имущественные права или покушаться на какие-либо иные законные привилегии полисов – членов альянса. Однако не позднее 373 г. до н.э. появляются свидетельства того, что Афины чем дальше, тем больше начали нарушать свои обещания, так что к 357 г. до н.э. Византий оказался вовлечен в смуту, которая известна под названием Союзнической войны, или Войны союзников (357–355 гг. до н.э.). В середине 350-х гг. до н.э. взбунтовался еще один полис, участвовавший в основании лиги, – Хиос, и поражение Афин в 355 г. до н.э. означало полный развал союза как властной структуры.

Наконец (если вернуться к предмету нашего изложения) Византий оказался в центре событий, связанных с обретением Филиппом Македонским гегемонии над Грецией. Не позднее 352 г. до н.э. Филипп с явно враждебными целями вплотную приблизился к городу, пройдя стремительным маршем через Фракию к западному побережью Пропонтиды в месте, именуемом Герайон Тейхос («крепостная стена Геры»). Однако пока это было лишь бряцание оружием, военная демонстрация. Двенадцать лет спустя опасность стала уже вполне реальной – Филипп сперва начал осаду располагавшегося на берегах Пропонтиды Перинфа, а затем и Византия. Оба раза он, что примечательно, потерпел неудачу – примечательно не потому, что это были легкие цели, но потому, что Филипп был мастером осадного дела. И ни одна из проводившихся им прежних операций такого рода (самая знаменитая из их числа – осада Амфиполя в 357 г. до н.э.) не заканчивалась провалом. Поскольку его главным противником на этом этапе являлись Афины, он стремился повторить то, что удалось Спарте в 405/4 г. и 387/6 г. до н.э., – отрезать их от жизненно необходимых путей подвоза хлеба. Если Филипп не смог достичь своей цели захватом Перинфа и Византия, то у него оставалась возможность добиться своего даже более прямым путем. Используя Гиерон, расположенный у входа в Черное море, как базу, летом того же 340 г. до н.э. он сумел полностью перекрыть движение судов, везших зерно в Афины.

Поначалу Афины располагали достаточными резервами и подходящими альтернативными источниками экспорта хлеба, чтобы голод не вынудил их подчиняться, как то имело место в 405–404 гг. и 387 – 386 гг. до н.э. Однако очень скоро ситуация сложилась таким образом, что им не оставалось ничего иного, кроме как рискнуть всем и решиться на прямое столкновение с Филиппом

в Центральной Греции. Следствием этого стала битва при Херонее в Беотии осенью 338 г. до н.э. – впечатляющий триумф Филиппа (и его восемнадцатилетнего сына Александра, который возглавил решающую атаку македонской кавалерии), зато это обернулось полной катастрофой для Фив, где разместился македонский гарнизон, для Афин, которые не были заняты гарнизоном, но оказались нейтрализованы⁷⁸, и на первых порах для главного противника Филиппа в Афинах, который хотя и был богачом, в идейном отношении являлся убежденным сторонником демократии – Демосфена⁷⁹.

Для Демосфена Филипп был не только варваром, но и олицетворением катастрофы для будущего истинного эллинизма – просвещенного, демократического, культурного. До конца своих дней он вел непрерывную борьбу за то, чтобы поднять афинян на восстание против их македонского хозяина⁸⁰. Однако когда в 323–322 гг. до н.э. после смерти Александра такая возможность наконец представилась и афиняне возглавили восстание, в котором приняло участие примерно двадцать греческих полисов, в военном отношении они достигли не больше, чем в 338 г. до н.э.⁸¹, а в политическом много меньше, поскольку македоняне в условиях новой жесткой линии своих правителей решили, что с них достаточно несносного афинского «народовластия», и немедленно покончили с ним. Демократия в Древней Греции не прекратила свое существование в 322 г. до н.э., однако после этого она уже сколь-либо серьезной роли не играла. Демосфен встретил свой конец, приняв яд на острове Калаврия (нынешний Порос), избежав тем самым еще худшей судьбы – мук и гибели от рук своих врагов из числа сторонников Македонии.

Эпилог

Греция, взятая в плен (Graecia capta), победителей диких пленила.

Гораций (ум. 8 г. до н.э.)⁸²

Знаменитое Горациево *Graecia capta* представляло собой немалый комплимент и к тому же полностью соответствовало действительности. И в самом деле, исключительно благодаря решению римлян объявить себя наследниками культуры классической Греции мы, в свою очередь, можем повторить вслед за Шелли, который несколько преувеличенно, но в каком-то смысле вполне оправданно заявил: «Мы все греки». Однако между римлянами и романтиками – и нами – стоят два по видимости непреодолимых препятствия.

Первое из них, что до некоторой степени парадоксально, – это греки, жившие в Византии и принадлежавшие к византийскому миру: они упорно называли себя римлянами⁸³, предпочитая это наименование слову «эллины», не в последнюю очередь потому, что они были христианами, в то время как термин «эллины» из-за предубеждений христианских авторов Нового Завета из числа бывших иудеев, писавших по иронии судьбы на греческом, подразумевал язычников (см. словарь).

Второе связано с существованием гигантской Османской империи: вначале она платила дань Византийской империи же, затем стерла из памяти живущих само название Константинополь, под

⁷⁸ Приведенные автором факты показывают, что ставить на одну доску положение Афин и Фив после Херонеей некорректно – первые формально сохранили независимость, им даже без выкупа возвратили пленных, тогда как в Фивах не только разместили гарнизон, что само по себе уже означало потерю независимости, но и казнили руководителей антимакедонской группировки. – *Примеч. пер.*

⁷⁹ Совершенно нелогичное противопоставление: само по себе обладание богатством не делало состоятельных людей врагами демократии. – *Примеч. пер.*

⁸⁰ Отнюдь, во время правления Александра Демосфен вел себя достаточно лояльно по отношению к Македонии, понимая, что в настоящий момент никакое успешное восстание против нее невозможно. – *Примеч. пер.*

⁸¹ В 322 г. до н.э. македонские войска под командованием Кратера разгромили силы антимакедонской коалиции в сражении при Кранионе. – *Примеч. пер.*

⁸² Гораций. Послания. П. 1. 156 (Пер. Н.С. Гинзбурга). – *Примеч. пер.*

⁸³ По-гречески – ромей, как именуют византийских греков и в отечественной литературе. – *Примеч. пер.*

которым долгое время был известен город Византий, и нарекла его Стамбулом, – и наконец владения мусульман расширились от Алжира до Сирии и Египта, а оттуда до Венгрии. Вот что утверждает могущественнейший из османских султанов Сулейман Великолепный в договоре с представителем дома Габсбургов в 1565 г., когда с момента исчезновения византийского мира прошло немногим более ста лет:

«Я... султан султанов Востока и Запада, император и султан Черного моря и Средиземного... непревзойденный во всем мире воитель... султан Сулейман, сын султана Селима».

С его точки зрения, слава, которая шла о Греции (перефразируем Эдгара Аллана По) еще во II в., должна была казаться чем-то очень отдаленным во времени. Эта плодородная страна пережила расцвет в период существования так называемой Второй софистики – возрождения эллинизма, которому способствовали такие римские императоры, как Адриан и его внук Марк Аврелий, усыновленный им, преклонявшиеся перед греческой культурой; его запечатлели Плутарх, Арриан и Павсаний, чьи труды стали подлинным украшением эпохи. Правда, этот эллинизм имел, если можно так выразиться, ностальгирующий характер, а в случае Адриана скорее представлял собой панэллинизм. Однако это не дает никаких оснований к умалению его реальности и силы. Последним его проблеском – или последним вздохом – можно назвать правление другого императора, Юлиана Отступника, два века спустя (он взошел на престол в 361 г. и погиб в 363 г.). Прозвище свое он получил за то, что, будучи воспитан в строгих христианских правилах, он, если можно так выразиться, совершил ретрообращение, приняв язычество особого, интеллектуального типа. Но в те дни язычество и преклонение перед греческой культурой было уделом реакционеров, в бессильной злобе наблюдавших закат языческих богов и то, как на смену вере в них идет «католический» (всеобщий) «ортодоксальный» (правильный) монотеизм (единобожие). Подлинным воплощением последнего в его человеческой, земной форме стал первый открыто исповедовавший христианство римский император Константин Великий, правивший в 312–337 гг.

Константин – последний из основателей городов, о которых шла речь в этой книге. Мы привели в ней все возможные типы основателей, из которых составилась целый перечень: от легендарных Миноса (основателя Кносса), Тесея (основателя Афин), Кадма (основателя Фив) и потомков Геракла (основателей Спарты) до вполне реальных исторических личностей (хотя и удостоенных почестей, воздававшихся им как героям, после смерти), основателей колоний – Массалии, Сиракуз и Византия. Эти люди действовали от имени метрополий – Фокеи, Коринфа и Мегар соответственно. Наконец, мы писали об удостоенном не только героических, но и божеских почестей царе Александре Великом – основателе Александрии. Константин явился из тех мест, где на территории современной Сербии находится город Нис; этот «солдатский император» носил римское, а не греческое имя. И все же в 324 г. он принял решение основать новую, греческую, восточную столицу империи за Боспорским проливом, разделяющим между собой территории Европы и Азии, Восток и Запад.

Эту столицу, освященную 11 мая 330 г., он нарек своим именем, дав ей название Константинополь, *полис* Константина. В этом он последовал давней имперской традиции, восходившей к Филиппу Македонскому (тот дал имя Филиппополю – нынешнему Пловдиву в Болгарии) и его сыну Александру (первым из городов, получивших имя царя, был Александрополь,

находившийся на территории Фракии – современной греческой области; за ним последовал «наплыв» Александрий, и знаменитейшей из них стала Александрия Египетская, о которой шла речь в одиннадцатой главе). Но Константинополь изначально был Византием: он получил это название, как мы видели выше, при основании – в начале VII в. до н. э. А с середины XV в. он стал Стамбулом – возможно, за этим названием стоит искаженное турецким произношением греческое выражение, содержащее слово «полис», – однако это уже другая история. По крайней мере султан Мехмед Завоеватель, положивший конец в 1453 г. тысячелетнему господству Византии, ее цивилизации и самой ее эпохе, владел благородным умением говорить, писать и читать по-гречески, а его главный придворный архитектор Синан – один из величайших архитекторов, когда-либо живших не только в мусульманской Османской империи, но и на Земле, – вполне возможно, был по рождению византийским греком. Более того, даже Сулейман Великолепный говорил, как мы видели, о «космосе» – то есть использовал исконный греческий термин, изначально означавший «порядок».

В ноябре 324 г., когда римский император Константин учредил в Константинополе новую, восточную столицу империи, греки в полной мере вернули римлянам Горацийев комплимент (воспользуюсь метафорой, построенной сходным образом). Ибо с того времени все греки-византийцы стали «римлянами», и по этой причине примерно спустя столетие, после мощного землетрясения, Флавий Константин осуществлял надзор над восстановлением массивных городских стен (правил тогда император Феодосий II) в качестве префекта претория. Лаконичная, хорошо читающаяся надпись на мраморной плите до сих пор находится на прежнем месте; три неуклюжие строки гексаметра хвастливо гласят:

По приказу Феодосия менее чем за два месяца
Константин с успехом (*ovans*) возвел эти крепкие стены.
[Сама] Паллада не возвела бы столь быстро такую надежную крепость.

Подобно Риму, Константинополь возвели на семи холмах. Но строители, по-видимому, осмелились соперничать с теми, кто возвел Афины. Отсюда уничижительное сравнение с афинским Акрополем и с покровительницей города Афиной Палладой. До чего яркий пример *hybris* !

Вплоть до завоевания остатков Византийской империи Мехмедом II в 1453 г. ее жители упорно именовали себя «римлянами»; даже в современном греческом языке сущность «греческого духа» обозначается словом *Romiosyni* – «римскость». (Так озаглавлено знаменитое стихотворение современного поэта Яниса Рицоса, положенное на музыку Микисом Теодоракисом.) И все же город Византий (или, скорее, Византион), как мы убедились, заставляет нас обратиться почти что к самому началу нашего рассказа о Древней Греции и исторических греческих цивилизациях. Более того, в процессе создания и укрепления нового колониального полиса на территории, во многом чужой византийцам, те низвели местных жителей-вифинян до статуса рабов, что весьма напоминает отношение спартанцев к илотам. И вновь мы видим, как свобода и рабство, дикость и цивилизация образуют неразрывное единство в интереснейшей истории древних греков.

История византийской эпохи и византийской цивилизации часто предстает в невыигрышном виде при сравнении с классической Грецией (все равно – архаической или эллинистической). В величественном всеобъемлющем труде Эдуарда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи») мы находим наиболее едкое (хотя несколько не оригинальное) выражение этой уничижительной точки зрения (см. главу 48 его труда, впервые опубликованного в 1788 году):

«...подданные Восточной империи, усваивавшие и бесчестившие названия греков и римлян, представляют безжизненное однообразие гнусных пороков, для которых нельзя найти оправдания в свойственных человеческой натуре слабостях и в которых не видно даже той энергии, которая воодушевляет выдающихся преступников»⁸⁴.

Вот так так! Мы узнаем, что пороки византийцев отличались гнусностью и были не просто однообразны, но «безжизненны». И прежде всего величайший недостаток византийцев заключался в том, что их цивилизация строилась не на основе свободы. Однако, безудержно восхваляя свободных афинских граждан, Гиббон не учитывает, что подобная политическая свобода отличалась весьма условным характером и отчасти – прямо или косвенно – основывалась на труде значительно более многочисленного слоя рабов. Точно так же героизм спартанцев при Фермопилах и Платеях, внесших столь символический вклад в борьбу за сохранение свободы Греции (от «варварского», персидского владычества), был обеспечен ценой наследственного рабства еще большего числа мужчин и женщин, унижительно прозванных илотами. Причем в отличие от афинских рабов илоты сами были греками и хранили общие живые – пусть и смутные, конечно, – воспоминания о «старых добрых временах», когда сами пользовались свободой.

Эта диалектика напоминает нам о том, что, хотя культура доэллинистической и (благодаря Риму) эллинистической Греции стала одной из важнейших основ культуры Запада – ведь оттуда пошли наши заимствования «политики», «демократии» и многого другого, – вместе с тем их культура и политика во многих отношениях не просто значительно отличались от наших, но и были откровенно чуждыми и совершенно «иностранными» (уж по крайней мере со времен восторжествовавшего в 1830-е годы аболиционизма) по сравнению с нашими образом мыслей и нормами поведения. Если выразить это одним словом, они были «другими».

И одна из причин продолжить изучение древнегреческой цивилизации заключается именно в стремлении оценить это отличие, эту «инаковость», чтобы сопоставить ее с тем, что у нас есть на самом деле (или в наших представлениях) общего с ними с точки зрения культуры. Позвольте мне в заключение акцентировать позитивные аспекты нашего эллинистического наследия. Прежде всего рассмотрим два знаменитых афоризма: один – широко употребительный, имперсональный и, если судить по месторасположению содержащей его надписи, имеющий божественное происхождение, и другой – приписываемый конкретному человеку, оказавшемуся в «слишком человеческих» обстоятельствах. Вместе, как мне думается, они дадут хорошую картину и внешнего – весьма привлекательного – сходства, и резких отличий греческого наследия.

Gnôthi seauton («Познай самого себя») – так гласила одна из трех знаменитых надписей на храме Аполлона Дельфийского, духовном «пупе» древнегреческого космоса (см. Приложение). Сегодня для нас важно и интересно попытаться выполнить это предписание, как некогда сделали это наши культурные «отцы» – римляне: узнать, чем дышали греки, и если не дать полноценное объяснение их основополагающим социальным и культурным практикам, то хотя бы попробовать «прочувствовать» их. Политика, как я попытаюсь доказать ниже, в сущности, представляет собой процесс понимания – даже если он весьма отличается от всего того, к чему мы привыкли на нашем либеральном Западе.

Другой афоризм звучит следующим образом: «Жизнь без [...] исследования [ее самой] не есть

⁸⁴ Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: В 7 т. Т. 5 / Пер. с англ. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – С. 322. – *Примеч. пер.*

жизнь для человека»⁸⁵. Он приписывается очутившемуся в бедственном положении Сократу его величайшим учеником Платоном и содержится в Платоновом варианте Апологии (то есть защитительной речи), которую, как считается, произнес в Афинах в 399 г. до н.э. философ, стоя перед народным судом (см. седьмую главу). Характерная для диалектики греков черта: этот афоризм прекрасно соотносится с дельфийской максимой (и даже дополняет ее), но может рассматриваться и как резко противоречащий ей. Ибо, с одной стороны (воспользуемся типичной греческой формой противопоставления, на которую указывают частицы *мен* и *де*), в результате познания самого себя некто может в полной мере убедиться в том, что он человек, а не божество, и потому обязан уважать и беспрекословно и безусловно соблюдать законы и установления, предписанные «божеством» слабым, немощным и – что важнее всего – смертным людям. (Этой линии неукоснительно следовал император-христианин Юстиниан, распорядившийся в 529 г. закрыть все греческие философские, то есть, по сути, дохристианские школы; наибольший резонанс имело закрытие афинской Академии.) С другой стороны (*де*), его можно интерпретировать в совершенно противоположном смысле: тогда речь в нем идет о жизни человека, вопрошающего обо всем на свете – не в последнюю очередь о людских обычаях (для которых греки использовали то же самое слово – *номос*, – что и для «законов», не допускающих двусмысленности юридических постановлений). Причем сомнениям среди прочего подвергается и всеобщая вера в само существование богов – не говоря уж об убеждении в их безграничной власти.

Подобная борьба (агоны, *agônes*) интерпретаций была отличительной чертой древнегреческих демократических обществ (присущей, впрочем, не одним только им) и культур – таких, как те, что сформировались в классический период в Афинах и Сиракузах. Но соревновательное начало (по-гречески – *agônia*) никоим образом не было присуще одним только древним грекам. Насколько я понимаю, некоторые читатели этой книги захотят поспорить со мной, сочтут малоценными те или иные главы или даже все издание в целом. Но им, да и всем остальным, я хотел бы в заключение предложить нечто противоположное анафеме и суровой критике – энкомий, или пеан, пусть и «обоюдоострый».

Примерно в 300 г. до н. э. грек по имени Менандр по прозвищу Ретор («оратор») сочинил небольшой трактат о том, как восхвалять *полис*. Прочитую по одноименной книге Могенса Хансена⁸⁶:

«Подчеркиваются особенности полиса как города, но когда речь заходит о политических достижениях и устройстве полиса, Менандр полагает, что более нечего об этом говорить, поскольку все римские полисы теперь управляются одним полисом, то есть Римом!»

Предсказания великих пророков не сбылись: в течение срока, составляющего немногим более жизни одного поколения, появился другой полис, новый Рим, куда более могущественный, если говорить о IV в., нежели прежний, – а именно Византий/Константинополь, новая столица римского императора Константина Великого (ум. 337 г.). Место для него было выбрано как нельзя лучше – там, где сошлись Европа и Азия; он бросал вызов и старому римскому миру на Западе, и разнообразным угрозам сюзеренитету Рима, исходившим с Востока, все равно – от «варваров» или от кого бы то ни было еще.

⁸⁵ Платон. Апология Сократа. 38а (Пер. Вл.С. Соловьева). – *Примеч. пер.*

⁸⁶ Hansen M.H. Polis. Oxford, 2006. P. 158. N. 12.

Основание его также является исключительной четкой (лучшего и пожелать невозможно!) пример псевдозакона, сформулированного Геродотом (книга I, глава 5) примерно семью веками ранее:

«Затем в продолжение моего рассказа я опишу [...] как малые, так и великие людские города (*poleis*). Ведь много когда-то великих городов теперь стали малыми»⁸⁷.

Древнегреческий Византий был основан на тысячу лет ранее, возвысился и приобрел важное значение (если не величие) благодаря энергичной эксплуатации местного рабского труда вифинян и уникальных возможностей сбора торговых налогов, которые обеспечивало его месторасположение на Боспорском проливе. Но новый Византий принципиально отличался от своего предшественника. Он был не просто столицей империи – он был столицей империи христианской, православной и католической («вселенской»). В 325 г. в Никее (современный Изник) Константин созвал Собор епископов, чтобы, скажем так, наложить печать монотеистической православной веры на находившийся под его властью мир, погрязший в повседневных заботах: имеется в виду создание Никейского Символа веры. Прежние «языческие» боги еще не были мертвы (да и в наши дни они не полностью утратили своих почитателей!). Однако прежняя языческая система взглядов, отличавшаяся относительной веротерпимостью и открытая, вынуждена была уступить место догматическому «закрытому» вероучению, способному поддержать такие деяния, как убийство Ипатии в Александрии, – убийство, которому, по-видимому, мог потворствовать сам епископ города. Разумеется, остается открытым вопрос, можно ли считать, что такие убийства язычников христианами или еще более многочисленные убийства христианами единоверцев в каком бы то ни было отношении хуже, нежели убийства горожанами своих соседей во время кровавых междоусобиц (*staseis*), таких как скитализм в Аргосе, омрачивших греческую классическую древность. Но в любом случае ясно, что древнегреческий полис – город (многих) богов и людей – отошел в прошлое.

Александрия, однако, сохраняет свое обаяние и в наши дни (пусть и в значительной мере по причинам ностальгического свойства), прежде всего в стилизованных под античную поэзию стихах грека К. П. Кавафиса (1863–1933), один из которых называется «Город» («*Hê Polis*»). Упомянем также характерную вещь «История и гид» Э. М. Форстера (1922) и фантазии Лоуренса Даррелла, вдохновленного классикой автора «Александрийского квартета» (1957–1960), где Кавафис выведен в образе старого поэта, известного в городе. Исключением, на которое не оказала влияния ностальгия, стала великолепная Новая Александрийская библиотека – центр, спроектированный норвежцами и отличающийся приметами современности в той же мере, в какой «оригинал» воплощал в себе «древнегреческое настоящее» в 300 г. до н.э., то есть 2300 лет назад.

На сайте Новой библиотеки сообщается, что она «создана для того, чтобы восстановить дух открытости и научного знания, некогда присущий *Bibliotheca Alexandrina*», хотя на самом деле это не греческая, а латинская форма названия, тогда как духу научности, столь характерному для Мусейона и ассоциировавшемуся с ним, были по крайней мере в равной доле присущи распри между учеными (*odium academicum*) и открытый, свободный обмен идеями и знаниями. Тем не менее открытость – это и в самом деле удачное воплощение древнегреческого идеала. И если в заключение этого весьма короткого введения в историю Древней Греции, основанного на малой

⁸⁷ Пер. Г.А. Стратановского. – Примеч. пер.

выборке из мириада ее городов, выдвинуть на первый план одну-единственную идею, то мне бы хотелось упомянуть именно открытость – открытость дискуссии.

Наше слово «политика» происходит от древнегреческого прилагательного среднего рода множественного числа *politica*, означавшего «то, что имеет отношение к полису». Прежде всего оно связывается для нас с величайшим трудом Аристотеля по политической социологии и политической теории, созданным в 330–320 гг. до н. э. (где употребляется именно в таком значении). Для греков политика оставалась центральной темой – *es meson*, «стремящейся к центру», как они буквально выражались. Иными словами, общественные дела не просто мыслились как составляющие заботу граждан – они в буквальном смысле решались сообща всем гражданским населением, сходявшимся «посередине», дабы люди могли обсудить, поспорить и добиться того, что они – ошибочно или справедливо – считали общим благом, обеспечивающим интересы города и его жителей. Правда, женщинам не разрешалось участвовать в этом общем политическом акте выработки решения; правда, существовало ужасающее количество рабов или немногим отличавшихся от них и занимавших подчиненное положение трудящихся в черте города или (что бывало чаще) за их пределами – именно они обеспечивали граждан, живших в городе, необходимым досугом (*scholê*, откуда происходит и наше слово «школа»), дабы те могли вершить политику, как считали нужным. Правда, лишь в условиях весьма радикальной демократии, такой как афинская, большинство обычных бедняков мужского пола получали реальный шанс решать вопросы, касавшиеся их самих. И наконец, правда, что греки, имевшие права гражданства, к сожалению, были склонны слишком часто прибегать к такому средству разрешения внутренних противоречий, как открытая гражданская война (*stasis*), и зависть (*phthonos*) куда чаще, чем дружба, определяла отношения между греческими городами. Но все же даже в качестве идеала, которому часто ничто не соответствовало в реальности, греческая политика заслуживает по крайней мере нашего сосредоточенного внимания, а зачастую – ручаюсь за это – и нашего уважения, если не подражания. И во всяком случае для меня она остается рабочим определением того, что есть цивилизация, – это цивилизация, основой которой является город.

Приложение Панэллинские святилища

По определению «панэллинские» («общегреческие», но не обязательно только греческие) религиозные святилища, из которых наиболее важными были те, что находились в Олимпии и Дельфах, имели характер скорее межгосударственный, нежели полисный. Однако полисы ни в коей мере не скрывали своей особой политической идентичности, когда их представители собирались вместе, группами или по отдельности, официально или неофициально, чтобы осмотреть или использовать мистические, поистине святые места. В Олимпии, например, одиннадцать городов, в том числе Сиракузы и Византий (Массалия то же самое сделала в Олимпии), воздвигли сокровищницы, чтобы обозначить свое присутствие на этом куске общегреческой земли и оставить там свой знак, а также чтобы разрекламировать себя или по крайней мере собственное представление о себе в недружной семье греческих полисов. В Дельфах (возьмем классический пример) Спарта и Аргос, насколько это было в их силах, развернули наглядное соперничество, воздвигая стоявшие друг напротив друга памятники у самого входа на Священную дорогу, которая вела к главной «выставке» святилища вокруг храма Аполлона, на котором были выгравированы три

дельфийские максимы, известные как примерами их соблюдения, так и нарушения⁸⁸: «Познай самого себя», «Ничего слишком» и «Поручительство причиняет горе». Большой гармоничностью, истинно религиозным духом отличались Элевсинские мистерии, участники которых были известны как мисты, однако к ним могли приобщиться все, кто говорил по-гречески.

Олимпия возникает на рубеже XI–X вв. до н.э. как сугубо местный культовый центр, что засвидетельствовано многочисленными находками сделанных частными лицами приношений из терракоты и бронзовыми фигурками животных, людей, а также Зевса Олимпийского. Тем, что смогло обеспечить Олимпии рекламу бóльшую, нежели на местном или региональном уровне, был храм оракула, посвященный, как и святилище в целом, Зевсу, прозвище которого – Олимпийский (по названию горы Олимп в Македонии, самой большой в Греции, высотой свыше 3000 метров) – дало название самому месту. Однако общегреческую, затем международную и, наконец, мировую славу принесло Олимпии, конечно, учреждение здесь, как традиционно считается, в 776 г. до н.э. соревнований атлетов – соревнование отражает греческое слово *agônes*, «состязание»; «атлетический» восходит к греческому слову *athla*, означающему «награды». (Я пишу в 2008 г., когда свежа память об Олимпийских играх в Пекине, однако стоит добавить, что идея Паралимпийских игр наверняка удивила бы древних эллинов, которые презирали физическое несовершенство, так же как и идея серебряных, бронзовых, да и золотых медалей, хотя последнее, пожалуй, несколько меньше.) И одна причина, которая позволяет объяснить, почему пятидневные игры, привлекавшие не менее 40 тысяч зрителей, могли проводиться в этом месте, разъясняется в первом стихе первой Олимпийской оды Пиндара: «Вода – лучшее на свете» (Пер. М. Л. Гаспарова). Область вокруг Олимпии, находящаяся на слиянии рек Алфей и Кладей, богата водой, что необычно для Южной Греции.

Рис. 6. Олимпия. Реконструкция

Формально, как уже говорилось, Олимпия принадлежала всем эллинам. Однако на практике организацией игр, проводившихся раз в четыре года, занималась Элида, город средних размеров, который брал на себя все – от отправки священных послов для объявления священного перемирия (*ekekheiria*) накануне пятидневного праздника до жертвоприношения Зевсу, завершавшего игры. Кроме того, именно поэтому из числа граждан Элиды выбирали группу официальных лиц, известных под гордым именем элланодиков, то есть «судей от имени всей Эллады». Здесь обнаружен фрагмент закона, обнародованного примерно в 500 г. до н.э. властями Элиды и выставленного на всеобщее обозрение на бронзовой таблице на священном участке в Олимпии

⁸⁸ В основе – цитата из Шекспира, смысл которой автор изменил: «Обычай этот / Похвальнее нарушить, чем блюсти» (Гамлет. Акт 1. Сцена 4. Пер. М.Л. Лозинского).

(Альтис): в соответствии с ним гарантировались неприкосновенность и защита лицам некоторых категорий из числа подвергшихся обвинению по суду:

«Ретра (постановление. – П.К.) элидян... Если кто-либо выдвинет обвинение против них (упомянутых лиц. – П.К.), в таком случае он подвергнется преследованию, как [если бы он был] элидянином. Если тот, кто занимает высшую должность, и цари (другие должностные лица. – П.К.) его не оштрафуют, то каждый, кто не оштрафует, обязан заплатить десять мин (1/10 таланта, весьма значительная сумма. – П.К.), которые будут посвящены Зевсу Олимпийскому. Элланодику и дамиургам надлежит взимать другие штрафы... Табличка освящена в Олимпии».

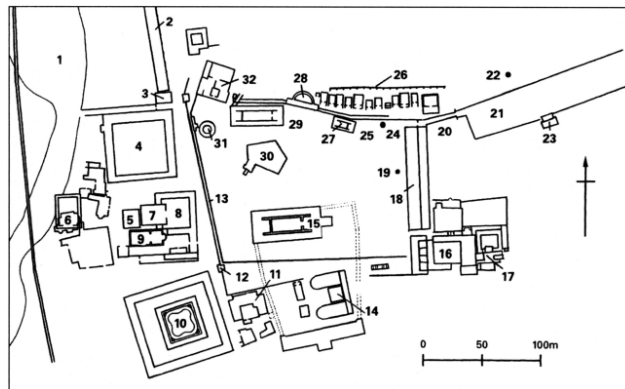
Здесь мы видим настоящего древнего грека, великолепное сочетание священного и мирского, политического и религиозного начал. Олимпии и Олимпийским играм суждено было процветать благодаря этому в течение более чем тысячелетия. Сочинение III в., представлявшее собой биографию греческого философа I в. по имени Аполлоний Тианский, завершается эпизодом об этом великом человеке, который творил суд в Олимпии не менее сорока дней. Сюда к нему стекались юноши и взрослые мужчины из хороших семейств Элиды, Спарты, Коринфа, Мегар, Беотии и даже из Фокиды и Фессалии. Без сомнения, в это время языческие боги еще не умерли. Однако в 395 г. православный византийский император Феодосий I повелел раз и навсегда прекратить «языческие» празднества, и тогда играм действительно пришел конец, но не язычеству как таковому.

Дельфийское святилище в Фокиде было посвящено одному из многочисленных сыновей Зевса, Аполлону, и являлось местопребыванием самого авторитетного оракула во всем эллинском мире. Весьма известен случай, когда в 388 г. до н.э. спартанский царь⁸⁹ устроил своего рода состязание между оракулами, обратившись к одному, а потом к другому, – сначала добился нужного ему ответа от Зевса Олимпийского, а потом спросил Аполлона Дельфийского, согласен ли тот с отцом, – вопрос, на который даже могучий Аполлон не мог безбоязненно дать отрицательный ответ! Дельфы означает «истоки», и для древних греков это был «пуп земли» (*omphalos*), начало всего мироздания – их центральное положение обуславливалось мифом, согласно которому Зевс выпустил двух орлов, чтобы они облетели весь мир в различных направлениях, и они в результате встретились именно здесь, в Дельфах.

Поэтому его истоки как панэллинского святилища, как это имеет место и со святилищем в Олимпии, целиком теряются во мгле «темных веков» греческой истории (XI–IX вв. до н.э.), но один примечательный фактор, который может объяснить заметное возвышение Дельф в VIII в. до н.э., – его важнейшая санкционирующая роль в процессе заморской колонизации. Как мы указывали в главе о Милете, Аполлон Дельфийский был богом греческой колонизации. Самое позднее к 730-м гг. до н.э. все уже согласилось с тем, что любые действия по основанию новой колонии на Сицилии требуют заранее ясно выраженного одобрения и разрешения Аполлона Дельфийского, общее (то есть от всех греческих поселенцев) святилище которому было сооружено в сицилийском Наксосе. А столетием позднее, к 630-м гг. до н.э., наблюдалось уже почтительное отношение к высокому статусу Аполлона как советчика по таким вопросам со стороны пострадавших от засухи жителей одного из Кикладских островов – Феры (ныне Санторин). В результате они основали город в местности (Кирена, ныне на территории Ливии), о которой он, Аполлон, хотя и выступал не в

⁸⁹ Имеется в виду Агесилай II, о котором шла речь выше. – Примеч. пер.

качестве советчика, уже знал, поскольку (так бог объявил в своем «автоматическом», то есть не испрошенном ответе) там уже побывал...

Рис. 7. План Олимпии

1. Река Кладей. 2. Ксист. 3. Ворота. 4. Палестра. 5. Герон. 6. Бани. 7. Дом с внутренним двором. 8. Жилой дом. 9. «Мастерская Фидия». 10. Леонидайон. 11. Помещение для атлетов. 12. Вход для процессий. 13. Стена. 14. Булевтерий. 15. Храм Зевса. 16. Дом Нерона. 17. Римские бани. 18. Дорическая колоннада. 19. Почетный монумент. 20. Потайной вход. 21. Стадион. 22. Алтарь. 23. Место для третейского суда. 24. Базы статуй. 25. Терраса. 26. Сокровищницы. 27. Метроон. 28. Нимфей. 29. Храм Геры. 30. Участок Пелопса. 31. Филиппейон. 32. Пританей.

Дельфы, подобно Олимпии, также являлись местом проводившихся раз в четыре года игр (учрежденных, правда, на два столетия позже, в 582 г. до н.э.), которые включали в себя музыкальные, поэтические, атлетические и конные состязания. Игры руководил особый постоянно действовавший совет, известный как амфикифия, который состоял из представителей всех основных культурных и географических областей Греции, но преобладали там представители из соседней Фессалии. В 480 г. до н.э. святилище подверглось угрозе со стороны персов и, вероятно, было осквернено ими, хотя дельфийские жрецы решительно настаивали на том, что Аполлон оградил его от насилия⁹⁰. Они также настаивали, что они (и это столь же маловероятно) твердо стояли за сопротивление варварскому вторжению безо всяких компромиссов.

Во всех событиях именно Дельфы, а не Олимпия, были избраны местом для сооружения «эллинами» (так называли себя участники антиперсидской коалиции) большого памятника в честь победы в греко-персидской войне 480–479 гг. до н.э. Так поступили несмотря на то, что святилище находилось на месте, вокруг которого почти постоянно шли междоусобные войны между греческими полисами: в Дельфах рассматривали такой выбор места для демонстрации персидской добычи как доказательство особого благоволения Аполлона к ним в прошлом и надежду на нее в будущем и его поддержку. Олимпия, конечно, также почтила победу над персами, однако Немея, контролировавшая другое святилище Зевса, где проводились панэллинские игры, этого не сделала – возможно, потому, что там предпочитали и дальше поддерживать хорошие отношения со своим могущественным соседом Аргосом, который занял демонстративно «нейтральную» позицию в той войне.

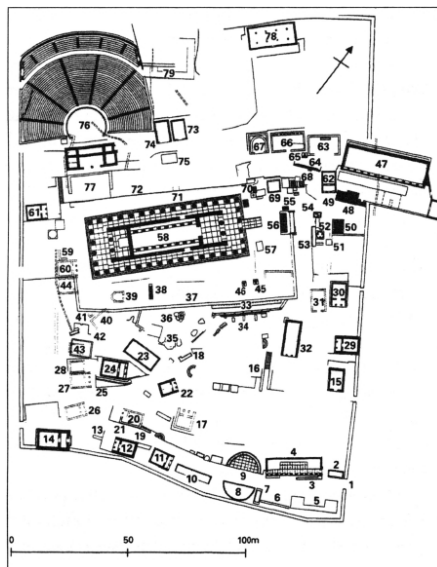
Победный памятник состоял из золотого котла-треножника, поддерживавшегося бронзовой колонной примерно 6 метров высотой, стоявшей на каменной базе. Колонна имела форму завитков, увенчаных змеиными головами, откуда название всего сооружения – Змеиная колонна. На завитках

⁹⁰ Ни в одном источнике нет сведений об осквернении святилища персами. Рассказ Геродота о том, что на персов на пути к храму в Дельфах обрушились ливень и камнепад, после чего они подверглись истреблению, может отражать вполне реальные события – нападение дельфийцев на отряд персидских мародеров в условиях непогоды, облегчившей обеспечение фактора внезапности. – *Примеч. пер.*

ее написаны на дельфийском варианте греческого алфавита имена «тех, [кто] сражался в этой войне», как лаконично указано там: это города и региональные образования, принесшие клятву сопротивляться персам, – не более тридцати одного (и это из 700 или около того полисов только Балканской Греции и Эгеиды!). Маловато, если говорить о тех греках, которые сопротивлялись персам. В действительности же больше греков сражалось на стороне персов, нежели против них.

Список состоит из трех групп, а возглавляют его «лакедемоняне» (спартанцы), «афиняне» и «коринфяне». Двадцать девять из тридцати одного – названия полисов, и в их число входят легендарные Микены (они все еще существовали, но только для того, чтобы их безжалостно разрушили аргосцы немногим более десяти лет спустя). Другие десять, помимо Спарты, Коринфа и Микен, находились на Пелопоннесе, еще семь, помимо Афин, – в Центральной Греции, к северу от Истмийского перешейка. Два представляли не отдельные полисы, а *ethnos* (народность) малийцев (хотя по иронии судьбы именно малиец Эфиальт предал греков в Фермопилах Ксерксу за деньги, и его имя послужило обозначением кошмара в языке современных греков) и «кеян», собирательное название четырех полисов, находившихся на полуострове Кеос относительно недалеко от восточного побережья Аттики. Жителями островов являлись также люди с Эгины (Саронический залив), Теноса, Наксоса, Китноса и Сифноса (Кикладский архипелаг), из Эретрии, Халкиды, Стирии (Эвбея), а также Левкады (один из островов, находящихся у западного побережья Центральной Греции)⁹¹. Примечательно, что даже этот очень короткий список носил избирательный характер – туда следовало бы также включить по крайней мере еще Кротон (в Великой Греции, то есть на юге Италии), Пале (на острове Кефалления), Сериф (один из Кикладских островов) и опунтских (восточных) локров (этнос в Центральной Греции, подобно малийцам). Однако такая несправедливая избирательность была обычным делом, когда речь шла о панэллинизме, и она, будучи идеологическим знаком, являла собой причудливое сочетание соперничества и сотрудничества.

Рис. 8. План святилища Аполлона в Дельфах

1. Вход. 2. База статуи керкирского быка. 3. Базы аркадских статуй. 4. Портик. 5. Памятник флотоводцев. 6. Место для памятника Мильтиада. 7. Базы статуи аргосского коня. 8. Базы статуй Семи и эпигонов. 9. Памятник аргосских царей. 10. Базы тарентинских статуй. 11. Сокровищница сикионян. 12. Сокровищница сифнийцев. 13. Базы для статуй липарян. 14. Сокровищница фиванцев.

⁹¹ Имеются в виду Ионические острова. – *Примеч. пер.*

15. Сокровищница. 16. Лестница. 17. Сокровищница. 18. Базы беотийских статуй. 19. Базы этолийских статуй. 20–21. Сокровищница и терраса мегарян. 22. Сокровищница книдян. 23. Здание совета. 24. Сокровищница афинян. 25. База памятника в честь Марафонской битвы. 26. Сокровищница «беотийцев». 27. Сокровищница. 28. Сокровищница. 29. Сокровищница киренян. 30. Сокровищница Брасида и аканфян. 31. Сокровищница. 32. Сокровищница коринфян. 33. Афинский портик. 34. «Круг». 35. Камень Сивиллы. 36. Колонна и сфинкс наксосцев. 37. Многоугольная стена. 38. Источник Муз. 39. Храм «Г». 40–41. Жилые дома. 42. Источник у Асклепейона. 43. Сокровищница под Асклепейоном. 44. Сокровищница. 45. Приблизительное место колонны мессенян. 46. Предполагаемое место для черной колонны из известняка. 47. Портик Аттала I. 48. Портик Эвмена II. 49. Колонна Аттала I. 50. Колесница Гелиоса. 51. Змеиная колонна. 52. База кротонской статуи. 53. Базы тарентинских статуй. 54. Место статуи Аполлона Саламинского. 55. Этолийская колонна Эвмена II. 56. Алтарь Аполлона. 57. Колонна Эмилия Павла. 58. Храм Аполлона. 59. Жилой дом. 60. Сокровищница. 61. Сокровищница. 62. Сокровищница. 63. Огороженный участок и неоконченная база. 64. База керкирской колонны. 65. База колонны в виде аканфа. 66. База статуи Даоха. 67. Полукруглая база. 68. Треножки Гелона и Гиерона. 69. База статуи Аполлона Ситалка. 70. Колонна Пруссия. 71. Грот. 72. Исхегаон. 73. Сокровищница театра. 74. Сокровищница театра. 75. Жилой дом. 76. Театр. 77. Пещера Кратера. 78. Место собраний книдян. 79. Не идентифицированный объект.

Котел кощунственным образом подвергли переплавке в 350-х гг. до н.э. фокидяне – жители соседней с Дельфами области. Они оказались затем вовлечены в жестокий конфликт (по иронии судьбы получивший название Священной войны⁹²) с Филиппом II Македонским из-за контроля над Дельфами и остро нуждались в драгоценных металлах в монете или слитках для оплаты иноземных (то есть греческих, но из других краев) наемников. Однако кое-что от памятника все-таки уцелело. Некоторые из камней, составлявших основание Змеиной колонны, до сего дня сохранились в Дельфах. А то, что осталось от самой бронзовой колонны, обнаружили достаточно далеко, в Стамбуле, или, если говорить точнее, на ипподроме (стадионе для конных ристаний) древнего Константинополя. Как это произошло – другая история и для другой книги; а эту книгу мы можем завершить тем, что в нашем очень кратком исследовании древнегреческой цивилизации через призму истории эллинских городов все дороги ведут в «новый» Рим, а оттуда путь лежит к войне за независимость от Османской империи и к новой Греции.

Дополнительная литература

Я сознательно предпочел здесь избирательный принцип. Если не говорить о первом, «общем» разделе, я, как обычно, ограничил мои рекомендации всего лишь одной или двумя книгами или доступными статьями на английском языке. Советы по поводу дополнительного чтения часто можно встретить в указанных ниже книгах, особенно в моей «Кембриджской иллюстрированной истории Древней Греции» (раздел «Дополнительная литература», с. 371-373).

Прежде всего отдельного упоминания, однако, заслуживает книга Кэтлин Фримен «Греческие города-государства», впервые опубликованная в 1950 г. давно прекратившим свое существование

⁹² Что иронического здесь усматривает автор, непонятно – фокидяне наложили руку на сокровища дельфийского храма, и война велась в отместку за их святотатство (другое дело, что на деле Филипп преследовал куда более прозаические цели – не столько отомстить фокидянам за святотатство, сколько укрепить свое влияние в Греции). – *Примеч. пер.*

издательством «MacDonald & Co (Publishers) Ltd» в Лондоне. Совершенно случайно, после того как я закончил в Кембридже работу над этой книгой, я наткнулся на потрепанный экземпляр книги Фримен в знаменитом магазине «Strand Bookshop» на Бродвее в Нью-Йорке – я работал в Нью-Йоркском университете в качестве приглашенного профессора. Или, точнее, наткнулся на нее вновь, поскольку, как я сразу же вспомнил, по этому учебнику по истории Древней Греции я занимался в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре во время весеннего семестра 1965 г. под руководством профессора Стилианоса Спиридакиса (ныне работает в Калифорнийском университете в Дэвисе).

Фримен начинает изложение цитатой из книги Макса Кэрри «Географический фактор истории Греции и Рима» (Oxford University Press, 1940): «Географические факторы играют в истории большую роль. Однако личность оказывает на нее еще большее влияние». Ну это еще как сказать... Однако я, конечно, совершенно согласен с тем, что сама Фримен утверждает во «Введении»: «Если мы хотим понять греческий мир, то нам следует изучать не только Афины и Спарту, но и острова Эгейского моря, греческие города Сицилии, Италии, Малой Азии, а также различные полисы Балканской Греции». И следовательно, мне импонирует ее решение придать книге форму очерков об отдельных городах. Книга Фримен вдвое больше, чем моя, однако речь в ней идет всего лишь о девяти полисах (Фурии, Акрагант, Коринф, Милет, Кирена, Сифнос, Абдера, Массалия и Византий). Наш выбор совпал лишь в трех случаях (см. главы 4, 5 и 11), и у меня нет желания отказываться от глав об Афинах и Спарте. Кроме того, после шестидесяти лет исследований (особенно Копенгагенского центра по изучению полиса) многое из того, что есть в книге Фримен, устарело, и даже в 1950-х гг. не все, что она писала, было вполне правильно и убедительно. Тем не менее я рад приветствовать свою предшественницу, и, похоже, она вдохновила меня на написание этой работы сорок лет спустя.

I. Общая литература

1. Справочная литература

Barrington Atlas of Greek and Roman World / Ed. R. Talbert. Princeton: Princeton University Press, 2000 (доступна также на CDROM).

The Cambridge Dictionary of Greek Civilization / Ed. G. Shipley et al. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Mee C., Spawforth A. Greece. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Oxford Classical Dictionary / Ed. S. Hornblower, A. Spawforth. Oxford: Oxford University Press, 1996, и последующие издания, дополненные и исправленные.

Princeton Encyclopedia of Classical Sites / Ed. R. Stillwell. Princeton: Princeton University Press, 1976.

Roberts J. Oxford Dictionary of Classical World. Oxford: Oxford University Press, 2007.

2. Античные источники

I. Тексты в переводе

Austin M. The Hellenistic World from Alexander to the Roman Conquest. 2nd ed. Cambridge:

Cambridge University Press, 2006.

Burstein S . The Hellenistic Age from the Battle of Ipsos to the Death of Cleopatra VII. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Crawford M., Whitehead D . Archaic and Classical Greece: A Selection of Ancient Sources in Translation. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Dillon M., Garland L . Ancient Greece: Social and Historical Documents from Archaic Times to the Death of Socrates. London; New York: Routledge, 1994.

Harding P . From the End of the Peloponnesian War to the Battle of Ipsus. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Rhodes P . The Greek City States: A Sourcebook. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

II. Археология, язык

Classical Archaeology / Ed. S. E. Alcock, R. Osborne. New Jersey: Blackwell, 2007.

A History of Ancient Greek: From the Beginnings to Late Antiquity / Ed. A.-Ph. Christidis. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

3. Современные исследования

I. Однотомные обзоры

The Oxford History of the Classical World / Ed. J. Boardman, J. Griffin, O. Murray. Oxford: Oxford University Press, 1986.

The Greek World: Classical, Byzantine and Modern. London: Thames & Hudson, 1985.

The Cambridge Illustrated History of Ancient Greece. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Freeman C . Egypt, Greece and Rome: Civilizations of the Ancient Mediterranean. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2004 (особенно гл. 8–19).

Higgins C . It's All Greek To Me: From Homer to the Hippocratic Oath: How Ancient Greece Has Shaped our World. London, Short Books, 2008.

Levi P . Atlas of the Greek World. Oxford: Phaidon, 2008.

II. Историография

Sources for Ancient History / Ed. M. Crawford. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Fornara C . The Nature of History in Ancient Greece and Rome. Los Angeles; Berkeley: University of California Press, 1983.

A Companion to Greek and Roman Historiography / Ed. J. Marincola. Vol. 1–2. Malden; Oxford: Blackwell, 2007.

II. Литература по историческим периодам

Доисторический период

Dickinson O . The Aegean Bronze. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Renfrew C . The Emergence of Civilization: The Cyclades and the Aegean in the Third Millennium B.C. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.

Протоисторический период и ранняя история до 500 г. до н.э.

Boardman J . The Greek Overseas: Their Early Colonies and Trade. 4th ed. London: Thames and Hudson, 1999.

Burn A.R . The Lyric Age of Greece. London: Methuen, 1960; 2nd ed. 1978.

Dickinson O . The Aegean from Bronze Age to Iron Age. London; New York: Routledge, 2006.

См. также: Murray, 1993, Osborn, 1996; Hall, 2007; Desborough, 1972; Coldstream, 2004; Jefferey 1976 (ниже).

III. Монографии, освещающие различные периоды в эпоху от архаики до эллинизма

1. Серия издательства Fontana (Глазго)

(под редакцией Освина Меррея)

Murray O . Early Greece. 2nd ed. London, 1993.

Davies J.K . Democracy and Classical Greece. 2nd ed. London, 1993.

Walbank F.W . Hellenistic Greece. 2nd ed. London, 1992.

2. Серия издательств Methuen / Routledge (Лондон)

Osborne R . Greece in the Making, 1200–480 BC. London; New York, 1996.

Hornblower S . The Greek World, 479–323 BC. 3rd ed. London; New York, 2002.

Shipley G . The Greek World after Alexander, 323–30 BC. London; New York, 2000.

3. Серия издательства Blackwell (Оксфорд)

Hall J . A History of the Archaic Greek World, ca 1200– 479 BC. Oxford, 2007.

Rhodes P . A History of the Classical Greek World. Oxford, 2007.

Errington R. Malcolm . A History of the Hellenistic World 323–30 BC. Oxford, 2008.

1 Очевидно, подразумевается книга: *Walbank F.W* . Hellenistic World. 2nd ed. London, 1992.

4. Серия издательства Benn (Лондон)

Desborough V . The Greek Dark Ages. London, 1972.

Coldstream N. Geometric Greece: 900–700 BC. London, 1977 (2nd ed. London; New York: Routledge, 2003).

Jeffery L.H. Archaic Greece: The City States 700–500 BC. London, 1976.

IV. Города (см. также выше I.1 и ссылки)

Глава 1. Введение

Hansen M.H. Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State. Oxford: Oxford University Press, 2006.

An Inventory of Archaic and Classical Poleis / Ed. M. H. Hansen, T. H. Nielsen. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Глава 2. Кносс

Brown A. Arthur Evans and the Palace of Minos. Oxford: Ashmolean Museum, 1993.

Chadwick J. The Decipherment of Linear B. Cambridge: Cambridge University Press, 1958 (2nd ed. – 1990).

Fitton L. The Minoans. London: British Museum Press, 2002.

Knossos: Palace, City, State (BSA Studies 12) / Ed. G. Cadogan, E. Hatzaki, A. Vasilakis, 2004.

Morales H. Classical Mythology: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2007.

<http://www.channel4.com/history/microsites/H/history/i-m/minoans01.html>

Примечание : под эгидой Британской школы в Афинах существует Стратиграфический музей в Кноссе, который является частью Греческого музея в Кноссе.

Глава 3. Микены

Chadwick J. The Decipherment of Linear B. Cambridge: Cambridge University Press, 1958 (2nd ed. – 1990).

Chadwick J. The Mycenaean World. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Gere C. The Tomb of Agamemnon: Mycenae and the search for a hero. Profile Books, 2006.

Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge: Cambridge University Press, 1956 (2nd ed. 1973).

Примечание : раскопки в Микенах ведутся Британской школой и греческими археологами со времен, когда вел свои раскопки отнюдь не на научной основе Шлиман в 1870-х гг.

Глава 4. Аргос

Tomlinson R.A. Argos and Argolid. London; New York: Routledge, 1972.

Материалы раскопок, проводимых Французской археологической школой в Афинах, публикуются в «Bulletin de Correspondance Hellénique».

Глава 5. Милет

Akurgal E . Ancient Civilizations and Ruins of Turkey: From Prehistoric Times until the End of the Roman Empire. 3rd ed. Istanbul: Mobil Oil Türk, 1973.

Greeves A.M . Miletos: A History. London; New York: Routledge, 2002.

Freeman K . Greek City-States. London: Macdonald, 1950. P. 127–179.

Глава 6. Массалия

Clavel-Lévêque M . Marseille Grecque: La La dynamique d'un impérialisme marchand. Marseille: Jeanne Laffitte, 1977.

Hermay A . The Greeks in Marseilles and the Western Mediterranean // The Greeks Beyond the Aegean: From Marseilles to Bactria / Ed. V. Carageorgis. Nicosia: A. G. Leventis Foundation, 2004. P. 59–77.

Shefton B.B . Massalia and Colonization in the NorthWestern Mediterranean // The Archaeology of Greek Colonization: Essays Dedicated to Sir John Boardman / Eds. G. R. Tsetschladze and F. De Angelis. Oxford: Oxbow Books, 1994. Ch. 5.

Freeman K . Greek City-States. London: Macdonald, 1950. P. 233–249.

Глава 7. Спарта

Arthemis Orthia (Journal of Hellenic Studies. Suppl. V. 1929) / Ed. R. M. Dawkins.

Cartledge P . The Spartans: An Epic History. 2nd ed. London: Pan Macmillan&Vintage, 2003.

Cartledge P . Sparta and Laconia: A Regional History 1300–362 BC. New edition. London; New York: Routledge, 2002.

Cartledge P ., *Spawforth A* . Hellenistic and Roman Sparta: A Tale of Two Cities. Rew. Edn. London; New York: Routledge, 2002.

Примечание : Британская школа в Афинах в содружестве с Греческим эфоратом доисторических и классических древностей, находящимся в Спарте, возобновила раскопки на спартанском акрополе, которые впервые начались в 1906 г. Сведения об их результатах регулярно публикуются в «Annual of the British School at Athens» и приложениях к нему.

Глава 8. Афины

The Athenian Agora: A Guide to the Excavation and the Museum. 4th ed. American School of Classical Studies, Athens) / Ed. J. M. Camp II. Athens, 1990.

Camp II J.M . The Athenian Agora: Excavations in the Heart of Classical Athens. London: Thames&Hudson, 1986 and rev. repr.

Camp II J.M . The Archaeology of the Athens. New Haven; London: Yale University Press, 2004.

The City Beneath the City: Antiquities from the Metropolitan Railway Excavations (Catalogue, exhibition at N. P. Coulandris Foundation Museum for Cycladic Art, Athens) / Ed. L. Parlama and N. Ch. Stampolidis. Athens: Greek Ministry of Culture N. P. Coulandris Foundation, 2000.

Hurwitt J.M . The Athenian Acropolis: History, Mythology and Archaeology from the Neolithic Era to

the Present. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Примечание : греческие археологи официально проводят раскопки в Афинах под эгидой Археологического общества (основано в 1837 г.). Общество до сих пор процветает и ведет раскопки, однако большинство проектов в Афинах и Аттике теперь осуществляются под эгидой Археологической службы, ведомства министерства культуры. Американская школа классических исследований проводит раскопки на агоре с 1931 г. и публикует серию монографий, а также бесценную серию для широкого круга читателей под названием «Agora Picture Books».

Глава 9. Сиракузы

Dover K . The Greeks. Oxford: Oxford University Press, 1980. Ch. 2.

Finley M.I . Ancient Sicily to the Arab Conquest. 2nd ed. London: Chatto&Windus, 1979.

Syracuse, the Fairest Greek Cisty: Ancient from the Museo Archeologico Regionale 'Paolo Orsi' / Ed. B. Daix Wescoat. University Pennsylvania Press, 1995.

Wilson R . Sicily under the Roman Empire. Warminster: Aris&Philipps, 1990.

Глава 10. Фивы

Buckler J . The Theban Hegemony, 371–362 B.C. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1980.

Demakopoulou K ., *Konsola D* . Archaeological Museum of Thebes. Athens, 1980.

Глава 11. Александрия

Empereur J.Y . Past, Present and Future. London: Thames&Hudson, 2002 (французское издание – 2001).

Haag M . Alexandria: City of Memory. New Haven; London: Yale University Press, 2004.

Lerishe P . The Greeks in the Orient: From Syria to Bactria // The Greeks Beyond the Aegean: From Marseilles to Bactria / Ed. V. Carageorgis. Nicosia: A. G. Leventis Foundation, 2004. P. 78–128.

Pollard J., Reid H . The Rise and Fall of Alexandria: Birthplace of the Modern World⁹³. New York: Viking Penguin, 2006; Penguin Books, 2007.

Глава 12. Византий

Akurgal E . Ancient Civilizations and Ruins of Turkey: From Prehistoric Times until the End of the Roman Empire. 3rd ed. Istanbul: Mobil Oil Türk, 1973, s.v. Byzantium.

Freeman K . Greek City-States. London: Macdonald, 1950. P. 251–260.

Приложение. Панэллинские святилища

1. Олимпия

⁹³ Очевидно, автор имеет в виду *Pollard J., Reid H* . The Rise and Fall of Alexandria: Birthplace of the Modern Mind. – *Примеч. пер.*

Finley M.I., Pleket H.W. . The Olympic Games: The First Thousand Years. London: Chatto&Windus, 1976.

Herrmann J.J., Jr., Kondoleon C. . Games for the Gods: The Greek Athlete and the Olympic Spirit. Boston: Museum of Fine Arts, 2004.

Measham T., Spathari T., Donnelly P. . 1000 Years of the Olympic Games: Treasures of Ancient. Athens: Hellenic Ministry of Culture; Sydney: Powerhouse Museum, 2000.

Swaddling J. . The Ancient Olympic Games. New edn. London: British Museum, 1999 и последующие допечатки.

Примечание : Германский археологический институт (Deutsches Archäologisches Institute, DAI) в Афинах ведет раскопки в Олимпии с 1896 г. и издает две научные серии, «Olympia-Bericht» и «Olympische Forschungen». В связи с Олимпийскими играми в Мюнхене в 1972 г. Институт опубликовал каталог научной выставки: «100 Jahre deutsche Ausgrabung in Olympia (100 лет немецких раскопок в Олимпии)» под редакцией Б. Фельмана и Х. Шайинга (Prestel-Verlag, Мюнхен).

2. Дельфы

Petracos B.Chr. . Delphi. Athens: Hesperos, 1971.

Примечание : Французская археологическая школа в Афинах ведет раскопки в Дельфах с 1893 г. и публикует научную серию с дополнительными томами под названием «Études Delphiques».

Хронология

Все даты до 508-507 гг. до н.э. носят приблизительный характер и даются в соответствии с общепринятой традицией.

Бронзовый век

3000 г. до н.э. (до 1000 г. до н.э.) – Мinoйская (критская) цивилизация

1600 г. до н.э. – (до 1150 г. до н.э.) – Микенская цивилизация

1400 г. до н.э. – разрушение Кносса

1250 г. до н.э. – разрушение Трои

Ранний железный век

1100 г. до н.э. (до 700 г. до н.э.) – эпоха переселений (дорийское переселение, заселение греками Малой Азии, начало колонизации Запада)

Эпоха архаики

776 г. до н.э. – учреждение Олимпийских игр 750 г. до н.э. – изобретение греческого алфавита⁹⁴, эвбейцы заселяют Исхию и Кумы

735–715 гг. до н.э. – спартанцы завоевывают Мессению

733 г. до н.э. – основание Сиракуз

700 г. до н.э. – время жизни и деятельности Гомера и Гесиода

700 г. до н.э. – введение гоплитской тактики

669 г. до н.э. – битва при Гисиях: победа аргосцев над спартанцами

620 г. до н.э. – законы Драконта в Афинах

600 г. до н.э. – основание Массалии; жизнь и деятельность Фалеса Милетского; усовершенствование триеры; изобретение монеты

594 г. до н.э. – законы Солона в Афинах

550 г. до н.э. – возникновение Персидской империи Ахеменидов

546 г. до н.э. – Кир II («Великий») Персидский одерживает победу над Крезом Лидийским

545–510 гг. до н.э. – тирания Писистрата и его сына Гиппия в Афинах

508/7 г. до н.э. – проведение Клисфеном демократических реформ в Афинах

505 г. до н.э. – спартанцы создают Пелопоннесский союз

Эпоха классики

499–494 гг. до н.э. – Ионийское восстание: мятеж против персов ионийских греков и других греческих и негреческих общин и народностей

490 г. до н.э. – сражение при Марафоне: афиняне и платейцы наносят поражение персидским завоевателям

480–479 гг. до н.э. – второе персидское нашествие под предводительством Ксеркса терпит неудачу: битвы при Саламине (480 г. до н.э.) и Платеях (479 г. до н.э.)

480 г. до н.э. – битва при Гимере: сицилийские греки под руководством Гелона одерживают победу над карфагенянами

478 г. до н.э. – создание афинянами антиперсидского Делосского союза (существовал до 404 г. до н.э.)

474 г. до н.э. – Гиерон I Сиракузский одерживает победу над этрусками при Кумах

466 г. до н.э. – конец тирании и начало демократии в Сиракузах

462 г. до н.э. – дальнейшие демократические реформы в Афинах: деятельность Эфиальта и Перикла

460–446 гг. до н.э. – Первая Пелопоннесская война: Спарта и ее союзники против Афин и их союзников

449 г. до н.э. – Калиев мир между Афинами и Персией; его историчность оспаривается

447 г. до н.э. – Фивы наносят поражение Афинам и организуют федеральное государство на олигархических началах; начинается строительство Парфенона (закончено в 432 г. до н.э.)

446 г. до н.э. – тридцатилетнее перемирие между Спартой и Афинами (нарушено в 431 г. до н.э.)

431–404 гг. до н.э. (с перерывами) – Пелопоннесская война

⁹⁴ Дата, пожалуй, слишком поздняя – самая ранняя надпись на древнегреческом языке относится к IX в. до н.э. (найдена на месте античных Габий в Италии), причем ее палеография уже весьма развита, то есть алфавит возник значительно раньше этой надписи. – *Примеч. пер.*

- 421–414 гг. до н.э. – Никиев мир
- 418 г. до н.э. – битва при Мантинее: победа спартанцев
- 415–413 гг. до н.э. – афинская экспедиция на Сицилию; победа сиракузян
- 405 г. до н.э. – приход к власти тирана Дионисия I Сиракузского
- 404 г. до н.э. – Спарта при поддержке Персии выигрывает Пелопоннесскую войну
- 404–371 гг. до н.э. – спартанская гегемония
- 401–400 гг. до н.э. – поход «десяти тысяч» в Азию
- 395–386 гг. до н.э. – Коринфская война: Спарта терпит поражение от Четверного союза (Афины, Беотия, Аргос, Коринф)
- 386 г. до н.э. – «Царский мир», заключенный Артаксерксом II Персидским и Агесилаем II Спартанским
- 385 г. до н.э. – Платон основывает Академию
- 378 г. до н.э. – Афины основывают второй морской союз антиспартанской направленности (существовал до 338 г. до н.э.), в числе соучредителей – Фивы
- 371 г. до н.э. – сражение при Левктрах: победа фиванцев над спартанцами, гегемония Фив в Балканской Греции (до 362 г. до н.э.)
- 367 г. до н.э. – смерть Дионисия I Сиракузского
- 366 г. до н.э. – конец Пелопоннесского союза во главе со Спартой
- 362 г. до н.э. – вторая битва при Мантинее; победа фиванцев, смерть Эпаминонда; возобновление всеобщего мира
- 359 г. до н.э. – вступление на престол Филиппа II Македонского
- 356–346 гг. до н.э. – Третья Священная война: фокидяне против Филиппа
- 346 г. до н.э. – Филократов мир
- 338 г. до н.э. – битва при Херонее, основание Коринфской лиги
- 336 г. до н.э. – убийство Филиппа II; вступление на престол Александра Великого
- 336–323 гг. до н.э. – царствование Александра
- 335 г. до н.э. – разрушение Фив по приказу Александра; основание Аристотелем школы в Ликее в Афинах
- 334 г. до н.э. – вторжение Александра на территорию персидской державы
- 331 г. до н.э. – основание Александрии Египетской; битва при Гавгамелах
- 330 г. до н.э. – крушение Персидской империи Ахеменидов
- 323–322 гг. до н.э. – неудачное восстание греков против Македонии
- 322 г. до н.э. – смерть Аристотеля и Демосфена; конец афинской демократии

Эпоха эллинизма

- 301 г. до н.э. – битва при Ипсе, гибель Антигона Одноглазого – основателя династии Антигонидов в Македонии
- 300 г. до н.э. – основание Зеноном школы стоиков
- 283 г. до н.э. – смерть Птолемея I, основателя династии Птолемеев в Египте, Мусейона и библиотеки при нем в своей столице – Александрии
- 281 г. до н.э. – убийство Селевка I, основателя династии Селевкидов в Азии; восстановление Ахейского союза

- 263 г. до н.э. – Эвмен I наследует Филетеру в качестве правителя Пергамского царства
244–241 гг. до н.э. – царствование Агиса IV в Спарте
238–227 гг. до н.э. – война Аттала Пергамского за преобладание в Малой Азии
235–222 гг. до н.э. – царствование Клеомена III в Спарте
224–222 гг. до н.э. – вторжение Антигона III Досона в Пелопоннес, основание Эллинской лиги
223–187 гг. до н.э. – царствование Антиоха III, преемника Селевка III
222 г. до н.э. – сражение при Селласии: поражение спартанцев от Антигона III
221–179 гг. до н.э. – царствование Филиппа V, преемника Антигона III
215 г. до н.э. – союз Филиппа и Ганнибала Карфагенского
211 г. до н.э. – заключение союза между Римом и Этолией: Первая Македонская война (до 205 г. до н.э.); римляне подвергают разграблению Сиракузы
200–197 гг. до н.э. – Вторая Македонская война
196 г. до н.э. – римляне объявляют Грецию «свободной»
194 г. до н.э. – римляне покидают Грецию
192–188 гг. до н.э. – Сирийская война Рима против Антиоха III
171–168 гг. до н.э. – Третья Македонская война
168 г. до н.э. – битва при Пидне и конец династии Антигонидов
148 г. до н.э. – Македония становится римской провинцией
147–146 гг. до н.э. – восстание Ахейского союза против Рима

Поздняя Римская республика

- 146 г. до н.э. – разорение Коринфа, Ахайя становится римским протекторатом
133 г. до н.э. – Аттал III Пергамский завещает свое царство Риму, оно становится римской провинцией Азия
86 г. до н.э. – римский военачальник Сулла подвергает разорению Афины
31 г. до н.э. – битва при Акции: победа Октавиана над Клеопатрой и Антонием

Ранняя Римская империя

- 27 г. до н.э. – 14 г. н.э. – правление Октавиана / Августа в качестве первого римского императора
66–67 гг. – римский император совершает путешествие в Грецию, «побеждая» на Олимпийских играх
117–138 гг. – правление императора Адриана
267 г. – герулы разоряют Афины и Спарту

Византийская эпоха

- 324 г. – основание (8 ноября) Константинополя (второе основание Византия) императором Константином
330 г. – освящение (11 мая) Константинополя
395 г. – император Феодосий I приказывает прекратить почитание любых нехристианских культов и проведение Олимпийских игр
529 г. – император Юстиниан (527–565 гг.) приказывает закрыть греческие философские школы
1453 г. – взятие Константинополя Мехмедом II Завоевателем, султаном Османской империи

1952 г.⁹⁵ – дешифровка «линейного письма Б» – письма древнейшего греческого языка
2004 г. – М. Х. Хансен и Н. Х. Нильсен (Копенгагенский центр по изучению полиса) издадут книгу «Каталог полисов архаической и классической эпохи»

Словарь

Акрополь – верхний город, цитадель.

Агоге – система спартанского государственного воспитания.

Алфавит греческий – заимствован у финикийцев с добавлением букв для обозначения гласных звуков, вероятно, с VIII в. до н.э.

Амфиктиония – собрание представителей главных общин Центральной Греции (особенно из Фессалии), избранных для надзора за дельфийским святилищем и Пифийскими играми; Спарта имела постоянное место, представляя в амфиктионии дорийских греков.

Архаический период обычно датируется 750 (или 700) – 500 (или 480) гг. до н.э. Слово «архаический» подразумевает (возможно, ошибочно) незрелость по сравнению с **классическим периодом**.

Архонт – гражданское должностное лицо.

Аристократия – правление (kratos) так называемых лучших людей (*aristoi*).

Аттика – территория афинского полиса, приблизительно 1000 кв. м / 2400 кв. км.

Великие Дионисии – ежегодное религиозное празднество в Афинах в честь Диониса, сопровождавшееся постановками трагедий, комедий и сатирических драм.

Гетера – высокооплачиваемая проститутка, куртизанка.

Гоплит – тяжеловооруженный греческий пехотинец.

Гюбрис (*hybris*) – ущемление чужих прав с недобрыми намерениями.

Делосский союз – имперский союз 478–404 гг. до н.э. под главенством Афин.

Дем – округ, административный район, селение в Афинах и в Аттике, всего – 139.

Демократия – дословно верховная власть (*kratos*) демоса.

Демос – гражданский коллектив, народ в целом.

Дифирамб – песня культового характера, изобретенная, вероятно, Арионом Лесбосским в конце VII в. до н.э. и исполнявшаяся хором в честь Диониса.

Дорийцы – греческая народность, имевшая, подобно ионийцам, свой диалект и некоторые особые религиозные обычаи; их главным городом была Спарта (а также Кносс, Микены, Аргос, Сиракузы, Византий).

Драхма – денежная единица, дословно «горсть» (из 6 оболлов).

Илоты – рабы – греки по рождению, подданные Спарты, жившие в Лаконике и Мессении.

Ионийцы – греческая народность, имевшая, подобно дорийцам, собственный диалект и некоторые особые религиозные обычаи. Получили имя от Иона, сына Аполлона⁹⁶; их главным городом были Афины, а также Милет и Массалия.

Классический период обычно датируется 500 или 480–323 гг. до н.э. (смерть Александра Великого).

⁹⁵ Очевидное недоразумение: 1952 г. (и 2004 г. – см. далее) уже никак нельзя отнести к византийской эпохе, которая закончилась в 1453 г. – *Примеч. пер.*

⁹⁶ Куда более вероятно, что сначала появился этноним «ионийцы», а уже потом его объяснили происхождением от имени Иона. – *Примеч. пер.*

Кoine – «общий», то есть общий язык, универсальный вариант греческого, сложившийся после завоеваний Александра. Его основой послужил преимущественно афинский диалект.

Колонизация – общепринятый, но некорректный термин для обозначения процесса эмиграции и основания новых городов/поселений. Миграция в Ионию (XI–X вв. до н.э.), собственно эпоха колонизации (примерно 750–550 гг. до н.э.) и основание поселений на Ближнем Востоке и в Центральной Азии в послеалександровскую эпоху.

Комедия – пение и шумное веселье, позднее (486 г. до н.э.) превратившееся в театральное действие во время **Великих Дионисий**.

Лакедемон – (I) официальное название спартанского полиса; (II) территория Спарты, примерно 3000 кв. м / 80 000 кв. км.

Логос – слово; речь; разум; рассказ.

Метек – более или менее постоянно проживавший на территории полиса чужеземец, обязанный платить ежемесячный подушный налог.

Мидяне – иранская народность, соотносимая и постоянно путавшаяся с персами; «медизм» – чрезвычайно некорректный греческий термин для обозначения предательского сотрудничества с персами в ущерб интересам эллинов.

Мисты – посвященные, например в Элевсинские мистерии.

Монетная чеканка предполагала изображение эмблем соответствующих государств и производилась из слитков драгоценного металла фиксированного веса (золота, серебра, электрума – сплава золота и серебра). Изобрели ее, вероятно, лидийцы в конце VII – начале VI в. до н.э. Вскоре ее позаимствовали греки, например из Милета (см. «Греческие денежные единицы и меры длины»).

Обол – денежная единица, название которой восходит к слову *obelos* – вертел.

Ойкос – семейство или фамилия расширенного состава, включающая в себя рабов, животных и прочую собственность; также дом (включая обиталище бога или богини).

Олигархия – правление (*arche*) немногих (богатых).

Олимпия – святилище Зевса Олимпийского, место проведения игр, проходивших раз в четыре года, начиная с 776 г. до н.э., как установлено Гиппием из Элиды.

Олимпиада – метод летосчисления, которое велось по четырехлетним периодам между Олимпийскими играми. Впервые стал использоваться в III в. до н.э. как метод расчета дат Тимеем из сицилийского города Тавромения.

Олимпийцы – двенадцать верховных богов и богинь, обитавших на вершине горы Олимп, главным из которых был Зевс (см. «Кто есть кто»).

Остракизм – принудительное изгнание из Афин на десять лет, решение о котором принималось путем подсчета имен «кандидатов», которые надписывались на *ostraka* – глиняных черепках.

Пелопоннес – «остров Пелопса», полуостров, отграниченный от Центральной Греции Истмийским перешейком у Коринфа.

Пелопоннесская война 97 – длившаяся на протяжении жизни целого поколения война между Афинами и Спартой и их союзниками (431–404 гг. до н.э. с перерывами), в результате которой Спарта при поддержке Персии одержала полную победу.

Персидская империя – существовала приблизительно в 550–330 гг. до н.э. Основана Киром, сокрушена Александром.

Платей – небольшой город в Беотии неподалеку от границы с Аттикой, место решительной

⁹⁷ В английском тексте – афино-пелопоннесская. Мы придерживаемся принятого в науке (как в отечественной, так и зарубежной) ее названия. – *Примеч. пер.*

битвы греко-персидских войн (479 г. до н.э.).

Полис – город (государство, городской центр) обычно был связан с хорой – сельской территорией; от этого слова произошло слово *politeia* – гражданство, государственное устройство (например, демократическое).

Пифия – жрица Аполлона Дельфийского, изрекавшая пророчества.

Сатирова драма – юмористический спектакль с участием сатиров (полулюдей-полукозлов, спутников Диониса) в качестве хора, представлявшихся трагедографами в качестве обязательного дополнения к их трилогиям.

Сатрап – правитель, наместник провинции в персидской державе.

Священный отряд – отборный отряд фиванской пехоты численностью в 300 человек, состоявший из 150 пар гомосексуалистов. Учрежден в 378 г. до н.э.

Семь мудрецов – состав этой группы варьировался, в их число входили Хилон, Солон, Фалес.

Стадий – мера длины, расстояние между двумя крайними точками на беговой дорожке, около 200 метров.

Стасис – «стояние» порознь, раздоры, гражданская война.

Синойкизм – дословно «союз очагов» (см. **Ойкос**), то есть объединение деревень для создания централизованного политического целого.

Талант – мера веса и денег, первоначально вавилонская; равнялась 6000 драхм.

«Темные века» – в предлагаемой книге под ними понимается переходный период от преесторического к раннеисторическому, приблизительно от 1000 до 800 г. до н.э. (однако «темными» они кажутся для нас, и одни области греческого мира в это время выглядят значительно «светлее», а другие – «темнее»).

Тиран – незаконный правитель, обладавший неограниченной властью в результате узурпации и/или насилия.

Тридцать тиранов – самопровозглашенная *dynasteia* (хунта) крайних олигархов во главе с Критием, правившая Афинами жестокими методами в 404–403 гг. до н.э. и уничтожившая 1000 человек; разгромлена демократической коалицией во главе с Фрасибулом.

Триера – боевой корабль с тремя рядами весел и 170 гребцами.

Фермопилы – дословно «Горячие Ворота», проход на севере Центральной Греции, место безуспешного, но героического сопротивления греков под предводительством Леонида Спартанского персидскому нашествию в 480 г. до н.э.

Фивы – главный полис Беотии.

Хор – песня, танец, группа певцов/танцоров (например, от двенадцати до пятнадцати в хоре для трагедий в Афинах).

Хорег – афинский импресарио, богатый гражданин, обязанный финансировать хор для спектаклей во время празднеств.

«Царский мир» был заключен в 386 г. до н.э. и назван так из-за персидского Великого Царя Артаксеркса II, однако известен также как Анталкидов мир (см. «Кто есть кто»). По условиям этого мира Спарта и Персия поделили между собой Эгеиду.

Экклесия – народное собрание, называлось так потому, что людей «выкрикивали» для участия в нем; позднее это слово стало связываться с религиозными собраниями христианских общин, отсюда английское *ecclesiastical* и французское *église*.

Эллинистическая эпоха – период, традиционно датируемый временем от смерти Александра в

323 г. до н.э. до смерти Клеопатры в 30 г. до н.э. Не следует смешивать слова «эллинистический» и «эллинский», то есть просто греческий.

Эфоры – коллегия из пяти высших исполнительных должностных лиц в Спарте, ежегодно избиравшихся народным собранием довольно своеобразным способом – выкриками; осуществляли специальный надзор за уникальной спартанской системой воспитания (см. **Агоге**).

Язычество (paganism) – *paganus* (лат.) был крестьянином, жителем деревни, тогда как первые христиане являлись «горожанами», так что слово *paganus* служило для обозначения нехристианина.

Кто есть кто

Агамемнон – царь Микен, главнокомандующий греческой экспедицией против Трои, представлен **Гомером** как весьма противоречивая личность. Его убийство является сюжетом первой части «Орестей» – трилогии **Эсхила** (458 г. до н.э.).

Агесилай II – один из царей Спарты (ок. 400-360 гг. до н.э.). В то время один из самых могущественных деятелей в Балканской Греции, однако именно при нем произошли упадок и ослабление Спарты.

Александр Великий – родился в 356 г. до н.э., учился у **Аристотеля** ок. 343 г. до н.э., царствовал в 336-323 гг. до н.э. Довершил дело своего отца **Филиппа II** и осуществил завоевание Персидской империи. Смерть в Вавилоне унесла его раньше, нежели он успел консолидировать свою новую имперскую систему.

Алкивиад (ок. 450-404 гг. до н.э.) – находился под опекой Перикла⁹⁸, самый блестящий, хотя и, возможно, самый своенравный из его преемников, запятнавший себя изменой, реабилитированный и изменивший вновь⁹⁹.

Анаксимандр (предположительно первая половина VI в. до н.э.) – милетский натурфилософ в духе Фалеса. Рассматривал мироздание как космос, пребывающий в равновесии.

Анталкид – спартанский военачальник и дипломат, по имени которого был назван мирный договор с Персией в 386 г. до н.э. (см. словарь, «Царский мир»).

Антифонт – афинский политик олигархического толка, ритор, возможно, философ, вдохновитель антидемократического переворота, казненный позднее по обвинению в измене.

Аполлон – брат-близнец Артемиды, более всего ассоциируемый с Дельфами и музыкой и другими искусствами; божественный патрон греческой колонизации.

Аристид – жил ок. 525–467 гг. до н.э. Афинянин, получивший прозвище «Справедливого», поскольку прославился своей беспристрастностью при первоначальном распределении денежных и иных повинностей союзников при создании Делосского союза.

Аристотель (384–322 гг. до н.э.) – родом из Стагиры в Северной Греции, сын придворного врача македонского царя – отца **Филиппа Македонского** ¹⁰⁰. Ученик **Платона**, наставник **Александра**, основал собственную школу в Ликее ок. 335 г. до н.э. Известно примерно пятьсот названий его научных трудов, из которых сохранилось тридцать, особенно по биологии, зоологии и политике¹⁰¹.

Аристофан (ок. 445–385 гг. до н.э.) – автор более чем сорока комедий, из которых сохранилось

⁹⁸ Мать Алкивиада была двоюродной сестрой Перикла. – *Примеч. пер.*

⁹⁹ В действительности вторично Алкивиад Афинам не изменял – не переизбранный стратегом на 406 г. до н.э., он удалился в добровольное изгнание во Фракию. – *Примеч. пер.*

¹⁰⁰ Отца Аристотеля звали Никомахом, а македонского царя, при дворе которого он практиковал, – Аминтой. – *Примеч. пер.*

¹⁰¹ Остается загадкой, почему автор не счел нужным упомянуть прежде всего о философских трудах Аристотеля, как и о том, что тот был одним из самых выдающихся философов античности. – *Примеч. пер.*

одиннадцать. Выдающийся мастер «старой» комедии с ее политической направленностью (см., например, «Птицы») и основатель «средней» комедии – комедии нравов (см., например, «Плутос»).

Артемиды – сестра-близнец Аполлона, богиня охоты и дикой природы, ассоциировавшаяся с превращением девушек во взрослых женщин.

Архимед (ок. 287–212 гг. до н.э.) – изобретатель, прежде всего математик и астроном. Погиб в бою с римлянами при обороне его родного города Сиракузы.

Аспасия – родом из Милета, но более прославилась в хорошем или дурном смысле, будучи спутницей **Перикла**, жениться на которой ему запрещал его собственный закон об афинском гражданстве 451 г. до н.э.¹⁰²; ее сын от Перикла получил то же имя, и он получил права гражданства по особому решению экклесии после того, как во время страшной эпидемии умерли оба сына Перикла от законного брака.

Афина – олимпийская богиня, дочь Зевса, родившаяся из его головы; ассоциировалась прежде всего с войной и ремеслами; божественная покровительница Афин и Спарты.

Вакхилид с острова Кеос (ок. 510–450 гг. до н.э.) – родственник **Симонида**, лирический поэт, сочинявший оды в честь побед и **дифирамбы** (см. словарь).

Гармодий – юный любовник Аристоклитона, вместе с которым он убил брата тирана **Гиппия**; они стали первыми, кому от имени государства были установлены почетные статуи на афинской агоре.

Гекатей Милетский (его акме приходится на время ок. 500 г. до н.э.) – политический деятель, географ и историк, автор «Путешествия вокруг Земли», которым активно пользовался **Геродот**.

Гелон – тиран Сиракуз в 485–478 гг. до н.э., отразил карфагенское нашествие, одержав победу при Гимере в 480 г. до н.э., которая, как уверяли, произошла в тот же день, что и битва при Саламине.

Гера – сестра и жена Зевса, покровительница брака и супружества у людей; божественная покровительница Аргоса.

Геродот Галикарнасский (ок. 484–425 гг. до н.э.) – историк, в изгнании стал гражданином города Фурии¹⁰³.

Гесиод (расцвет творчества приходится ок. 700 г. до н.э.) – поэт-дидактик, автор поэм «Труды и дни» и «Теогония».

Гиерон – сиракузский тиран в 478–467 гг. до н.э., преемник **Гелона**, разгромил этрусков при Кумах в 474 г. до н.э., покровитель **Симонида** и **Пиндара**.

Гиппий (I) – афинский тиран в 527–510 гг. до н.э., наследовал своему отцу Писистрату; (II) Гиппий из Элиды (2-я половина V в. до н.э.), представитель старшей софистики, эрудит – считается, например, что он установил дату первых Олимпийских игр.

Гипподам Милетский (V в. до н.э.) – архитектор-градостроитель и автор философско-политической утопии, разработал новый план застройки Пирея и план нового города Родос в соответствии с ортогональным «планом Гипподама».

Гиппократ Косский (ок. 460–380 гг. до н.э.) – основатель медицинской школы, ему приписываются шестьдесят трактатов, составляющих «Гиппократов корпус».

Гомер – многие ионийские города провозглашали себя его родиной; расцвет творчества «слепого Гомера», возможно, приходится (а может, и нет) на VIII в. до н.э. Именно ему мы обязаны

¹⁰² Строго говоря, закон о гражданстве браков с чужеземцами не запрещал – он лишь не признавал детей от них афинскими гражданами. – *Примеч. пер.*

¹⁰³ Грубое упрощение: Геродот уехал в Афины, а уже оттуда – в Фурии, в основании которых принял заметное участие. – *Примеч. пер.*

комбинированием длительной устной традиции и превращением ее в две монументальные эпические поэмы, автором которых он считается.

Горгий (ок. 483–375 гг. до н.э.) – уроженец Леонтин на Сицилии, один из четырех «древних софистов», очаровавших афинское народное собрание, авторитетный педагог и пропагандист риторики.

Дарий I – Великий Царь Персии, правивший ок. 520–486 гг. до н.э., второй основатель персидской державы, подавил Ионийское восстание 499–494 гг. до н.э., однако потерпел поражение при Марафоне в 490 г. до н.э.

Демокрит (ок. 460–370 гг. до н.э.) – родом из Абдер. Писал сочинения по этике, математике и музыке, однако наибольшую известность снискал себе «атомистической» теорией природного универсума.

Демосфен (384–322 гг. до н.э.) – выдающийся афинский политический и судебный оратор, возглавлял сопротивление Афин и Греции македонским царям Филиппу и Александру, но в конечном счете потерпел неудачу.

Дионис – бог иллюзий и экстаза, особенно тех, которые навевают вино и театральные представления.

Дионисий I – тиран Сиракуз в 405–367 гг. до н.э., не давал карфагенянам распространить свой контроль на греческую часть Сицилии, покровительствовал Платону, был увенчан как трагический поэт в Афинах.

Драконт – пик его деятельности приходится примерно на 620 г. до н.э. Автор древнейших афинских законов, которые позднее ошибочно считались «написанными кровью», то есть предполагавшими смертную казнь за все или наиболее тяжелые преступления.

Евклид – пик его деятельности приходится на 295 г. до н.э. (царствование **Птолемея I**) в Александрии. Математик и астроном, его тринадцать книг «Начал» (планиметрия, теория чисел, стереометрия) сохраняют фундаментальное значение.

Еврипид (ок. 485–406 гг. до н.э.) – трагедиограф, от которого до нашего времени дошло девятнадцать из восьмидесяти приписываемых ему трагедий. При жизни жестоко высмеивался комическими поэтами, однако после смерти стал самым популярным из трех великих трагедиографов. Умер в Пелле, столице Македонии, где написал своих «Вакханок».

Зевс – верховный олимпийский бог (см. словарь), брат и муж Геры, повелитель неба, метатель молний, известен многочисленными любовными похождениями.

Иктин – один из создателей Парфенона. Также считается, что по его проекту были построены зал для проведения Элевсинских мистерий¹⁰⁴ и храм Аполлона в Бассах.

Калликрат – один из создателей Парфенона, также построил храм Ники (богини победы)¹⁰⁵ на афинском Акрополе.

Каллимах (III в. до н.э.) – ученый и поэт, уроженец из Кирены, составивший первый каталог царской библиотеки в Александрии.

Каллистен (ок. 380–327 гг. до н.э.) – родом из Олинфа (город разрушен **Филиппом Македонским** в 348 г. до н.э.), родственник и соавтор **Аристотеля**, официальный историограф **Александра**, однако был казнен им по обвинению в измене¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Этот зал назывался Телестрион. – *Примеч. пер.*

¹⁰⁵ Имеется в виду Ника Аптерос – «бескрылая», то есть та, которая не улетит из Афин. – *Примеч. пер.*

¹⁰⁶ Обстоятельства смерти Каллистена не вполне ясны – по другим данным, он умер в заключении. – *Примеч. пер.*

Кимон (ок. 510–450 гг. до н.э.) – сын **Мильтиада**, победителя при Марафоне, афинский политический деятель и полководец. Один из основателей Делосского союза, поссорился с **Периклом**, настаивая на наступательной политике в отношении Персии и мирной – в отношении Спарты.

Кир Великий – Кир II, Великий Царь Персии ок. 550–529 гг. до н.э., основатель державы Ахеменидов, освободитель иудеев от вавилонского владычества.

Клеон – ведущий афинский политик после смерти **Перикла**, от души ненавидимый **Фукидидом**, инициатором изгнания которого, возможно, был и жестоко высмеянный **Аристофаном** (особо см. «Всадники»).

Клеопатра (69–30 гг. до н.э.) – Клеопатра VII, последняя из представителей греко-македонской династии Птолемеев, правивших Египтом после завоевания его **Александром**. Побеждена Октавианом Августом¹⁰⁷ при Акции в 31 г. до н.э., покончила жизнь самоубийством.

Клисфен – афинский аристократ (ок. 565–505 гг. до н.э.), по материнской линии внук сикионского тирана¹⁰⁸, считается основателем афинской демократии в 508–507 гг. до н.э.

Крез – царь Лидии, чье имя вошло в поговорку («богат, как Крез»), правил ок. 560–546 гг. до н.э. В отношениях с греческими городами своего государства (в том числе с Эфесом, где он украсил храм Артемиды) проявлял себя как филэллин. Был побежден **Киром Великим**.

Критий (ок. 460–403 гг. до н.э.) – старший родственник Платона, глава проспартанской хунты Тридцати тиранов, писал сочинения в стихах и в прозе, в которых восхвалял Спарту.

Ксенофонт – афинский консерватор, подопечный и ученик Сократа, поклонник Спарты, воевал в качестве наемника, написал автобиографию, сочинения по истории, этике, хозяйству, а также биографию и роман¹⁰⁹.

Ксеркс – Великий Царь Персии в 486–465 гг. до н.э., сын Дария I, неудачно пытался претворить в жизнь отцовский замысел завоевания Греции.

Леонид I – один из царей Спарты, героически погиб при Фермопилах в 480 г. до н.э.

Ликург Спартанский – законодатель (возможно, мифический), которому приписывается введение всех компонентов спартанской военной, общественной и политической системы, однако все эти законы были неписаными.

Лисандр (погиб под Галиартом в 395 г. до н.э.) – спартанский флотоводец, сыгравший решающую роль в достижении успеха Спарты в Пелопоннесской войне, однако поссорился со своим бывшим любовником **Агесилаем** из-за послевоенной политики.

Лисий, сын Кефала (V в. до н.э.) – иммигрант из Сиракуз; один из представителей канона десяти «аттических ораторов», однако был **метеком** (см. словарь), а не афинским гражданином, несмотря на активное участие в сопротивлении сторонников демократии **Тридцати тиранам** (см. словарь).

Лисипп из Сикиона (IV в. до н.э.) – чрезвычайно плодовитый скульптор, создатель большинства известных портретов **Александра**.

Мавсол – эллинизированный кариец, правитель персидской провинции Кария в 377–353/2 гг. до н.э., основал греческий Галикарнас, где его сестра и вдова возвела для него оригинальный по замыслу Мавзолей, украшенный ведущими греческими скульпторами (см. **Скопас**).

Менандр (ок. 342–292 гг. до н.э.) – родоначальник «новой комедии», знаменитый своим в

¹⁰⁷ На момент Актийской битвы Октавиан еще не получил титула «Август», который принял лишь четыре года спустя. – *Примеч. пер.*

¹⁰⁸ Тиран Сикиона также звался Клисфеном. – *Примеч. пер.*

¹⁰⁹ Имеются в виду панегирик в честь спартанского царя Агесиния II и роман «Воспитание Кира» («Киропедия»). – *Примеч. пер.*

высшей степени реалистическим изображением персонажей, ученик Феофраста.

Мильтиад (ок. 550–489 гг. до н.э.) – афинский полководец, чье руководство войсками позволило одержать победу при Марафоне, однако прежде он был тираном в Херсонесе Фракийском и вассалом Персии.

Мирон (его акме приходится на середину V в. до н.э.) – афинский скульптор. Из выполненных им бронзовых статуй наиболее известен «Дискобол» (до нашего времени сохранилась лишь римская копия).

Никий (ок. 470–413 гг. до н.э.) – богатейший рабовладелец, афинский политический деятель и военачальник, разбитый и погибший во время сицилийской экспедиции, организованной **Алкивиадом**, оппонентом которого выступал Никий.

Павсаний из Магнесии (его зрелость приходится на 160–170-е гг.) – паломник и автор антикварного направления «Описания Эллады» в десяти книгах, благодаря которому до нашего времени дошло немало сведений о верованиях и истории классической Греции.

Парменид (род. ок. 515 г. до н.э. в Элее на юге Италии – отсюда название «школа элеатов») изложил свое монистическое философское учение в поэме, написанной гекзаметром.

Пелопид (ок. 410–364 гг. до н.э.) – фиванский политический деятель и полководец, командовал **Священным отрядом** (см. словарь), тесно сотрудничал с Эпаминондом.

Перикл (ок. 495–429 гг. до н.э.) – афинский государственный деятель демократического направления, специалист по финансам, военачальник, пользовавшийся огромным влиянием в 450–430-х гг. до н.э., особенно много сделал для осуществления имперской строительной программы.

Пиндар (538–448 гг. до н.э.) – фиванец, автор хвалебных поэтических сочинений. Создал четыре книги эпиникиев – од в честь побед на Олимпийских, Пифийских (в Дельфах), Истмийских и Немейских играх.

Писистрат (годы наибольшей активности – ок. 560–527 гг. до н.э.) – трижды был тираном в Афинах; наиболее долгий из данных периодов продолжался с 545 по 527 г. до н.э. Развернул общественные работы, которые щедро оплачивал, а также стал осуществлять культурные и религиозные программы, укреплявшие влияние Афин.

Пифагор (его акме приходится на время ок. 530 г. до н.э.) – уроженец Самоса, однако ушел в изгнание в Кротон, основатель квазирелигиозного сообщества, в котором избегали принесения в жертву животных как связанного с пролитием крови, занимался теорией чисел и астрономией.

Пифей из Массалии (2-я пол. IV в. до н.э.) – исследовал моря у берегов Северной Европы, обогнул Британию, возможно, доплыл до Исландии.

Платон (ок. 427–347 гг. до н.э.) – ученик и последователь Сократа. В 385 г. до н.э. основал Академию; все известные диалоги Платона сохранились наряду с теми, авторство которых является спорным.

Плутарх (ок. 46 г. до н. э. – 120 г.) из Херонеи – автор около 200 сочинений, в том числе семидесяти восьми дошедших до нас «Моралий» и пятидесяти биографий, большинство из которых представляют собой «параллельные жизнеописания» греков и римлян.

Поликлет (V в. до н. э.) – аргосский скульптор, соученик Мирона.

Пракситель (его зрелость приходится на 370–330 гг. до н.э.) – афинский скульптор, работавший с мрамором и бронзой. Главным образом известен как создатель первой статуи обнаженной Афродиты, предназначенной для культа богини, а также как любовник гетеры Фрины («Жабы»).

Протагор из Абдер (ок. 490–420 гг. до н.э.) – представитель старшей софистики, написал по крайней мере два трактата, в том числе трактат «О богах», во введении к которому он высказался в духе агностицизма; в политике, возможно, придерживался демократических взглядов, автор первой конституции нового полиса Фурии (ок. 445 г. до н.э.).

Птолемей I (ок. 367–283/2 гг. до н.э.) – основатель царства и династии Птолемеев в Египте как «преемник» Александра, возможно, основатель Мусейона и библиотеки в столице своей державы – Александрии, написал апологетическую историю¹¹⁰.

Сапфо из Эреса на Лесбосе (2-я пол. V в. до н.э.) – поэтесса и, возможно, педагог, ее лирика, в которой воспевается любовь между женщинами, породила понятие «лесбийская любовь».

Симонид с острова Кеос (его зрелость приходится на 556–468 гг. до н.э.) – родственник **Вакхилида**, автор хвалебных поэтических сочинений, более всего прославился эпиграммами в честь афинян, павших при Марафоне, и спартанцев, погибших при Фермопилах.

Скопас (его зрелость приходится на 370–330 гг. до н.э.) с богатого мрамором острова Парос – прославился полными экспрессии скульптурами, которые украшали Мавзолей.

Сократ (ок. 469–399 гг. до н.э.) – афинский философ неортодоксальных этических и религиозных воззрений, антидемократических взглядов в политике, сатирически изображен Аристофаном в «Облаках» (423 г. до н.э.), осужден за нечестие в 399 г. до н.э.¹¹¹, не написал ни строчки философских сочинений.

Солон (его взлет приходится на 594 г. до н.э.) – афинский политический деятель и поэт, избран архонтом для разрешения тяжелого кризиса, издал законы, которые заменили бóльшую часть законов **Драконта**.

Софокл (ок. 496–406 гг. до н.э.) – афинский трагедиограф, занимался также политической деятельностью, ему приписывают авторство ста двадцати трех трагедий, из которых до нашего времени сохранились семь (последняя, «Эдип в Колоне», была опубликована после смерти автора).

Тимолеонт (ок. 365–334 гг. до н.э.) – коринфянин, прославившийся на Сицилии тем, что ниспроверг сиракузскую тиранию и разгромил карфагенскую армию.

Фалес Милетский (ок. 625–547 гг. до н.э.) – натурфилософ и один из **семи мудрецов**, считается, что он предсказал солнечное затмение 585 г. до н.э.

Фемистокл (ок. 524–459 гг. до н.э.) – афинский флотоводец и политический деятель, вдохновитель греческого сопротивления персам в 480–479 гг. до н.э., заложил основы афинского морского могущества. Подвергся остракизму в 471 г. до н.э., закончил свои дни почтенным пенсионером Великого Царя Персии.

Феофраст (ок. 371–285 гг. до н.э.) – уроженец Эреса, ученик и преемник Аристотеля в качестве главы школы в Ликее, основатель ботаники как науки, автор сочинения «Характеры», создал коллекции сборников законов и обычаев.

Фидий (ок. 490–430 гг. до н.э.) – афинский скульптор, из бронзы, мрамора и дерева, украшенного золотом и слоновой костью, создал статую Зевса в Олимпии и Афины Парфенос в Афинах, возможно, именно он отвечал за скульптурное оформление Парфенона. Соратник Перикла. Был обвинен в краже золота, предназначавшегося для статуи Афины¹¹².

¹¹⁰ Птолемей описал походы Александра. По мнению других историков, изложение Птолемея носило не апологетический по отношению к Александру, а в целом объективный характер. С уверенностью судить об этом трудно, ибо сочинение Птолемея до нашего времени не дошло. – *Примеч. пер.*

¹¹¹ Кроме того, Сократа обвиняли в развращении юношества. Дело в том, что Сократ побуждал своих молодых учеников задуматься над вещами, казавшимися очевидными большинству афинян, и когда юноши задавали соответствующие вопросы старшим и не получали вразумительного ответа, то многие из них, естественно, переставали относиться к старшим с прежним почтением. То есть под развращением юношества могло пониматься то, что после общения с Сократом молодые люди перестают уважать отцов. – *Примеч. пер.*

¹¹² От этого обвинения Фидий легко оправдался, поскольку золотое одеяние Афины можно было снять со статуи и взвесить его, чтобы выяснить, утаил ли скульптор какую-то часть золота. Однако Фидию инкриминировали также то, что в сцене битвы с амазонками он изобразил среди сражающихся себя и Перикла, то есть совершил тем самым святотатство. От этого обвинения Фидий оправдаться не смог и либо покинул Афины, либо умер в тюрьме. – *Примеч. пер.*

Филипп II – правил Македонией в 359–336 гг. до н.э., завоевал большую часть Греции, планировал вторжение в Персию, однако был убит во время свадьбы дочери.

Фрасибул (погиб в 389 г. до н.э.) – афинский государственный деятель демократического направления и флотоводец, руководитель сопротивления режиму **Тридцати тиранов** (см. словарь).

Фриних (его акме приходится на 510–476 гг. до н.э.) – один из зачинателей афинской трагедии, подвергся суровому наказанию за свою пьесу «Взятие Милета» (ок. 493 г. до н.э.) на том основании, что афиняне нашли ее слишком печальной.

Фукидид (ок. 455–400 гг. до н.э.) – историк и военачальник, подвергся изгнанию за то, что не сумел удержать Амфиполь, написал историю Пелопоннесской войны, которая осталась неоконченной¹¹³.

Хилон (VI в. до н.э.) – спартанский эфор, иногда включается в число семи мудрецов.

Эпаминонд (ум. 362 г. до н.э.) – фиванский полководец и философ-пифагореец, наиболее прославлен своими победами над Спартой в 371 г. и в 362 г. до н.э. и тем, что сделал возможным основание Мессены и Мегалополя.

Эратосфен (ок. 275–195 гг. до н.э.) – подобно Каллимаху, уроженец Кирены, однако известность снискал в Александрии, где показал себя одаренным литературным критиком и географом, составил «Хронограф».

Эсхил (ок. 525–456 гг. до н.э.) – афинский трагедиограф. Как утверждают, написал девяносто пьес, из которых сохранились семь (или шесть, если «Прометей прикованный» принадлежит не ему).

Эфиальт (убит в 461 г. до н.э.) – политический противник Кимона, провел демократические реформы в 462–461 гг. до н.э., которые продолжил и углубил Перикл.

¹¹³ «Историю» Фукидида с полуслова, как раз в том месте, где она обрывается, продолжил Ксенофонт – случай уникальный в античной историографии. – *Примеч. пер.*